

*Не верящим - для убеждения.
Сомневающимся - для прозрения.
Верящим - для укрепления.*

Претерпевший же до конца - спасется.
Евангелие от Марка, гл.13

Ужасна смерть, но в ней мера всего высокого.
Православный катехизис

*Если понять как следует то,
что сейчас происходит, то
можно с ума сойти от медленно
растущего нагнетения ужаса.*
Д. Мережковский

Глава 1

Год 2035

Казалось, только теперь у Иветты Сильвер появилась возможность что-то по настоящему осмыслить. Все предыдущие события ее жизни, начиная с того момента, как она вернулась в Дорланду, где родилась, из Швейцарии, где выросла, представлялись ей теперь одним сплошным вихрем, где не было места настоящим размышлениям. Ее словно сразу подхватила мощная волна, но ясно было, что когда-то должна же была эта волна выбросить ее на берег!

И вот он, ее берег. Город-крепость с таинственным названием «Центр гуманистического преобразования». За пределами Белых Стен он пользовался недоброй, темной славой. Кроме стен, он окружен был еще и ореолом предположений, сомнений и - молчания. Просачивались в народ самые разные слухи о предназначении Центра, но ... - теперь-то Иветта знала, насколько ложными оказались те слухи. Если б кто-нибудь догадался, что готовится здесь...

Ее берег. С сегодняшнего дня и, возможно, навсегда. Иветта перевернулась на бок и по детской привычке натянула на голову одеяло, оставив лишь маленькое отверстие для носа. Раньше такое положение обеспечивало ей почти мгновенный сон, но сегодня не подействовало. А между тем, Иветта так устала за эти последние сутки: этот поезд – и тот кошмар в поезде – машина, а потом вертолет, перевернувший внутренности... В самый раз бы заснуть, чтобы сон положил, наконец, барьер между той жизнью и этой, новой, на которую она себя... обрекла? Та жизнь, может быть, показалась бы прожитой земной, а эта - началом бытия, которое на земле зовут «тот свет» – с новыми понятиями и новым делом... Да что там, если говорить об этом месте, как о том свете, то совершенно очевидно, что она попала в ад...

Размышления такого рода сонливости не прибавили. Тогда Иветта решила принять снотворное – средство, к которому прибегала обычно лишь в крайних случаях. Она включила настольную лампу, отыскала на тумбочке мешочек с лекарствами, тут же плеснула в стакан воды, проглотила таблетку...

Тяжело было бы в навязчивом ожидании сна неподвижно лежать в постели наедине со своими мыслями, поэтому Иветта села и зажгла сигарету. Она долго курила, уставясь в одну точку. Таблетка не действовала. Вместо этого Иветту стала охватывать странная нервная дрожь, словно что-то пробивалось в нее извне, заставляя содрогаться. Иветта принудила себя собраться с мыслями. И вдруг поняла, до нее стал доходить смысл и

значение содеянного ею. И, самое главное: она уже никогда, никому не скажет: я передумала, я хочу домой, в Дорланду! Сказать просто некому. Да и, строго говоря, Иветты Сильвер тоже никакой нет. И те, кому она верила, остались за Белыми стенами. А здесь сидит и курит совершенно другая женщина – Сарра Райт. И с этим придется мириться.

Действие таблетки оказалась каким-то извращенным – Иветту (Сарру) не клонило ко сну, но ею вдруг стала овладевать циничная успокоенность. Она быстро встала и произнесла вслух:

- Ну, что ж... Раз уж так не спится, пойду взгляну на свой карманный ад.

Она включила свет, огляделась. Просторная спальня, выдержанная в светлых – бежевых и белых – тонах. Мебель желтоватого дерева с медными украшениями. Плавные, спокойные линии. Толстый ковер с изысканным пастельным узором. Над широкой кроватью – картина, косящая под ранний импрессионизм. Налево – дверь. Иветта распахнула ее. Ничего особенного: гостиная в том же стиле. В углу – вертящаяся пирамидка маленького бара.

- Неплохая идея!

Иветта быстро отодвинула дверцу бара и обнаружила замечательное соцветие бутылок. На нижней полке располагались самые разнообразные рюмки, фужеры и бокалы. Не раздумывая, Иветта схватила первую попавшуюся емкость, показавшуюся достаточно большой, одним движением свернула голову ближайшей нарядной, внушительной бутылке. А потом непьющая Иветта с вождением наблюдала, как красиво льется в высокий стакан искрящаяся светло-коричневая жидкость. Взяв полный стакан, Иветта продолжила свою экскурсию.

Вторая дверь из гостиной вела в веселенький холл. Направо располагалась кухня – небольшое уютное помещенье, напигованное техникой, доселе Иветте неизвестной. Напротив – ванная комната, приятно порадовавшая Иветту: зеленая плитка под малахит, глубокая ванна, биде, странной, но изящной формы унитаза – все это терракотового цвета. Левая стена ванной – сплошь зеркало. Иветта повернулась к нему, и усмехнувшись своему отражению, сделала издевательский книксен:

- Здравствуйте, многоуважаемый доктор Райт!

Г-жа Сарра Райт показалась ей недурной: льняные волосы, позавчера только подстриженные под каре, большие глаза в крашенных ресницах, большой розовый рот, правильная линия носа... Иветта чокнулась с женщиной в зеркале и направилась обратно в гостиную. Там она уселась на ковер в центре комнаты, утвердила рядом с собой початую бутылку, обхватила руками колени, опустив на них голову, и тихо заплакала не облегчающими душу слезами...

Самые ранние воспоминания пугали Иветту. Ей смутно представлялся большой темный город, постоянное недоедание и замерзание... Еще она отрывочно вспоминала трех женщин. Одну – старую и ласковую, совсем седую (потом Иветта узнала, что это была ее старая няня Марика), и еще двух молодых, почти совершенно одинаковых. Одна из них была ее мать Нора – всегда пропадавшая, нервная, часто плакавшая, иногда не в меру суровая, иногда так же преувеличенно нежная. Другая женщина была мамина сестра Алиса, бывшая фрейлина Ее Величества – тоже тревожная, но более сдержанная. Все это запомнилось на фоне страха, вздрагиваний, стрельбы на улице, смятенного шепота в доме. Это теперь Иветта знает, что в те месяцы в Дорланде происходила революция, пала последняя в мире монархия, а маленькую страну залило кровью; говорят, погиб каждый второй. Это произошло двадцать четыре года назад. Теперь Иветта еще знает, что тете Алисе суждено было сначала потерять мужа, ушедшего в Королевскую гвардию, потом родить сына и почти сразу погибнуть при попытке бегства из страны. Няне Марике – нянчившей три поколения Сильверов, предстояло повеситься в пустой квартире в день, когда взяли штурмом королевский дворец, а королеву взорвали гранатами... А мать Иветты прожила еще четырнадцать полных смысла лет. Ее дочь долго пыталась

осмыслить суть личности своей мамы и странность их отношений... Нора Сильвер рассталась с Альбертом, отцом Иветты еще до рождения девочки. Они воспитывали ее с Алисой и Марикой примерно лет до пяти, когда произошла революция. В это время приехал Альберт и уговорил Нору отдать ему дочь на время – чтобы не рисковать ее жизнью. «Время» растянулось на четырнадцать лет. Отец увез маленькую Иветту в Швейцарию, в богатый буржуазный дом, окружил учителями и прислугой, а потом отдал в элитарную школу для сливок общества. Мать-журналистка осталась в революционной Дорланде, работая в газете крайне правого направления. Газета в тех условиях, конечно, не могла прожить долго: во время краткого периода двоевластия редакцию разгромили, повстанцы схватили и расстреляли всех сотрудников без разбора – от уборщиц до главного редактора. Уцелели только Нора и один ее коллега – по чистой случайности. В ту пору она вышла замуж и уж совсем собралась бежать вместе с мужем из гибнущей страны. Только вот при переходе границы Михаэль – так его звали – был смертельно ранен и умер на руках у Норы. Тогда она передумала бежать, вернулась в страну. Кто знает, зачем – может, мстить за него, или, возможно, осознавая другой, большой долг... Со своим другом-коллегой они вновь открыли газету и за годы поставили ее на ноги. Газета, конечно, все время находилась в немилости, новое демократическое правительство трижды чуть не закрыло ее, вечно преследуя всякого рода судами и клеветой.

А Иветта тем временем подрастала в Швейцарии, полюбив привязавшегося к ней отца. И мама стала приезжать. Приехав, она таскала Иветту по кондитерским, закармливая сладостями, была милой, щедрой (это позже Иветта узнала, чего стоила ей та щедрость) и разговорчивой. Но на всем лежал оттенок какой-то суетливости, смущавший Иветту, не позволявший ей по-настоящему открыть матери душу... Все же она любила маму и ждала ее, смирившись с некоторой материнской странностью...

Все могло бы быть хорошо, если б не случилась с Иветтой в восемнадцать лет трагедия. Собственно, если копнуть глубже, то можно понять, что из-за этого она теперь здесь, за Белыми стенами... Вспоминать невозможно... Ее машину остановила девушка. Она казалась очень перепуганной... И вдруг откуда-то выскочили мужчины... Четверо... Ее ударили по голове... По лицу... Вытащили из машины, закрутив руки назад... Ее насильовали и при этом избивали... Во рту был кляп из ее же перчатки... Может быть, это длилось не больше, чем четверть часа, но... Последнее что она услышала – скверный голос в самое ухо: «Мамаше своей за это спасибо скажи». Пока Иветта лежала в реанимации, прикрывшись неотложным делом, уехал и канул ее жених.

«Мамаше своей за это спасибо скажи».

Наверное, Иветта действительно очень сильная от природы – положено ведь было свихнуться. Она ожила, и вовсе не благодаря психоаналитикам, толпу которых нанял для нее папа. Через год пришло последнее письмо от мамы.

Главное, что поняла из него девятнадцатилетняя Иветта, это причину того, почему мама так нарочито старалась, так почти искусственно залюбливала ее: она, оказывается, всю жизнь чувствовала себя виноватой перед своей дочерью в том, что оставила ее в Швейцарии, не увезла обратно. Иветта несколько удивилась: предложи ей мама вернуться – она бы вряд ли согласилась. Уж больно мрачные детские воспоминания о Дорланде остались у нее. Еще в письме был ключ и код от сейфа в банке. А все письмо показалось Иветте прощальным, словно молодая здоровая мама собралась умирать и давала дочери последнее напутствие. Перепуганная девушка помчалась с письмом к отцу. Он не удивился, и Иветте показалось, что папа, верно, знает больше, чем она. Альберт, не раздумывая, дал Иветте свое согласие на поездку в Дорланду: после случившегося несчастья он ни в большом, ни в малом не перечил дочери.

Приехав в Квин-сити Иветта открыла своим ключом дверь квартиры, где родилась она сама, и где всю жизнь прожила мама. Едва переступив порог, Иветта поняла, что здесь много месяцев никто не живет: толстый слой пыли покрывал все, к чему она прикасалась.

Более того, ее напугало, что вещи были в беспорядке разбросаны по комнатам, словно свидетельствуя о поспешном бегстве. Куда? От кого? Зачем?

Иветта поехала в редакцию газеты, где работала мама. Ее очень сухо встретили и сказали, что Нора Сильвер и ее муж Иван Голованов уволены около двух лет назад, и с тех пор никто ничего о них не знает. Еще более растревоженная Иветта вернулась в квартиру матери. Всю ночь она рассеянно и недоуменно разбирала материнские вещи, письма и документы, но ничего особенного так и не нашла.

Зато отыскался толстый альбом с фотографиями. Разложенные в хронологическом порядке, они иллюстрировали всю жизнь Норы Сильвер. Фотографии вызвали внезапный интерес Норы Сильвер, и она со вкусом и упоением разглядывала их. Вот ранние снимки: Нора и Алиса Сильвер в Королевском пансионе Благородных девиц. Одинаковые черненькие девочки с умными мордашками – как ни билась Иветта, так и не смогла решить, которая из них ее мать. Молодая красивая Нора с грудной Иветтой на руках. Чуть позади – скромная фигура няни Марики в патриархальном переднике. А вот мама с каким-то кудрявым черноглазым красавцем, судя по всему, ее первым мужем Михаэлем. Оба хохочут. Свадьба тети Алисы во дворце. Муж ее, вроде бы, был врачом. Хорошее лицо: открытое. Снова мама, мама... А здесь, отдельно – ее, Иветтины снимки, с мамой и без. А это, кажется, второй мамин муж, русский Иван. Буйные волосы, окладистая борода, яркий взгляд. Хороший у мамы вкус... Она за ним замужем два года. Куда же они оба, однако, подевались?!

Наутро Иветта сочла себя вправе отправиться в указанный мамой в последнем письме банк. В полученном там пакете оказалось около 15 отпечатанных на принтере страниц, проявленная пленка и пачка фотографий. Сперва Иветта, разумеется, просмотрела фотографии. Она ровно ничего не поняла но, обычно трезвая и рассудительная, вдруг ощутила абсолютный ужас, исходивший от карточек, мистический ужас. Ее руки дрожали, когда она проглядывала их второй раз. На одной изображен был широкий стол с пристяжными ремнями, на нескольких других, крупным планом – открытые и закрытые книги с непонятными, но явно восточными буквами, еще на одном – кирпичная стена с большим металлическим щитом на ней, еще – общий вид темной, словно подвальной комнаты, где все это находилось – явно снимали с мощной вспышкой, потом – странной формы сосуды на широкой скамье и самое страшное – различные орудия, будто для пыток: что-то, похожее на шила, обоюдоострые ножи, клещи. Иветта содрогнулась: все это походило на декорацию для фильма о средневековом застенке. Отложив фотографии, она взялась за листы бумаги, соединенные скрепками. На первом листе прочла название: «Отчет корреспондентов газеты «Орион» Норы Сильвер и Ивана Голованов об их пребывании в поселке Лилии губернии Квин-Сити с 12 июля по 2 августа 2023 года по заданию редакции».

То, что прочла, обливаясь холодным потом, Иветта Сильвер, явно выходило далеко за рамки ее представлений об устройстве окружающего мира. Закрыв последнюю страницу, она находилась в состоянии, близком к истерике – такого с ней не случалось... почти никогда. Один только раз – но она уже успела приучить себя об этом не вспоминать. В панике она бросилась звонить отцу, заливаясь слезами, умоляла немедленно приехать. Мало что понявший, но до полусмерти перепугавшийся за дочь Альберт, обнаружив, что ближайший рейс на Дорланду предполагается лишь завтра, заказал экстренный самолет и уже через два часа ворвался в квартиру, где металась Иветта.

- Они убили маму! – не своим голосом повторяла она. – Они ее убили!

Отец и дочь сутки не выходили из квартиры. И, когда голодные и высказавшиеся, они на следующий день спустились поесть в ресторанчик, Иветта, сопоставив написанное в отчете с материнским письмом и рассказом отца (на самом деле, Альберт знал не особенно много), нарисовала для себя более или менее достоверную картину произошедшего.

Около двух лет назад летом Нора Сильвер и русский эмигрант Иван Голованов получили в редакции правой газеты «Орион» сомнительное задание – расследовать случаи бесследного исчезновения детей в одном из дальних поселков. Сначала они топтались на месте, но совершенно неожиданно установили, что, без всякого сомнения, преступления были совершены членами ортодоксальной общины маймонов: детей принесли в жертву, выточив из них кровь. Журналисты нашли даже жертвенник, спрятанный под землей. Им удалось все сфотографировать и спастись от преследования. Иван и Нора добрались до редакции и представили все документы своему шефу – в прошлом тому самому журналисту, избежавшему вместе с Норой расстрела во времена Смуты. Но редактор, прочтя материалы и ужаснувшись, печатать их отказался: слишком катастрофичными для газеты, да и для него самого тоже, оказались бы последствия. Буквально сразу же Иван и Нора узнали о подозрительной гибели девушки, которая сильно им помогла и оказалась тоже посвященной в тайну, тысячелетиями оберегаемую маймонами. Не сомневаясь, что несчастный случай, якобы произошедший с девушкой – ни что иное, как ловкое убийство, они решили – и в память несчастной девушки-невесты, и просто из соображений порядочности самостоятельно опубликовать свои материалы.

Иван с Норой спрятали копию отчета в сейф надежного банка и издали брошюру с фотографиями под названием «Больной вопрос». Собственно, этим они призвали на свою голову кровавую месть всего Мирового Зла и уже ни на какое снисхождение рассчитывать не могли... Могущественная маймонская организация устроила на них самую настоящую облаву. Куда журналисты дели пленку, маймоны не знали и поэтому решили до поры до времени пощадить Нору с Иваном – до обнаружения пленки, которая, в случае их смерти могла всплыть где угодно и самым неожиданным образом. Пока они ограничивались лишь частыми психическими атаками, и у Норы и Ивана, к тому времени обвенчавшихся, вместо медового месяца начались сплошные неприятности. Первым делом, их предали: стремясь немедленно отмежеваться от суперкрамольной брошюры, редактор-«друг» немедленно уволил обоих, провел соответствующую обработку среди сотрудников газеты (среди них не оказалось желающих быстренько лишиться головы), и в результате супруги Головановы вмиг остались наедине с Мировым Злом – трагическое неравенство сил!

Психические атаки продолжались около года, а потом, чтобы добить и без того страдавшую неврастенией Нору, устроили нападение на Иветту. «Это, правда, из-за меня», – написала мама в последнем покаянном письме – но только теперь Иветта разгадала смысл тех слов. И, какой бы ужас ни перенесла она сама, Иветте стало жаль Нору: жить со знанием такой вины перед своим ребенком!

Дальнейшая судьба этой пары так и осталась почти абсолютно неизвестной. Альберт рассказал дочери, что видел Нору в последний раз, когда после трагедии примчался в Дорланду за разъяснениями – все вспоминал двое суток повторяемые Иветтой в бреду слова: «Мамашу свою благодари...». Но потрясенная невыносимой вестью Нора ничего ему не объяснила. Она вдруг опрометью выскочила на улицу – и больше Альберт не видал ее никогда. Через пару дней он опять звонил в Дорланду и с удивлением узнал, что Нора не возвращалась. А спустя месяц бесследно пропал и ее муж... О дальнейшем оставалось только гадать. Из последнего письма, полного горя, тумана и скрытых намеков, Альберт с Иветтой поняли, что жить дома супруги больше не могли – теперь-то они догадались, что их, вероятно, «достали». Самое последнее место их пребывания – провинциальный Сантаун – указывался в письме. И – все.

Боясь нечаянно навредить явно скрывавшейся маме и ее мужу, отец и дочь еще месяца три не разыскивали их. Когда же у Иветты возникла тоскливая уверенность, что вестей от матери не придет больше никогда, они решились вернуться в Дорланду и подать в розыск. Иветта сделала это лишь из соображений долга, не сомневаясь в душе: мамы больше нет. Их обоих с мужем нашли и убили. И, не дождавшись результатов полицейского расследования, Иветта оплакала мать короткими скорбными слезами. Обычно говорят, не думая: «Светлая память такому-то». Иветта теперь узнала

неслучайность этих слов: о маме Норе у нее осталась действительно очень светлая, немного грустная поначалу память. И еще несколькими годами нужно было пройти, чтобы Иветта смогла осознать, насколько глубокий след оставила странная мама в ее душе, проникнуться ее верой и идеалами, ощутить собственную великую сопричастность добру, и испытать стремление творить его, не ожидая благодарности. Это позже Иветта обнаружит в себе материнскую одержимость и силу характера, казалось бы, неизвестно откуда взявшуюся удаль, насмешливый мужской ум и выживаемость, вопреки всему, но не вопреки совести.

А тогда, поняв, что мама умерла, Иветта лишь потерянно бродила по маминой квартире, перебирая ее небрежную и немодную одежду, скорей, служившую не красоте, а удобству, в которой мама – Иветта отлично запомнила это – ухитрялась выглядеть нестандартной и обаятельной. Иветта также помнила и другое: стараясь принарядиться, мама неизменно теряла чувство меры и вкуса – настолько не разбиралась в одежде. Потом Иветта мало-помалу начала открывать для себя так неистово любимый мамой Норой родной город Квин-Сити. Незаметно полюбила она строгие, мрачноватые, но полные скрытой силы улицы, словно отмеченные незримой мистической печатью предназначения. Какого? Она не знала, но не уставала ходить по этому городу, как будто вышедшему из древней легенды. Постепенно Иветта прониклась и духом маленькой, павшей, но все же долгие другие продержавшейся страны, и уже не понимала – как это она могла столько лет жить не здесь.

Через некоторое время Иветта получила малоутешительные результаты розыска: супруги Головановы границы не пересекали, практически ни с кем не общались, недолгое время жили в двух небольших поселках, потом – в городке Сантауне, а дальше след их терялся. Общенациональный розыск тоже ничего не дал. Мать Иветты и ее русский муж просто растворились в маленькой стране. По центральному телевидению было, как положено, объявлено, что если названные люди не дадут о себе знать в определенный законом срок, то будут официально объявлены умершими... А Иветта ничего не ждала, даже не мечтала. В назначенное время она получила на руки два свидетельства о смерти. В графах «причина смерти» и «место захоронения» значилось равнодушное «неизвестно». Это вызвало у Иветты внезапную острую боль: у мамы не было могилы! Не было креста!

Отец беспрерывно звонил, успокаивал, призывал обратно. А в Иветте словно что-то возмутилось. Ей неудержимо захотелось остаться здесь: чудилось, что вот-вот именно в этом городе, именно в этом доме, она постигнет нечто более важное, чем уже поняла. Она ласково попросила папу «позволить пожить в Дорланде еще некоторое время». Альберт на удивление быстро согласился. Такое легкое его согласие на разлуку с любимой дочерью диктовалось его надеждой, что новые ощущения и впечатления если и не сотрут недавний ужас из памяти девочки, то хотя бы задвинут его куда поглубже в ее душе. Давая свое согласие, Альберт шел и на вечное родительское самоотречение: ему тяжело приходилось без своего детеныша. И он решил не терять даром времени – пока Иветта в Дорланде, ему захотелось отдохнуть от треволнений совсем недалеко – в родных Швейцарских горах...

Соседи по отелю видели однажды утром худощавого альбиноса, рассеянно поднимавшегося без инструктора по десятки раз исхоженной тропе. Ему прокричали что-то вслед о том, что-де возможна лавина, а он отмахнулся: я, мол, ненадолго... Труп Альберта нашли через неделю после схода лавины в ранее никому неизвестной расселине – и вытаскивали в течение четырех суток. Альберту хватило забот: отдых его теперь был вечен.

Иветта сама удивилась, насколько твердо вынесла этот удар судьбы. Может, помог рано полученный опыт несчастья, а возможно, она к тому времени уже начала внутренне отгораживаться от отца, запоздало проникаясь умершей матерью. И, не погибни по неосторожности Альберт, ему предстояло бы вынести еще одно испытание – духовное отдаление дочери, которой он посвятил свою жизнь.

Перестрадав, Иветта обнаружила, что унаследовала очень значительное состояние. Пакет акций отца обеспечивал ей место в совете директоров одной из крупнейших корпораций. Но, как ни убеждали Иветту поверенные отца, что ее прямая обязанность – продолжить дело его жизни, она вдруг проявила совершенно неожиданную непреклонность (тоже черта, доставшаяся в наследство от матери и сработавшая вовремя). Акции были под вопли и стенания поверенных безжалостно проданы, деньги дали Иветте возможность не думать о них никогда, а сама двадцатилетняя Иветта совершенно перебралась на свою вновь обретенную Родину – подарок судьбы за многочисленные испытания.

Здесь она обнаружила, что жизнь бездельницы-паразитки тоже совершенно неприемлема для нее. «Найди большое, нужное дело, направленное на радость другим», – всплыли в ее памяти строки из маминого письма-завещания. Так как надежды на семью, о которой мама тоже писала очень трогательно, была похоронена – даже мысль о мужчине как о муже вызывала теперь в Иветте тошноту – она решила покамест чему-нибудь выучиться. Профессию выбирала недолго: знала, нужно нечто такое, к чему необходимо будет приложить свою работоспособность, понятливость, интуицию и все добрые чувства. Выбор пришел сам собой – она поступила в Государственную Педиатрическую Академию, встав тем самым на совершенно новую дорогу, приведшую, в конце концов, сюда, за Белые Стены...

...Доктор Сарра Райт снова вытащила пробку из бутылки – и она выскочила с нехорошим, пугающим звуком и, усевшись почему-то на пол, Сарра задумчиво прихлебывала из горлышка, вытягивая губы, словно пила ликер из крошечной рюмочки...

Глава 2

Иветта обратила внимание на девушку в свой первый же день в Академии. «Ангел какой!» – невольно вырвалось у нее почти вслух. Ростом с тринадцатилетнюю девчонку Надин – так ее звали – на самом деле напоминала не ангела, а только вылупившегося из яйца цыпленка, едва успевшего обсохнуть: вся такая же пушисто-желтая, с остренькими, но милыми чертами бледного личика, одетая не как взрослая девушка, а как подросток – в светленькое платьице с воланчиком и кружевным воротничком. Подросток этот выглядел редкостно благонравным и неиспорченным. Про сложение Надин невозможно было сказать, что оно женственно-хрупкое. Скорей приходило на ум циничное выраженье: «соплей перешибешь». Удивительно, неслыханно хороши были только ее огромные, чуть ли не на пол лица, глаза какого-то фиалкового оттенка. Когда Иветта встречала раньше в романах эпитет «фиалковые» по отношению к глазам, ей казалось, что это выдумка романтических писательниц. Сама она в жизни не видела глаз фиолетового цвета. Только в любовных романах такие неземные очи всегда принадлежали писанным красавицам, а на лице Надин выглядели недоразумением, ошибкой природы.

Иветта так никогда и не могла вспомнить, почему у нее вдруг возникла симпатия к этой невыразительной девушке. Они случайно оказались рядом на первой лекции, обменялись несколькими вежливыми фразами, после чего показалось естественным и дальше садиться вместе. Может быть, Иветту подкупила непостижимая в нынешнем мире доброта Надин – доброта настолько совершенная и полная, что сразу бросалась в глаза. Ее поразила наивная откровенность девушки, бесхитростное простодушие и врожденная порядочность – все эти необычные качества совершенно явно просматривались в прозрачных потусторонних глазах. Но и это было еще не все. Как вскоре выяснилось, в тщедушном тельце Надин таилась душа не просто золотая. В ней, к изумлению Иветты, присутствовала некая непреклонная сила, а в маленькой птичьей головке жила спокойная, исполненная достоинства мудрость.

Надин вырастила и воспитала бабушка, всю жизнь проработавшая всего-навсего поварихой в доме средней руки предпринимателя. Родителей Надин не помнила. Бабушка

отдала ее в казенную бесплатную школу, где девочка, которой никто не занимался, ко всеобщему удивлению, с первого по десятый класс не получила никакой другой оценки, кроме «отлично». Школа наградила ее Большой Золотой Звездой (точно копировавшей по форме священный маймонский щит), а Звезда дала ей право на бесплатное поступление в любое высшее учебное заведение. Как раз в это время умерла бабушка, и Надин оказалась на распутье. Возможны были только две дороги: идти учиться, причем только на «отлично», дабы не потерять право на бесплатное обучение, и одновременно как-то зарабатывать на жизнь и квартиру, или же, позабыв про свои необыкновенные способности и тягу к учению, перехватить эстафету бабушки и остаться поварихой в том же доме – что ей сразу радостно и предложили.

Вот тут-то и проявилась скрытая сила. Надин решительно отказалась от участи прислуги и подала документы в Академию (любила детей). Встал вопрос о хлебе насущном, но и тут Провидение помогло: знакомая предложила Надин изготавливать мягкие забавные игрушки для своего магазинчика – и действительно, каждый игрушечный зверь, вышедший из-под рук Надин, имел свое неповторимое лицо и даже, казалось, характер и повадку. Зверей охотно раскупали. Надин сняла крошечную квартирку в полуподвальном этаже с зарешеченными окнами и видом на мрачный двор-колодец с помойкой в центре. Потом она сама таскала мебель со свалок и таким образом кое-как обставилась. Квартирка состояла из двух смежных комнаток, по которым вкруговую проходили толстые трубы центрального отопления и еще одного странного помещения в конце узкого темного коридора. В помещении находилась ржавая раковина с вечно текущим краном, треснувший унитаз со сломанным бачком и допотопная газовая плита с двух конфорок. По влажным, обшарпанным, темно-коричневым стенам по-хозяйски прогуливались сытые глянцево-тараканы. Жилище Надин мало напоминало человеческое, а вернее, было похоже на звериную нору.

Здесь по вечерам Надин занималась – ей это было несложно: все, услышанное в Академии, запоминалось ею там же, оставалось лишь наскоро перелистать конспекты. Ночами она мастерил своих зверей, а утром снова мчалась на лекции. Когда ей удавалось выкраивать время на сон – этого не знал никто, но Надин неизменно появлялась в аудиториях свежая, опрятная и улыбчивая.

Потрясенная Иветта вообще не могла понять, как возможно, пожив такой адовой жизнью хоть неделю, не умереть в мучениях, а еще и звонко хохотать с другими девушками во время перерыва в студенческом кафе. Заинтригованная этой личностью, Иветта сначала просто из любопытства сблизилась с Надин, а потом, побывав у нее в «квартире», стала испытывать острое чувство жалости и сострадания. Иветта была уверена, что хрупкая девушка в таком режиме долго не протянет. Еще более исполнившись сочувствием, Иветта уже во время второго своего визита решительно предложила:

- Слушай, Надин, так жить невозможно. Ты недоедаешь, недосыпаешь и при этом вкалываешь, как лошадь. Эдак ты скоро загнешься. Вот что: бросай, к чертям, эту... – она содрогнулась, – барсучью нору и завтра же перебирайся ко мне! Меня ты не стеснишь: в квартире четыре спальни и гостиная, прислуга приходит прибираться, денег мне папа оставил – завались, так что мы с тобой заживем так, как захотим...

Иветта продолжала бы соблазнять и дальше – ей и самой осточертело одиночество в маминой квартире, но вдруг осеклась, встретившись с пугающим взглядом подруги. Господи, Иветте и в голову не могло придти, что этот цыпленок способен испепелить человека взглядом!

- Спасибо, но не могу, – постаралась приветливо ответить Надин, но в голосе, помимо ее воли, прозвучал неожиданный металл.

Иветта так смутилась, что настаивать не стала.

- Я... Я только хотела, как лучше... Ты – как знаешь... – испуганно пролепетала она и почему-то добавила: – Извини...

И с этого дня Иветта крепко зауважала Надин, поняв, что для той совершенно немисливо стать, в сущности, приживалкой у богатой подруги. Что Надин лучше сдохнет здесь, в подвале, чем позволит подменить дружбу – покровительством. Позже ей случалось занимать у Иветты и других студенток пять-десять долларов, чтобы «дотянуть до получки», но она неукоснительно отдавала деньги в срок. И каждый раз, даже если речь шла о нескольких центах на кофе, слова «Да не надо отдавать!» застревали в горле у Иветты. Она отлично знала, что запросто могла бы сказать так любой другой девушке – но не такой беспросветно нищей, как Надин. Она уважала ее за эту особенную гордость нищеты, но вздрагивала всякий раз, получая обратно одолженные Надин деньги. «Может, она из-за этих грошей ляжет сегодня спать голодная!» – с пронзительной болью думала Иветта, но ничем не могла помочь любимой подруге – та не желала принимать никакого снисхождения.

Через год, на втором курсе, Академию потрясла немисливая весть: Надин выходит замуж и бросает учебу! Надин! Круглая отличница! Надежда Академии! Меняет блестящее будущее на скромную роль домохозяйки! Студенты отказывались верить. Навидавшиеся всякого преподавателя качали головами. Что касается Иветты, то замужество Надин она уже полгода предполагала, но оставить Академию из-за этого... м-м... человека?

На Рождественском балу в Академии Надин познакомилась с другим отличником, студентом предпоследнего курса факультета социологии и экономики Университета. Его звали Менелах Борух, и так же, как и Надин, он ярко выделялся среди других молодых людей. Начать следует с того, что они с Надин являлись полной противоположностью друг-другу. Она – крошечная блондинка с белой кожицей, он – крупный, атлетического сложения жгучий боунет с длинными волосами ниже плеч, всклоченной курчавой бородой и очень смуглым цветом резкого запоминающегося лица. Бедная Надин ростом не доставала ему до плеча и, когда они стояли рядом, все поражались небывалому несоответствию этой пары. Пожалуй, похожи они были только в одном: у обоих выделялись глаза. У Менелаха они казались просто белыми на фоне его общей черноты – таким были голубыми, неправдоподобно светлыми и скрыто пылавшими. Скромное, даже застенчивое поведение Надин тоже не гармонировало с вызывающими, экспансивно-экстравагантными, но в чем-то все же очень обаятельными манерами Менелаха. Женщины молниеносно создали вокруг него сплоченный кружок и каждая осталась довольна: абсолютно всех студенток он искренне, всеуслышанье называл «любимая», с каждой умел проникновенно поговорить по душам, с какой-то звериной чуткостью угадывал слабые струны людей и утонченно-льстиво играл на них. Каждый мужчина, с которым успел поговорить Менелах, немедленно чувствовал себя его личным другом, а женщина мнила себя единственной навеки возлюбленной. Но самое главное, что чары его не пропадали после окончания разговора, а имели свойство крепнуть, и человека уже тянуло опять говорить с ним. Удивительно, что ни мужчины, ни женщины друг к другу Менелаха не ревновали – так он сумел внушить каждому идею неповторимости лично для него, Менелаха Боруха.

Иветта не избегла общей участи. Непринужденно протягивая ей хрупкий бокал шампанского своей большой, поросшей черным волосом, но все же красивой рукой, он проникновенно заглянул Иветте в глаза, почему-то заставив ее затрепетать, и скромно, но почти интимно молвил:

- Я вижу, вы начинаете приходить в себя, любимая... Что ж, это и не удивительно... Человек с такой силой духа, как у вас, право же, оправляется от любых потрясений... Не дает себя сломать...

Иветта вздрогнула и, разинув рот, уставилась на Менелаха: ни один человек в мире, как она считала, и догадаться не мог, о том, что она... А этот – поди ж ты!

Улыбка Менелаха стала еще ласковей:

- Вы не переживайте так, любимая! И оглянуться не успеете, как весь мир будет у наших ног... За наше с вами великое будущее... Выпьем?

Все так же вытаращив глаза, Иветта судорожно глотала шампанское. «У наших ног»... «Наше с вами будущее»... В Иветте что-то перевернулось. Она даже прикрыла глаза, смутно надеясь, что глюк исчезнет, но взглянув снова, увидала его смеющиеся как бы ей одной глаза, и вдруг обрадовалась, что это не видение...

- Менелак! Иди сюда! – крикнул кто-то сзади и, прежде чем отойти, Менелак поцеловал Иветте руку с таким видом, будто получил незаслуженную великую честь.

Иветта осталась ослепленная и оглушенная, как, впрочем, и большинство людей на балу...

Ничего нельзя было понять в этом человеке, и особенно того, почему он вдруг решил так скоропалительно жениться на Надин. В сущности, никто ничего о нем не знал – где он родился, кто были его родители, какое воспитание он получил. Внешность его выдавала восточную кровь, имя содержало прозрачный намек на маймонское происхождение, а сам он не раз произносил странные слова: «Я царских кровей, любимая, царских... Подожди, подожди, тебе еще многое предстоит узнать!». Всем приходилось этим и довольствоваться.

Весь остаток второго курса, проходя в «барсучью нору» Надин, Иветта почти неизменно заставала там Менелаха. Надин была занята изготовлением своих зверюшек и, склонив золотую головку, незаметно кивала, слушая Менелаха. Ее дом быстро превратился в проходной двор, потому что, зная, где искать своего кумира, сюда теперь безо всяких церемоний приходили самые разные люди. Какие-то богемные личности, всевозможные студенты, мужчины, уже чего-то прочного в жизни достигшие, очень простые женщины, лица непонятные, но со значительным видом – и еще Бог весть кто. Все приходившие подолгу вели с Менелахом трудные метафизические разговоры – вернее, говорил Менелак, а гости слушали и быстро соглашались. Если кто-то пытался в чем-то робко возразить, на него немедленно обрушивался мощный грамотный словесный поток, изобиловавший длинными цитатами, оккультными терминами, и окончательно не то убеждал, не то запугывал человека.

По ночам Менелак, примостившись в уголке, тихонько писал какие-то статьи, а на следующий вечер, вызывая восхищение окружающих, зачитывал их вслух, сопровождая комментариями. Иветта отметила про себя, что диковатая квартирка Надин становится своеобразным культурным центром. Чтобы просто поговорить с Менелахом, какие-то таинственные личности прилетали даже из-за границы.

Все выглядело очень благопристойно, но Иветта, осознавая, что ей приятно присутствовать на этих сборищах, все яснее ощущала смутно нарастающую тревогу. Так бывает, когда явно происходит что-то «не то», а что именно – непонятно, и это глохнет. Иветта стала чувствовать болезненное стремление в этот полуподвал, стремление, словно названное извне. Между тем, полной сопричастности происходящему не было, и в Иветте стал зреть конфликт, однажды вылившийся в долгий разговор с Менелахом.

Случилось как-то придти Иветте в «барсучью нору» как раз в тот момент, когда Надин, к тому времени уже беременная, собиралась уносить в магазин своих готовых зверей. Менелак, по обыкновению, сидел в любимом углу, занятый чтением толстой черной книги. Вопреки обычаю последнего времени, никого в норе больше не было.

- Ты меня здесь подожди! – попросила Надин. – Я мигом!

Иветта осталась с Менелахом одна и уже намеревалась ретироваться в соседнюю комнату, чтобы ему не мешать, но он вдруг захлопнул книгу и весело взглянул на Иветту.

Она заметила, что это была не просто книга, а Библия.

- Устал я, любимая, – с доверчивой застенчивостью сказал Менелак. – Опять, понимаешь, всю ночь над статьей просидел... Давай-ка выпьем, что ли, понемножку, я хоть расслаблюсь... Забодали меня все эти... умники.

Менелах скоренько извлек из ящика стола бутылку дешевого коричневого пойла и щедро наполнил две нечистые, треснувшие чайные чашки. Они чокнулись, выпили.

Иветта заколебалась: ей пришло в голову, что наступил благоприятный момент прояснить для себя всю эту странность, происходящую здесь.

- Менелах, – робко начала она. – Я знаю, что с женщинами ты всегда говоришь о любви и детях... Но так как у меня нет и, боюсь, никогда не будет ни того, ни другого... У нас с тобой как-то нет общей темы... А то, о чем ты говоришь с мужчинами, мне иногда кажется... ну... несколько странным. И потом, эти твои статьи... Говорят, каждая подобна бомбе... Знаешь, мне трудно так, по кускам, во всем разобраться... Ты не мог бы объяснить мне все это, ну... в общем, в целом... Популярно, что ли?..

Он лукаво прищурился, глядя на нее поверх чашки:

- Эх, захотела – всю метафизику ей подай зараз и «в целом»... Могу-то могу, конечно... Но скажи, с чего это тебе пришло в голову, что у тебя не будет ни любви, ни детей?

Иветта сжалась:

- Менелах, мне трудно об этом говорить...

Он медленно взял ее руку в свою, мягко стиснув ей пальцы. Потом сказал:

- Я в душу к тебе лезть не хочу. Но скажу: что бы там у тебя ни случилось, если, конечно, дело не во врожденном физическом отклонении – да ты, вроде, не похожа на кого-нибудь там гермафродита... – (Иветта испуганно затрясла головой) – то хорошо, раз какой-то трагедии суждено было произойти – что она произошла в юности. Когда мы молоды, нам легче выстоять – из уверенности, что это – последнее плохое, что с нами случилось. И, кроме того, впереди достаточно времени, чтобы забыть и начать сначала.

- Я никогда не... – горячо начала Иветта, но вдруг осеклась, додумавшись, что он ловко уводит разговор в сторону. Она взвилась: – Ты не виляй! Ты прямо скажи – будешь говорить со мной, о чем я просила? Или тоже считаешь, что женщина ни о чем серьезном рассуждать не может?!

- Любовь и дети – это, конечно, несерьезно, – добродушно пробормотал Менелах и, заметив, что Иветта снова дернулась, замахал руками: – Ладно, ладно, не злись, я попробую... - он кивнул в сторону: - Вон, видишь ту книгу? Дай-ка сюда...

Иветта, несколько удивившись, пододвинула ему Библию. «Он что, собирается читать мне лекцию по богословию?» – мельком подумала она.

- А теперь скажи – ты ее внимательно читала? – резко, с непривычным напором спросил Менелах.

- Да... В общем, да...

- Тогда скажи – кто были первые люди?!

- Как - кто, Адам и Ева, конечно... – растерянно прошептала она.

- Черта с два ты ее внимательно читала! – с незнакомой возбужденной горячностью вскричал Менелах.

Неожиданно он одним сильным рывком пододвинул к себе Иветту вместе со стулом, сунул ей под нос Библию, ткнув куда-то пальцем:

- Читай! – рявкнул он. – Читай, чтобы впредь не нести всякой чуши!

Вдруг перестав соображать, Иветта хлопала глазами. Тогда, все так же повышая голос, Менелах стал читать сам:

- Первая книга Моисеева... Бытие... Глава первая... Бог создал Небо, звезды там всякие, землю, зверей, гадов... Ага, вот стих двадцать седьмой. «И сотворил Бог человека по образу и подобию Своему – по Об-ра-зу Бо-жи-ю со-тво-рил его, Муж-чину и Жен-щину, сот-во-рил их». Ясно тебе?

- Ну... – неопределенно взглянула Иветта. – Сотворил...

Менелах ответил свирепо:

- Ни черта тебе не ясно! Слушай дальше: «И благословил их Бог и сказал им: "Плодитесь и размножайтесь, и населайте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над

рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле."». Ну, что?!

- Да ничего... Так Он и сказал...

- Святая простота! - как бы сокрушенно воскликнул Менелак. – Правильно ты говорила! О чем серьезном может рассуждать женщина?! Я тебя спрашиваю – где ты тут видишь Адама и Еву?!

Иветта все еще ничего не понимала.

Он шумно вздохнул и перевернул страницу:

- Вот, смотри, тут написано, что Он увидел, что все это прекрасно, что Он сделал за шесть дней, и почил, отдохнул, понимаешь? И вот, дальше: «Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было Человека для возделывания земли...». Не-бы-ло, понимаешь? А ведь Он уже создал двоих. Куда они, по-твоему, делись? И вот – только теперь: «И создал Господь Бог Человека из пра-ха зем-но-го...». Ну, а уж потом Он поселил этого Адама в Эдеме и долго искал ему помощника и, наконец, усыпил Адама, взял ребро, сделал Еву... И были они, любимая, из праха земного! Про Образ и Подобие Божие здесь ничего не говорится! Я тебя спрашиваю – кто были эти Адам и Ева, и кто были те, первые люди «по Образу и Подобию», которым Бог сразу отдал землю и все, что на ней находится, велел плодиться и размножаться, и благословил их? Любимая, Он Адаму и Еве ничего такого не велел, Он поселил их в Эдеме, и вовсе не хотел, чтобы они размножились, иначе с чего бы Он запретил им есть те яблоки?!

- Менелак, здесь что-то не так, – быстро проговорила Иветта. Ты чего-то не понял. Если бы все было, как ты говоришь, то любая из религий десять раз на это указала бы и дала бы этому соответствующее объяснение. Скорей всего, там, в первой главе, рассказывается в целом, фабула, так сказать, а во второй все дано в подробностях...

- Ты – женщина! – патетически воскликнул Менелак. – О чем с тобой говорить!

Но, так как его уже, что называется, понесло, то остановиться он не смог и волей-неволей продолжал, не слушая никаких возражений:

- Очень надо им обращать на это особое внимание! Ведь тогда пришлось бы разбираться – кто из праха, кто – не из праха... А я тебе объясню, что было на самом деле! На самом-то деле пары было две! Две! Но только первая – по Образу и Подобию Божию! И это ей во власть отдана была вся земля! А это уж потом – те два ублюдка их праха земного, те два ублюдка, на которых лежит первородный грех! А на действительно первых людях нет такого греха – ведь их Сам Бог благословил – плодитесь, дескать. Милая, потомки этих пар развивались параллельно! Не смешиваясь! И вот об этом-то и молчат все религии – ну, может, кроме одной... Те, вторые, Адам с Евой, и плодились, как животные – может, их и больше, но они – из праха земного! Что они могут! И вот теперь, именно теперь, тем, первым и единственным Божьим избранникам предстоит наследовать землю и властвовать над ней! И над этими, которые из праха земного – тоже. Конечно, избранным трудно было – среди такого-то количества потомков нечестивой Евы. Но их вел Бог, Он расселил их по всей земле вовсе не в наказание, как талдычит христианство, а во благо, потому что благодаря этому, они имеют доступ всюду и власть – всюду... – Менелак замялся, – кроме вот России, пока что... Но так ведь весь мир уже давно знает, что она с самого начала была осиным гнездом, там теперь наших нет, так стереть ее в...

- «Наших»? – ухватилась за слово Иветта. – Ты-то, конечно, считаешь себя одним из тех, «первых»?..

- Я-то конечно, а ты как думала? – с еле заметной издевкой произнес Менелак. «Я и раньше думала, что ты не в себе, а теперь ясно вижу, что ты – законченный псих», – захотелось сказать Иветте, но она сдержалась и спросила:

- Так поэтому ты и говорил про свой «царский род»?

- Конечно! Начинаешь понимать, любимая! – обрадовался Менелак.

«Точно. В дурдоме ему место», – мрачно подумала Иветта, а вслух сказала:

- Хорошо, а как же теперь, по-твоему, отличить – кто «те», а кто «не те»?

- А очень просто, душа моя, очень просто... Ты знаешь какую-нибудь расу, которая с другими не смешивается, или только изредка, скажем, «для здоровья»?

«Ах вот оно что! Да он же просто маймон-ортодокс! Как раз из тех, что мою маму...»
– быстро догадалась Иветта.

- Маймоны?

- Ну конечно, умница моя! – Менелак схватил ее руки и стал с восторгом их целовать. – Понимаешь! Все понимаешь! Далек пойдешь!

Иветта с брезгливостью отняла руки и гневно сказала:

- Куда это я «далек пойдю»? Маймонов в моем роду никогда не водилось, стало быть, я из праха земного, а не по Образу и Подобию Божию создана! Маймоны теперь землю наследуют, а нас, грешных от Адама, в порошок сотрут!

Словно не замечая ее резко переменявшегося тона, Менелак с тем же пылом продолжал:

- От греха ведь можно и очиститься, родная! Если... приобщиться. И многие приобщатся и тем спасутся...

- Ты имеешь в виду – принять маймонскую религию? – уже не скрывая отвращения, спросила Иветта.

Менелак снова ничего не заметил, или сделал вид, что ничего не заметил. Он тихо проговорил:

- Нет... Не обязательно... Важно осознать, кто ты есть... Можно и не принимать религию, можно даже христианство исповедовать, только понять, наконец, кто же действительно Христос-Мессия. И принести ему клятву. Нерасторжимую клятву, особую... Которую никто, никогда еще никому не давал...

- Что за клятва?

- Пока не скажу, прости, любимая... – с нежностью и грустью произнес Менелак. – Ты еще созреешь и сама к этому придешь...

Иветта смутно о чем-то подумала и опять поинтересовалась:

- А что ты имел в виду, когда говорил про «действительного Христа»? Ты это про всяких там мелких мессий, которые расплодились теперь, как поганки, а некоторые люди им верят?

Он усмехнулся:

- Ну, не скажи... У «мелких мессий» – тоже своя особая задача. Может, они спасают этих людей, Иветта...

Она начинала ощущать, что голова тихо пошла кругом, и устало призналась:

- Я ничего не понимаю, Менелак.

Менелак погладил ее по голове:

- А между тем, все так легко... Они забирают души людей от самого главного обманщика-лжемессии... И, когда придет час явиться настоящему Христу, эти люди, отрешившиеся от ложного, ему поклонятся.

- А кого ты называешь ложным Христом? – машинально спросила Иветта, но тут же внутренне содрогнулась: она вдруг поняла и какой услышит ответ, и то, что слышать его всем своим естеством – не желает. Но вопрос был задан, и ответ последовал:

- Тот, Кого обычно называют истинным...

Иветта на секунду задохнулась:

- Да как ты смеешь... – но на ее рот тут же плотно легла ладонь Менелаха. Правда, он сделал это не грубо, а очень тактично, а потом – испуганно зашептал: – И смею, и знаю... Знаю, что Того поздно казнили: не успели разобраться, что Он принесет, как чудовищно обманет простой народ... И еще потому все это говорю, что настоящий – уже пришел, – он убрал руку.

- И кто это? – выдавила Иветта. – Уж не ты ли?

- Ты почти такая же умная, как Надин. Конечно, я, – спокойно сказал Менелак.

Иветта встала и заметалась по комнате. «Спятил. Совсем спятил, – прыгали в ней мысли. – Надо бежать отсюда, а то, чего доброго... Или нет, надо дожидаться Надин и забрать ее. Ей нельзя оставаться один на один с сумасшедшим! Она же беременна от него, Господи! Хорошая наследственность у ребенка, нечего сказать!».

Менелак наблюдал за ней каким-то, как ей показалось, подозрительно растревоженным взглядом. «А вдруг он меня изнасилует?! – в панике думала Иветта. – У него же приступ обострения болезни, ясно... Попробовать ему зубы заговорить?!».

И она мужественно спросила:

- А как ты себе все это представляешь э-э... на практике? – («Лучше пусть говорит, пока говорит – ничего не сделает...»).

- А на практике все уже почти произошло, любимая, – охотно начал Менелак. – Ты вокруг посмотри! Эти ублюдки из праха земного без крови же не могут! Они только и делают, что друг друга убивают. И, пока они будут этим заниматься, нет надежды никого из них привести к добру и спасти. Нужно, чтобы человек, прежде всего, опомнился от крови и огляделся осмысленным взглядом. Хорошо же, кстати, твое христианство, из-за которого люди веками режут друг другу глотки! Это что, религия, которая учит кротости и смирению?! Так вот, войны должны быть прекращены в кратчайший срок. Как – спросишь ты. Да очень просто – смогла ведь та же Россия в прошлом веке за пару дней подавить мятежи в Венгрии и Чехословакии! Это все ж гуманнее – уничтожить тех, кто патологически кровожаден, чтобы годами не лилась кровь невинных людей. Кто это сделает – спросишь ты. Да никто не сделает, пока миром не будет править единое правительство – сейчас это уже необходимость, иначе мир потонет в крови. А пока что получается как лебедь, рак и щука – читала ведь басню Эзопа? Ну, Россию к объединенному миру не присоединить пока – так и что ж, поборемся, у светлых сил всегда были сильные противники. Все уже только и говорят об объединенном правительстве, просто алчут его – и я охотно посмеюсь над этим монстром – Россией, когда весь мир справедливо ополчится на нее! И еще – публично расстреляю их царя... А ведь до него Россия уже готова была очиститься – так нет, взялся из преисподней этот... Так не вовремя... Ну, да ладно... Не это первая задача... – Менелак уже не обращался к Иветте – он явно рассуждал сам с собой, а Иветта вдруг поймала себя на мысли, что болезненно-жадно слушает его, и ужас начинает волной подниматься со дна ее души.

- И вот, – продолжал Менелак, – когда войны будут остановлены, перед нами окажутся злые, нищие, обескровленные народы. Тогда мы укажем им новый объект ненависти – обокравшую и стравившую их друг с другом мафию. Любую: экономическую, военную, преступную. И мы скажем: отобрать эти деньги у этих людей нет никакой возможности кроме одной – создать принципиально новую финансово-социальную систему, которой все честные люди, без исключения, будут довольны. Это – полная и мгновенная отмена денег. Мы скажем: мафия сразу потеряет все, а когда она возмутится – объединенное правительство подавит ее оружием. И люди нас поддержат: в мафии они будут видеть источник всех бед.

Менелак на секунду остановился перевести дух, а уже всерьез заинтересовавшаяся и побелевшая, как полотно, Иветта успела вставить:

- Денег не будет – как же покупать то, что нужно...

Он вскинул глаза вроде бы на нее, но Иветта поняла, что Менелак ее не видит. Глаза его еще более посветлели и расширились. Он сказал:

- Все начнется заново. Каждый будет получать материальные блага в соответствии со своим вкладом в построение нового мира. И люди станут стараться. Ох, как стараться. А чтобы стимулировать старания – вот для этого и будет та небывалая клятва. Кто даст ее – получит доступ ко всему, и ни взять назад, ни усомниться в том, дал ли человек клятву, станет невозможно. Ну, а кто не даст... Заставить в мире истинной свободы никого нельзя... Кто не даст, тот не сможет иметь ни-че-го. И будет смотреть, как его оборванные

дети греха подышают без куска хлеба. Вот, когда можно будет определить, кто «тот» или может приобщиться к «тем», а кто обречен...

Иветта увидела, что Менелах прерывисто и тяжело дышит. Она лихорадочно соображала, на что это все похоже, ответ был где-то осязаемо близко, но она в смятении не могла до него дотянуться.

- Менелах, – тихо окликнула она. – А какое отношение можешь иметь ко всему этому ты? Совершенно нищий студент Университета, которого кормит, одевает – на которого пашет! – беременная жена, которой ты – я вижу – направо и налево изменяешь, который сидит в грязном подвале порой без хлеба и строчит что-то по ночам, издавая на последние деньги, хотя есть нечего, свои одержимые статьи?

Иветта думала, что Менелах рассердится, но он только улыбнулся:

- Царь в изгнании... Любимая, да они же давно убили бы меня, если бы поняли, кто я... А так – пусть считают меня полоумным студентом – пусть... А те, кто знает... Кто посвящен... Те придут, когда настанет срок. И все случится в один день... А это – до поры до времени, Иветта.

У дверей звякнул колокольчик, и через секунду в комнату вбежала радостная Надин.

- Есть деньги! – выпалила она с порога. – Не сердись, ради Бога, Иветта, что меня так долго не было! Но ведь надо было еще по магазинам пробежать, в доме же ни крошки еды... Сейчас пообедаем!

Колокольчик зазвенел еще раз, возвестив, что к обеду будут гости. Вошел человек, с которым Менелах приветливо поздоровался, и они сразу отошли вместе в сторону, что-то обсуждая. Надин бросилась на «кухню», Иветта тихонько выскользнула следом. В полутемном омерзительном помещении Иветта развернула Надин к себе и без всяких предисловий осведомилась:

- Слушай, ты в своем муже никогда не замечала ничего... особенно странного?

Надин слегка смутилась и отвела глаза.

- О чем ты? – с деланной наивностью спросила она, но Иветта определила, что Надин все понимает, лишь прикидывается.

- Ты не строй из себя идиотку, – раздраженно прикрикнула Иветта. – Ты не можешь не знать, какой бред у него на уме. Он мне тут целый час такие вещи говорил, что у меня нет сомнений: он – того...

Надин вспыхнула, и Иветте стало ясно, что только природная деликатность не позволяет ей ответить резко.

- Вот и ты туда же... – с оттенком разочарования и досады протянула Надин. – Видишь и понимаешь только то, что тебе вдолбили. А чуть что новое – так человек сразу псих.

- Да он и есть псих! – крикнула Иветта. – А ты от него ребенка ждешь!

- И горжусь! – поджав губы, сообщила Надин. – Ладно, он немножко экспансивно говорит, но ты меня послушай, – смягчилась она. - Посмотри непредвзято, разве тебе не кажется, что он прав? И разве есть более радикальный способ покончить со всеми кошмарами на земле, чем он предлагает? Псих... Да, есть такие пророчества, что настанут времена, когда все люди сойдут с ума, а кто не сойдет, тому скажут: ты сумасшедший. Вот тебе иллюстрация!

- Да, только я всегда понимала это иначе – что такое скажут тем людям, которые среди всеобщего падения останутся христианами...

- Опять ты со своим христианством... – проворчала Надин.

- Таким же моим, как и твоим! – резко оборвала Иветта. – По-моему, пока ты не встретила Менелаха, ты тоже была христианкой. И не думала, что человечество уже двадцать первый век заблуждается, а вот придет один гений и поменяет местами небо и землю!

- И пришел! И поменяет! – в исступлении воскликнула Надин, и такая прозвучала в ее голосе одержимость, что Иветте стало жаль ее – так же, как когда Надин возвращала одолженные центы.

Иветта заговорила спокойно:

- Послушай, он действительно очень обаятелен, и он тебя... околдовал... Ты уже говоришь его словами, но ведь у тебя своя голова есть! Ты сама посуди: он практически сел тебе на шею, носится со своими «гениальными» идеями, а ты, как проклятая, на него вкалываешь, бросила Академию, лишила себя будущего, последний кусок изо рта вынимаешь, чтобы он мог спокойно здесь бездельничать и молотить языком, покупаешь ему одежду, чтоб он выглядел в Университете прилично, а сама ходишь в лохмотьях... И еще собралась ему родить – думаешь, он будет о ребенке заботиться? Да он сам такой же ребенок, даже еще хуже – какой он отец? Ты подумай, во что ты превратишься? А что будет с дитем? Говорю тебе, как человеку: плюнь ты на свои принципы, переезжай ты ко мне. Ребенок же не виноват, что его папаша...

- Довольно! – визгливо оборвала ее Надин, но тут же сама испугалась: – Прости, прости, я как-то не додумалась, что ты еще такая... неподготовленная. Вот ты здесь бываешь от случая к случаю... А я же днем и ночью все вижу! Вижу, как он страдает. Как за людей болеет. Ты бы поняла, если б чаще с ним общалась!

- Мне достаточно и... – возмущенно начала Иветта, но Надин, кротко глядя на нее своими необычными глазами, прижала палец к губам:

- Тише, тише... Ты не знаешь, что говоришь... Вот говоришь – я на него пашу... Нет, не на него лично – я стараюсь для мира. Хочу сохранить его для мира. Что мне голод и лохмотья, когда мир расцветет, Иветта! И я буду горда, что я к этому причастна... Он бездельничает, говоришь... Да он столько работает, пишет, что я не знаю, когда он спит! А днем приходят люди, и он их просвещает. Он подвижник, Иветта... И он не выдержал бы этого, не помогай ему... сам Бог! А ребенок... Да, я рожу ребенка, и другого, и еще, и еще! Чтобы дети наследовали его великий ум, его волю, его доброту... Ах, Иветта! – и глаза маленькой Надин вдруг загорелись небывалым, мечтательно-фанатичным огнем. – Я так счастлива, что мне выпала честь быть его подругой!

Кроме первого, родившегося через два месяца после памятного разговора мальчика, последующие три года принесли супругам Борух еще троих детей, тоже сыновей. Иветта, хоть и гораздо реже, но все же продолжала появляться у Надин в подвале. Эти посещения были ей тягостны в душе, но невозможность прервать их диктовалась совестью Иветте сочувствием к подруге. Она все надеялась: вот опомнится неглупая Надин, вот поймет, в какую пропасть падает, вот отбросит смешную в новых обстоятельствах гордость – и тогда Иветта найдет способ вытащить ее и детей из этой помойной ямы.

Для любого человека, пожелавшего заинтересоваться Надин, ее жизнь немедленно показалась бы адом. С четырьмя маленькими детьми они по-прежнему жили в своем полуподвале. Вернее, Надин с детьми ютилась в одной, меньшей, комнате, а в другой безраздельно царил Менелас. Там он работал, спал и принимал многочисленных учеников. Надин продолжала мастерить зверей – еще она научилась вышивать шали – и на эти деньги питалась вся семья, Живя практически только на хлебе и воде, Надин стала похожа на собственную тень. Полуголодные дети, для которых одно, разделенное на всех, яблоко считалось воскресным лакомством, чахли и болели. Они тихо плакали в темной комнате – Надин сэкономила электричество, включая лишь настольную лампу. Громко плакать детям категорически воспрещалось: они могли бы ненароком потревожить денно и ночью работающего на благо человечества отца. Ложка каши на воде и без масла на завтрак, хлеб и суп из капусты на обед, остатки той же каши на ужин составляли их дневной рацион. Дети были одеты в наспех пошитые из старых занавесок рубища, гулять выпускались только в свой двор-колодец (младшего выносили туда в коробке – коляски не имелось, и в той же коробке он и спал дома). В комнатах стоял застарелый запах мочи, человеческой грязи, несвежих носков и постелей – у вечно согнутой над столом

хронически беременной Надин не хватало времени на ведение домашнего хозяйства. Львиная доля заработанных ею денег, само собой, шла на покупку высококалорийных и разнообразных продуктов для Менелаха и на черный кофе высшего качества, который он потреблял литрами. Надин ухитрялась зарабатывать мужу на все, что необходимо для полноценной жизни: мясо, рыбу, масло, молоко и яйца, потому что считала, что он непременно должен хорошо питаться, иначе его великий ум может стать не таким ясным. Сама одетая в штопанное-перештопанное платье, Надин ревностно следила, чтобы рубашка Менелаха всегда выглядела свежей, брюки были тщательно отутюжены, а ботинки сверкали. Он с блеском закончил Университет, но попыток зарабатывать для семьи деньги не делал, по-прежнему проводя ночи за своими «писаниями», а дни – в беседах. Наоборот, он придирчиво и снисходительно принимал дары Надин и даже способен был учинить ей разнос, если вдруг кофе оказывался не того сорта, который он любил. Нет, он прекрасно знал, чем существуют его жена и дети, но считал сам, и внушил всем, что жертвы их оправданы его служением великому и глобальному делу. Приходящие в дом люди в основном, не интересовались молчаливой Надин, а кто интересовался – тот немедленно предлагал помощь. Но и здесь Надин осталась верна себе: она стойко принимала продуктовые подношения и поношенную одежду только от тех, про которых точно знала, что они ни на йоту не сомневаются в истинности высказываний Менелаха. От таких людей она могли что-то принять, трактуя подарки как бескорыстную помощь – ни в коем случае не себе! – а страждущему Мессии. Бестрепетной рукой Надин отдавала все Менелаху, а если детям и перепадало что-нибудь от этих подношений, то только то, что ему не понравилось. Иветта с ужасом наблюдала однажды, как Менелах спокойно уписал – один! – громадную коробку шоколада, принесенную кем-то для Надин, а Надин не только не сказала ни слова упрека, но даже обрадовалась: «Вот-вот, Менелах, тебе как раз не хватало глюкозы!».

Потому что, вопреки человеческому разумению, Надин не только не разочаровалась в муже за четыре года брака, но и продолжала любить его еще неистовей и прививала своим детям благоговение перед «отцом-мучеником», как она его называла. Когда некоторые намекали ей, что в такой ситуации ей лучше было бы не иметь столько детей, Надин с негодованием вспыхивала:

- Что?! Отказывать спасителю в детях?!

Она твердо намеревалась и впредь рожать сколько «Бог и он» дадут и, когда однажды Иветта, не выдержав, в лоб сказала Надин, что в таких нечеловеческих условиях дети просто погибнут, Надин недогнущим голосом ответила:

- Что же. Значит, Богу нужна будет жертва для спасения человечества.

Когда Иветта слышала такое, ей хотелось плакать от бессилия. Она обводила глазами ужасное помещение, к запаху которого удавалось привыкнуть лишь спустя четверть часа после входа, и удерживалась, чтобы не схватить Надин, не начать трясти ее, как яблоню, не заорать в голос: «Фанатичка ненормальная! Да он же просто удобную дуру нашел, чтобы сесть на шею и поехать! Никакой он не гений, а просто псих и подонок! И сведет тебя и твоих детей в могилу!».

Иветта предлагала устроить детей в хороший детский пансион. Но и это оказалось пустой затеей.

- Нет, – категорически возразила Надин. – Дети будут расти рядом с его аурой. Это же такая энергетическая подпитка для них!

Иветта только застонала. Она не перестала бывать здесь только из-за какого-то сложного чувства ответственности за Надин: ей хотелось, когда наступит по-настоящему трудный час, оказаться рядом с подружкой. В том, что этот час настанет, Иветта не сомневалась, как и в том, что никого и, в первую очередь, любящего супруга, в час беды рядом с Надин не будет.

Менелах, не обращая никакого внимания на жену, не говоря ей сутками ни слова, кроме самых отборных ругательств (которые Надин тоже стойчески переносила: она

считала себя обязанной служить также и отхожим место для накопившейся за день у мужа отрицательной энергии), со всеми другими оставался прежним – мягким, добрым и участливым другом. Иногда он даже одалживал кому-то деньги Надин, никогда не требуя возврата, правда, сам кругом без стеснения занимал и не отдавал. Деньги эти шли на дешевое виски: иногда Менелах считал своим долгом «расслабляться», устраивая настоящие пьяные дебоши.

Он словно не замечал, как круто переменялось отношение Иветты к нему, и все так же встречал ее с распростертыми объятиями и поцелуями. Правда, Менелах больше не пытался разговаривать с ней на глобальные темы, но шутил, говорил тысячу комплиментов и преданно заглядывал в глаза. Иветта не грубила Менелаху и не отталкивала его только из боязни, что Надин, по глупости, за такой поступок откажет ей от дома и окажется совсем одна с детьми в волчьем логове. Ибо кроткая Надин, закалившись, переменялась, посуровела: стоило ей только заподозрить кого-то в недостаточно восторженном отношении к ее мужу, как она безо всяких церемоний указывала ему на дверь. Она постепенно становилась крикливой, неводержанной на язык со всеми – но неизменно ласковой с Менелахом. Из «невосторженных» Надин терпела в доме только Иветту, должно быть, тоже смутно чувствуя, что это единственный человек в мире, кроме несмышленных детей, которому на нее не наплевать. И все-таки, закончив в Академии пятый курс, Иветта не выдержала. Она поняла, что и сама замучилась, и Борухи со своим окружением действуют ей на нервы, и решила хорошенько отдохнуть от всего этого, перед последним, самым ответственным годом в Академии. Недолго думая, Иветта купила себе тур на теплоходе с целью отрешиться на два месяца и от Надин с Менелахом, и от Академии, и от маминой квартиры где, как ей порой казалось, водились призраки.

Накануне отъезда Иветта заскочила проститься к Надин, и была удивлена, когда подруга встретила ее с горящими от возбуждения глазами. Таких радостных глаз Иветта не видела у нее уже четыре года.

- Ох, Иветта! – захлебываясь, затараторила Надин. – У нас такое счастье, даже не одно, а целых три! Я нарочно раньше тебе не говорила – чтоб не сглазить! А вчера все решилось! Окончательно! Ах, Иветта!

Иветта взглянула на Надин с подозрением, а та задыхалась от избытка чувств.

- Ты не представляешь – все как он говорил! «Случится в один день, когда придет срок!». И теперь уже скоро, совсем, совсем скоро! – голос Надин вдруг задрожал, и по щекам ее хлынули неудержимые слезы восторга. Дальше она уже рассказывала сквозь бурные рыдания:

- Одна религиозная организация... маймонская... дает ему деньги на предвыборную компанию... Они его уже, оказывается, давно ждали, эти деньги... Он будет баллотироваться в Объединенное Правительство, Иветта! И компания пойдет так, что его выберут, я знаю! Он пришел, пришел тот час, Иветта, мы дождались!..

«Час беды», – внезапно подумала Иветта.

- ...а второе счастье – мы переезжаем. Они нам дают дом, где-то за городом, целый, целый дом, Иветта! И с садом! И даже с прислугой! Ох, не зря мы так страдали с ним, Бог должен был воздать нам за это!

«Ну, положим, страдала-то ты с детьми, а воздадут ему, муженьку... И сомнительно, чтобы Бог... А ведь я ждала чего-то подобного...» – отчего-то злорадно подумала Иветта.

- Ну, а третье счастье, – и тут глаза Надин гордо сверкнули сквозь слезы, – у меня будет еще один ребенок, вот!

«Да пропади ты пропадом, идиотка, – размышляла Иветта по дороге домой. – Я не знаю, что там у твоего благоверного за аферы с Объединенным Правительством, да только он все равно псих. Мерзавец из мерзавцев плюс псих. И ничего хорошего из этого выйти просто не может... А я... Я устала за тебя бороться, Надин. Я четыре года подстраховывала тебя, в то время как ты копала себе могилу. И никто тебя уже не переубедит, потому что ты, оказывается, просто дура. А может, тоже ненормальная. Во всяком случае, ты теперь

нестерпимо раздражаешь меня, и я больше не могу с тобой нянчиться. Прости меня Господь - но я просто не знаю, что еще должна делать, чтобы пробить эту стену. Хватит».

И наутро Иветта уехала.

Глава 3

Во время путешествия до Иветты, конечно, долетали политические новости. Весь взбудораженный мир только и говорил, что о предстоящих выборах Объединенного Правительства, связывая с этим надежду на прекращение всех крупных и мелких кровопролитий. Всем народам земли, за исключением упрямой – «злой и тупоголовой» – России, отныне предстояло жить по новому, сверхсправедливому порядку. И, с кем бы ни говорила Иветта, – все радовались грядущей возможности вздохнуть свободно, не испытывать больше навязчивого страха, что война завтра придет и в их дом. Имя Менелаха Боруха гремело. Его лицо каждый день маячило на телевизионном экране, а тому, что он говорил – а говорил он просто, ясно и доходчиво для каждого – невозможно было не верить.

- Какое лицо! – возбужденно делился с Иветтой своими мыслями ее сосед по столу в корабельном ресторане. – Какое хорошее, открытое лицо! А глаза! Знаете, глядя на разных там политиков, я всегда поражался. Вы ни когда не замечали, что у большинства из них лица словно специально отмечены пороком? А у Боруха – лицо честного человека.

Иветта отмалчивалась, прослыв среди своих новых знакомых типичной глупенькой курочкой, ничего в политике не смыслящей. Поэтому все покоренные ее женственностью считали своим долгом ее просвещать, хором убеждая «голосовать за Боруха – и тогда все образуется». Иветте не хотелось вступать в дебаты. Она целенаправленно бежала от этой парочки Борухов, а они, вдруг вырвавшись из своего крысиного подвала, на расстоянии донимали ее! Иветта даже испытала однажды приступ холодного бешества, увидев одном из портов бывшей Италии цветные фотографии семьи Борух: Менелак – обаятельный, с рекламной улыбкой, в объятиях у него – пополневшая, румяная и довольная Надин в окружении четырех сусально-счастливых мальчишек. Иветта купила фотографию, принесла ее в каюту и там с наслаждением разодрала на мелкие кусочки и спустила в унитаз. Один клочок, как раз с большим глазом Менелаха, долго не хотел тонуть в водовороте, и Иветта раз десять спускала воду. Но эта маленькая казнь не принесла удовлетворения: на сердце по-прежнему лежала тяжесть. «Не то, не то, не то», - как заклинание повторяла она, меряя шагами свой «люкс».

Круиз оказался безнадежно испорченным. И по возвращении, вопреки здравому смыслу, Иветте навязчиво захотелось снова посмотреть на Борухов живьем. Оказалось, что в секретариате Академии для нее оставлено письмо от Надин. В горячих выражениях та приглашала Иветту в гости – и Иветта в первое же воскресенье собралась. Она приехала на один из самых роскошных курортов губернии, в место, где до объединения Европы располагались казенные резиденции членов правительства Дорланды. Усадьбу «Белый Лебедь» долго искать не пришлось – да это оказалась и не усадьба, а целое поместье. «А он действительно кому-то очень и очень нужен, этот псих... Или не псих?» – успела подумать Иветта, звоня у высоких литых ворот. Ворота распахнулись, и перед Иветтой предстал джентельмен, одетый в безукоризненный белый костюм. Она растерялась, но тут же заметила, что на лице джентельмена не видать и следа какой-либо умственной деятельности. «Да это охранник такой! Вот это да!» – поразилась Иветта и, приняв надменный тон, сказала, что желает видеть г-жу Борух.

- У вас назначена встреча на это время? – не менее высокомерно осадил ее хранник.

Иветта чуть не споткнулась, но, стараясь придать голосу твердость и холодность, произнесла:

- Я подруга г-жи Надин Борух, – («Полноте, да какая ты ей теперь подруга!» – успело пронестись в ее голове), – и она приглашала меня бывать в любое время.

- Документы, пожалуйста.

Иветта возмущилась:

- Да что вы себе позволяете! Вам сказано, что я...

На лице охранника не отразилось никаких эмоций. Он равнодушно изрек:

- Сожалую, мадам. Без этого вы пройти не можете.

Возможно, она и не могла войти, но не отказала себе в удовольствии заорать:

- Да вы просто пес! Я каждый день бывала у них, когда они жили в подвале, а теперь мне предьявлять документы?!

- Сожалую, мадам.

Содрогаясь от гнева, Иветта начала рыться в сумке, прикидывая, не лучше ли сразу плюнуть на все и убраться восвояси. Но в это время совсем рядом зазвенел знаковый восторженный голос:

- Иветта!

Охранник вытянулся в струнку, а Надин, подлетев к подруге, схватила ее за руки:

- Иветта! Наконец-то! Ах, Макс, это моя подруга! Никогда не проявляй по отношению к ней своего служебного рвения!

Охранник испарился, предварительно щелкнув каблуками, а Надин щебетала, увлекая Иветту за собой по гладкой белой дорожке:

- Ты его прости, но у нас здесь, правда, строгие порядки... Мы боимся покушений... Это серьезно... Ведь мафия же не хочет, чтобы Менелах... Ах, это потом! Ты-то как, ты?!

Иветта мямлила – дескать, ничего особенного – и озиралась, Впереди возвышался легкий белый... дом? Нет, скорей дворец! Вокруг него раскинулся во всех красках теплой осени огромный выхолненный парк. За деревьями поблескивало чистое озеро, Иветта успела углядеть на нем безупречную пару лебедей.

- Василий и Василиса! – гордо пояснила Надин, перехватив ее взгляд.

- Русские, что ли? Менелах на досуге занимается их отстрелом? – хмуро пошутила Иветта.

- Не шути так. Это просто красиво, – возразила Надин.

Затем последовала экскурсия по дому и парку. Отстраненно разглядывая окружающую роскошь, Иветта вполуха слушала трескотню резко похорошевшей Надин. Мадам Борух заметно пополнела, расцвела, пятая беременность нисколько не тяготила ее.

- Я теперь могу ничего не делать, Иветта. Ну, то есть, как есть – ни-че-го! Я только ем, пью и отдыхаю. Господи, как это здорово – после стольких-то лет труда! Но теперь-то ты видишь, что я страдала не напрасно! Да, да, – с игривым укором она потрепала Иветту по плечу, – да, я знаю, что не только ты – все немножко сомневались... Но не я! И вот теперь...

Надин показала за высокое стрельчатое окно:

- А вон мои мальчишки, а те две женщины – это няня и гувернантка-француженка. И немка еще есть... Я знала, знала, что все так будет! – и Надин чуть не расплакалась, как встарь, от обуревавших ее чувств.

Иветта внимательно вглядывалась в эту новую Надин. В шелковом нарядном костюме, с аметистовыми, в цвет глаз, серьгами, с вновь заблестевшими, по последней моде уложенными волосами... Давно ли – да только три месяца назад! – она была похожа на чахоточную больную, на опустившуюся нищенку, на старуху! Эта внезапная перемена потрясла Иветту, но вместе с тем она поняла, очень отчетливо поняла, что эта Надин отчего-то гаже той, прежней, и вообще все вокруг увиделось Иветте нестерпимо противным, отталкивающим... Хуже и грязнее, чем «барсучья нора»! Иветте захотелось бежать отсюда без оглядки прямо сейчас – пусть никого не останется у Надин, пусть! – но только бежать – спастись бегством...

- А Менелах? – спросила она, чтобы не молчать.

- Ты его сегодня не можешь увидеть, дорогая. Он занят у себя в кабинете. Там приехали из Америки... Он будет так жалеть! Но в следующий раз – обязательно!

«Следующего раза не будет», – вдруг ясно сказал кто-то невидимый прямо у Иветты над ухом.

И, поспешно отказавшись от обеда, уже не обращая внимания на разочарование Надин, она чуть не бегом бросилась обратно к воротам. Около них Надин поцеловала ее.

- Приходи, – серьезно сказала она. – Я буду очень ждать, правда. Я знаю, ты не верила, но сейчас... Приходи.

Иветта посмотрела прямо в глаза бывшей подруге и четко, отдельно произнесла:

- Ни – за – что.

Иветте удалось жить так, как ей этого хотелось. Получив диплом, она устроилась педиатром в детскую клинику, и дни проходили незаметно – каждый новый похожий на предыдущий, заполненные любимой работой, счастливой усталостью под вечер, книгами и друзьями. Впрочем, настоящих душевных друзей у Иветты не было: ее ровесницы давно повыходили замуж, их разговоры вертелись вокруг мужей и женских проблем – а всему этому по-прежнему не было места в жизни доктора Сильвер. Случившееся восемь лет назад навсегда, как она думала, выхолостило ей сердце, и Иветта смирилась с этим. Ей было проще разговаривать и дружить с мужчинами, чем с женщинами, но они немедленно начинали за ней ухаживать, что отталкивало: за каждым внимательным, дружески расположенным мужским лицом ей все чудился оскал хищника-насильника. Она порой думала, что истинная природа этих людей просто надежно спрятана за благопристойностью, стоит ей прорваться – и они ничем не будут отличаться от тех четверых.

Иветту не понимали, до нее дошли слухи, что равно мужчины и женщины считают ее лесбиянкой. Она не стала никого разубеждать – это, по крайней мере, давало ей свободу от мужских домогательств. Но ее приглашали, спрашивали у нее совета – и Иветте это нравилось.

Чувствуя, что в жизни все равно чего-то недостает, Иветта вскоре стала искать утешения в религии. Памятуя, что мама Нора исповедовала Православие, и в соответствии с этим Иветта и была крещена, нося христианское имя Ирина, она стала посещать православный храм и вскоре так втянулась в это, что среди знакомых прослыла ортодоксалкой. Иветта подошла к вопросу веры серьезно – так, как она всегда ко всему подходила: со всей ответственностью. Она начала соблюдать посты, исповедоваться и приобщаться Святых Тайн, заказала целый ящик религиозной литературы. Посещения церкви все больше радовали ее: она находила здесь нигде ранее не обретенное умиротворение, все более укреплялась в вере и даже рекомендовала родителям больных детей причащать их почаще, что в большинстве случаев чудодейственно помогало. В самой себе Иветта тоже стала замечать перемены: она стала мягче, терпимее, и все увидели, что удача в работе улыбается ей чаще, чем другим. Коллеги приписывали все это ее таланту врача, но Иветта чувствовала: дело не только в этом...

Однажды в храме собирали деньги по подписке в помощь малоимущим прихожанам. Иветта пожертвовала крупную сумму и, расписавшись, уже уходила, когда ее неожиданно догнал мужчина средних лет. Она часто видела его на службах. Он остановил ее:

- Извините мою дерзость, что я, не будучи представленным, позволяю себе... – (Иветта слегка удивилась такому старомодно-вежливому вступлению). – Мое имя Алексей Ремизофф. Я случайно увидел вашу фамилию в списке – Сильвер, не так ли?

- Иветта Сильвер, – озадаченно подтвердила она.

- Я позволю себе спросить... Поверьте, это не пустое любопытство... Скажите, ваша матушка...

- Мама умерла, – отрезала Иветта.

- Примите мои соболезнования и еще раз извините за бестактность, – мягко продолжал русский. – Но не звали ли покойную г-жу Сильвер Норой и не работала ли она в газете «Орион», здесь, в Квин-Сити?

- Да, это так, – коротко сказала Иветта и подумала мельком, что это, верно, кто-то из "Ориона», из тех, кто подлю отвернулся тогда от мамы и ее мужа, когда они выпустили свою брошюру и оказались выброшенными на растерзание.

Алексей Ремизофф почтительно поклонился Иветте:

- Сударыня, разрешите сказать вам, что ваша мать была одной из самых достойных женщин, о которых я когда-либо слышал. Позвольте представиться еще раз: Алексей Ремизов, близкий друг мужа Норы Сильвер, Ивана Голованова. Мы долго дружили с ним в России, и отсюда он много писал мне о Норе. А потом – замолчал... Так она умерла. Они умерли... – подчеркнул он с особым значением. – Я догадывался... Но скажите мне, как они... Что это была за смерть?

Иветта растерялась. С одной стороны, ей показался странным такой неделикатный вопрос незнакомого человека, но она почему-то не обиделась. Алексей мягко подхватил Иветту под руку и повлек к выходу. И ей не пришлось в голову сопротивляться – такое расположение и доверие вдруг с первых минут спонтанно почувствовала она к этому полному, преждевременно поседевшему мужчине с внимательными серыми глазами и улыбкой, запрятанной в густых пегих усах.

Иветта опомнилась лишь час спустя, когда обнаружила себя в маленьком кафе с этим человеком и поняла, что вдохновенно рассказывает, глядя в эти самые глаза, свою жизнь. Он слушал, не перебивая, чуть улыбаясь, только когда Иветта начинала слишком волноваться, он отеческим жестом поглаживал ее по руке. А она все более проникалась хорошим к нему отношением, торопилась, ничуть не смущаясь, рассказать все, излиться перед незнакомцем, встреченным час назад!

- Иветта, девочка, я из всего этого понял, – сказал Алексей, когда она, наконец, закончила говорить и расслабилась, – что ты вопиюще, безгранично одинока. Досталось тебе, что поделаешь... Знаешь, я в какой-то степени чувствую тебя родной. По возрасту ты ведь могла бы быть моей дочерью.

«Вот-вот» - отстукало сердце Иветты.

- Знаешь, девочка, приходи к нам, когда сможешь, мы здесь с женой Мариной – удивительная женщина, вы друг другу понравитесь – и у нас бывают... – он запнулся, – разные люди... С которыми тебе может быть интересно... И мы тебе расскажем, если хочешь, побольше о муже твоей мамы. Приходи скорее.

Прощаясь, он протянул ей свою визитную карточку, а, уходя, обернулся:

- Мы будем ждать.

Иветта долго сидела, не замечая, что улыбается. Она испытывала, глубокую, спокойную радость от сознания того, что в том незнакомом доме не нужно будет ни что-то из себя строить, ни воздвигать вокруг себя непроницаемую стену. Там – добро, поняла она и стала нетерпеливо ждать завтрашнего дня, решив воспользоваться приглашением сразу.

- ...Иветта, ты дитя. Выберут или не выберут его люди в это самое правительство - он все равно будет там, – говорила Марина Ремизофф – бледная, невзрачная, но скрыто сильная женщина немногим старше пятидесяти. – Ты говоришь, ему могут не все поверить, и он не пройдет по числу голосов. Не надейся, доча. Ну, так вот – если ты считаешь, что живешь в демократическом обществе – то это ошибка. Боже мой – сколько раз история доказывала, что демократии нет и в природе быть не может – а люди все не разуверились! Сама подумай: право голоса кому только не принадлежит. Восемнадцатилетним детям, например – так не думаешь же ты, что человек, вчера вышедший из пеленок, может пойти и серьезно, думая о благе государства, осознанно проголосовать? Еще дряхлым старикам, перешагнувшим предел маразма. Домохозяйкам, озабоченным лишь ценами на мясо. Людям, окончившим восемь классов. Да если ему не

хватило ума закончить десять – неужели он способен осмысленно проголосовать?! Твоей горничной, которая не то, что правого лидера от левого не отличает, но и правую руку от левой – путем сложных сопоставлений... Пьянице, живущему от запоя до запоя. Менструирующей женщине или кормящей матери – у этих вообще в такие периоды состояние, близкое к истерии. Просто любому непроходимому дураку с ученой степенью доктора – и такое бывает, причем чаще, чем ты думаешь. Восторженной юной даме, влюбившейся в густые усы на экране...

- Вот-вот! – радостно поддержал Алексей. – Я как раз вспомнил. В России на избирательном участке в старые времена сценку наблюдал и подслушивал. Голосуют две молодые особы с продуктовыми сумками. Судя по всему – кумушки-соседки. Смотрю – одна с остервенелым выражением лица вычеркивает всех подряд кандидатов, приговаривая: «Все мужики сволочи... Сидят у нас на шее и погоняют... Гады, еще выбирай их... Мой-то опять вчера под киром пришел... Матюгался при детях... И эти такие же... Не верю никому... Фиг им, сволочи они все...». А другая перебивает, тыча пальцем в какую-то фамилию: «Нет, не скажи! Я вчера вот этого по телеку видела, душка, правда? Рот какой мужественный... Я за него решила проголосовать: может, опять его покажут...». Общий хохот быстро затих, и г-жа Ремизофф сказала очень тихо:

- А ведь смех-то плохой... И ты думаешь, Иветта, что этим людям и правда позволяют что-то решать большинством? Даже если бы в принципе возможны были какие-то честные выборы, перед дачей права голоса следовало бы ввести тестирование. И раз лет так в пять – повторять. И, если бы уровень интеллекта оказывался вдруг ниже какого-то среднего, то таким права голоса не давать, – она расхохоталась. – Представляете, сколько бы было сюрпризов?! Какой-нибудь известный элитный поэт, а по шкале интеллекта – ноль без палочки. А какой-нибудь электрик, которого и за человека-то не считали, вдруг р-раз – и двенадцать баллов: гений... – Она махнула рукой: – Ну, да что там, утопия...

Впервые за весь вечер Иветта осмелилась возразить:

- Вы хотите сказать, что не должно быть всеобщего, равного голосования? Это же, все-таки считают одним из главных достижений демократии...

Марина слегка усмехнулась:

- А кто ее видел, демократию-то эту самую? - (Иветта смолчала, потому что и раньше над этим задумывалась, но ничего не придумала). – Я понимаю, ты по привычке рассматриваешь демократию как противоположность тоталитарного режима. Например, у нас-де есть частная собственность, права, свободы... Но дело-то в том, что все это – не достижения. Это неотъемлемое право человека от рождения. А пользуемся ли мы этими правами и свободами в демократическом обществе – это, знаешь ли, вопрос...

- И потом, это твое равенство – откуда ему взяться? – поддержал жену Алексей. – Люди от природы не равны – в них от зачатия есть гены, которые уже знают – будет он урод или красавец, кретин или гений и так далее... А давать гению и кретину равные права в обществе – это уж извините... Ты говоришь о свободных выборах. Ну давай рассмотрим это на примере твоего приятеля – не морщись, тебе не идет – Менелаха Боруха. Представь себе, процентов 25-30 избирателей вообще на выборы не придут. Они – стадо, им все равно, пока собственный дом не рухнет им на голову. Из оставшихся семидесяти процентов около половины вполне могут проголосовать за Боруха – у него, правда, очень высокий рейтинг. Но от общего-то числа избирателей получается, что за него проголосует лишь каждый третий! Из проголосовавших, у каждого – тоже свои мотивы: у половины этих людей не общественные, а личные: кому-то он внешне понравился, кому-то импонирует, что у него пятеро детей, кто-то считает, что он его продвинет... И остается тебе, Иветта, в лучшем случае, двадцать процентов осознанно проголосовавших. Это каждый пятый – простая, как видишь, арифметика. Не маловато ли для навязывания этой воли остальным четырем пятым? Но гордо скажут: «Народы Земли избрали». Ну, и где ты

тут видишь демократические выборы, Иветта?! Но и не проголосуй за него никто – он все равно прошел бы – это уже решено, – Алексей помрачнел.

- Вы имеете в виду, что подтасовали бы результаты? – спросила Иветта.

Он кивнул:

- И это тоже, но не это главное. Главное, что все predetermined. Давно. Еще до нас с тобой. И нам остается только надеяться, что Бог приберет нас раньше, а пока... – он внезапно замолчал.

- О чем вы? – Иветта остро ощутила, что последняя фраза Алексея открыто зловеща. А между тем выражением лиц супругов переменялось, став из озабоченного добродушным.

- Маленькая девочка, – шутливо погрозила Иветте Марина. – Не задавай слишком взрослых вопросов. Давай лучше чашку, я налью тебе новый чай. Твой остыл. И не забывай есть варенье. Это не магазинный ядовитый клейстер, а настоящее вишневое варенье, я сама варила.

Иветта хотела было обидеться на «маленькую девочку» – ведь ей уже двадцать шесть, и она настоящий доктор, но не получилось: эти русские к ней явно хорошо относились, про «девочку», конечно, шутили, и вообще, с первых своих визитов в их немножко взбалмошный дом, Иветта восприняла супругов Ремизофф как старших друзей и в чем-то учителей. Она вспомнила, с чего это началось месяц назад: ее угораздило брякнуть глупость, что в демократических странах, слава Богу, нет гонений на религию. Алексей тогда так и вскинулся:

- Официальных нет! Но самая жизнь здесь убивает в человеке страх Божий! Весь уклад современного общества – как можно этого не видеть! – построен на внешнем поощрении, а на деле – на каждодневном попрании Божьих заповедей. Церковь стала архаическим балаганом, потому что души – растлены. Знаете, что в прошлом веке спасло Православие в России?! Пусть это звучит дико, но – расстрелы священников, погромы церквей, наказания за веру... Гонения, одним словом. Веру нам пришлось отстаивать – оттого мы ее так и укрепили!

«Господи, как он прав-то», – сразу подумала тогда Иветта.

Иветта очень скоро поняла, что супруги Ремизофф – ее единственные друзья. Она постепенно отдалилась от других, поверхностно-приятельских отношений, и каждый день после работы радостно летела в гостеприимный одноэтажный домик Марины и Алексея. Ей не приходилось ни в чем притворяться, ни с чем мириться, от нее никто не требовал вести себя так-то и думать то-то, на том лишь основании, что так принято во всем цивилизованном человечестве. Дом этот посещали самые разные люди, как когда-то дом Менелаха и Надин Борухов, их так же радушно встречали и обязательно кормили, чем Бог послал. Только, в отличие от Борухов, здесь никому ничего не навязывали, не проявляли нетерпимости к чужому мнению, а выслушивали возражения, доброжелательно высказывали свою точку зрения и, если даже не удавалось оппонента убедить, его никто не начинал недолюбливать. Не существовало здесь и «культы личности», какой процветал в недоброй памяти «барсучьей норе». Но прошло, наверное, два года, прежде чем Иветте стали доверять настолько, что, наконец, рассказали ей об истинной подоплеке пребывания супругов Ремизофф в бывшей Дорланде. Это произошло в день, когда член Объединенного Правительства – Совета Семи – Менелах Борух выступил по телевидению с часовой речью, обличавшей, вернее, поливавшей грязью, Россию.

- Россия грозит переполнить чашу человеческого терпения, – вещал Менелах, а Иветта не столько слушала, сколько разглядывала его.

Ничего не осталось в нем от знакомого ей полусумасшедшего философа-одиночки. Появились незнакомые властные замашки, острый взгляд пронизывал до костей.

- Наши попытки переговоров с русским правительством натываются на непреодолимую стену. Русские представители непрерывно твердят «об особом пути России», о «православном самосознании русского народа» – и мы уже не можем верить во

все эти легенды. Пора признать: все это выдумки так называемого русского императора с целью удержания собственной власти над одной шестой частью суши. Но триста миллионов рабов на Земле – не слишком ли это много? Я спрашиваю вас, свободные граждане, имеет ли кто-нибудь право решать за такое количество людей, что им хорошо, а что плохо? Нравственно ли отгородить одну страну от мира, лишит ли ее благ цивилизации, откинув чуть ли не в патриархальное прошлое? И действительно ли это благородно превратить одно вероисповедание в государственную религию, между тем, как свобода совести – неотъемлемое право любой личности? Зачем это все? – спросите вы. Да все очень просто. Православие испокон веков служило лишь орудием приведения народа к покорности и терпению – но есть ли еще у этого народа силы сидеть в одной большой тюрьме? Для русских – а это такие же люди, как и мы, наши братья, пусть и меньшие, – осталась одна надежда на спасение от произвола – извне. Верим, настанет день, когда падет эта мнимая твердыня, и тогда уже не останется препятствий для того, чтобы все люди Земли счастливо зажили одной большой, любящей семьей... Объединенное Правительство давно могло бы уже принять решение силой оружия освободить плененных братьев. Но нас пока останавливает беспрецедентная кровожадность русского правителя, готового пролить океаны крови – лишь бы удержать свою бессмысленную, фанатическую власть. Объединенное Правительство не забыло, что Россия – вооруженный до зубов монстр, и не остановится перед тем, чтобы в любой момент применить ядерное оружие. Но мы не хотим жертв. Человеческая жизнь драгоценна. Мы еще не оставляем надежды, что здоровые, прогрессивные силы в России смогут обратить сердца умного русского народа против Самодержавия и тотального Православия, и тогда мы сумеем помочь русским, не проливая крови...

Иветта рассеянно слушала все это, когда позади нее раздался грохот. Она обернулась и изумленно отпрянула, увидав, что Марина – женщина, на памяти Иветты не сделавшая ни одного резкого движения и никогда не повышавшая голоса – вскочила и испуганно пнула ногой кресло, сразу перевернув его. Лицо Марины исказилось совершенно явной ненавистью, из оскалившегося рта вылетели два слова:

- Уб-блюдок! Подонок!

К Марине уже спешил с другого конца комнаты ее муж, но она рванулась от него к телевизору, с силой пихнула двумя руками красивое, одухотворенное лицо Менелаха на экране, отчего телевизор опрокинулся и погас. Только тогда Марина опомнилась и уронила руки. Весь ее вид говорил: «Что я наделала! Простите меня!». Алексей отвел ее на диван. Он поглаживал жену по спине, приговаривая:

- Ладно, ладно, будет, будет... Как будто раньше не знала...

Марина прижала руки к вискам и слабо ответила:

- Умом знала, Леша... Умом... А сердцем поверить не могла... Все хотела надеяться, что это еще не тот...

- Держись, – бормотал Алексей, – все в руках Божьих, сама же говорила... Деликатные люди, они не перешли на русский язык в присутствии Иветты, но ей все равно показалось, что они говорят на чужом языке. Они были друзьями, проверенными друзьями, но все же чего-то явно не договаривали ей. Несколько минут Иветта чувствовала себя потерянно но, заметив, что Марина успокоилась, а Алексей направляется к бару за коньяком, вдруг решила:

- Алексей, Марина! – окликнула она. – Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего! Я почти два года с вами дружу, а вижу, что вы мне чего-то не говорите! Неужели вы еще не поняли, что я вас люблю?! Что я в вас верю?! И я уже взрослая женщина, мне уже двадцать восемь лет, я все пойму, честное слово! Ну, пожалуйста! – молила Иветта.

Алексей вернулся на диван с полдороги, Марина вопросительно на него взглянула, но он ответил ей таким же взглядом и жал плечами. Потом они оба растерянно повернулись к Иветте.

- Ну не молчите! – вскрикнула она. – Я так не могу!

Супруги одновременно улынулись.

- Ладно, – словно решившись, сказал Алексей. – Не мы, так жизнь сама тебе расскажет. А если от нас услышишь, то хотя бы есть надежда, что поймешь... – Он замолчал, собираясь с духом, не Марина живо его перебила:

- Дело в том, Иветта, что... Можешь думать о нас, что угодно... И что мы сумасшедшие – тоже. Но... Девочка, есть очень большая вероятность того, что этот человек... Даже слово не могу произнести... Ну, тот, кого давно ждали и – боялись... Ты понимаешь – о ком я?

Вспоминая ту минуту, Иветта сама удивлялась, что не вскрикнула, не вздрогнула, не завопила «Что?!».

- Я так и чувствовала, – ответила она первое, что пришло на ум.

Она заметила, что Алексей и Марина облегченно вздохнули и быстро продолжила:

- И вы здесь из России для того, чтобы с ним бороться, так?

Алексей покачал головой:

- Нет, бороться с ним невозможно. Он получит власть на земле – Бог так решил.

- Кроме России?

- К сожалению, тоже нет. Он и туда войдет.

- Как это нельзя бороться?! – возмутилась Иветта.

Алексей пояснил:

- Просто бесполезно, в том смысле, в котором ты это понимаешь: все препятствия он устранил - и политические, и какие угодно... Убить его тоже до поры до времени никто не сможет. Казалось бы – как просто: взял, да стрельнул через оптический прицел. Но не выйдет. Пусть до тебя дойдет, наконец: ему Бог по-пу-стил. И Он же его и уничтожит в свое время... Сам. Ни у кого другого не получится. Вспомни – уже четыре покушения было – и каких! А ему – хоть бы что!

Неимоверная тяжесть легла Иветте на душу. Тяжесть знания.

- И ничего нельзя сделать? – полуспросила она.

- Можно сделать очень многое, Иветта, – мягко ответила Марина. – Только одна отобранная у него душа – благо. Можно попытаться. Но все дело в том, что каждый, с ним не смирившийся, погибнет – вот, в чем вся беда...

- Но как же он поймет - кто с ним, а кто – нет? Ведь все человечество не провести перед ним? И потом – что, люди – не видят? Они что – не знают? Кто же ему поверит? – в отчаянье шептала Иветта.

- Уже поверили, девочка, – тихо поправил Алексей. – Ты вокруг посмотри: он же общемировой герой. За два года, что он в Совете Семи – нигде ни одного выстрела. А какие деньги правительство бросило на науку, искусство! Рак третьей стадии вылечивается одной инъекцией, и все при нем изобретено – случайно, что ли? И каждый теперь без лишних проблем может заниматься, чем хочет. Деньги откуда-то сами взялись. Это вот мы понимаем, что они двадцать веков где-то копились, а теперь все брошены ему в поддержку. Доходили до тебя раньше разговоры о тайном мировом правительстве? Вот оно – любуйся. Все процветают, бедных нет – как ему не верить? Ты говоришь, знают про него люди. Ну, так и ты выбирай любого из мучителей человечества. Начать можешь хоть с Нерона... А поближе к нам – Наполеон. А еще был Гитлер в Германии и одновременно – Сталин в России. А до них – Ленин. Что он учинил – и говорить не надо. Так что, человечество уверено, что его уже изжили. И каждый считает им того, кто его народу больше напакостил. Очень удобно. Ну, тех сокрушили, а потом, сказано, должен прийти Христос-Спаситель. И люди теперь благополучно считают, что Он явился... А как он узнает, кто ему верен? Да ведь он же тебе сам рассказывал про «небывалую клятву» – чем ты слушала? Вот кто ее даст, тот – его...

- А кто не даст?

- Заставлять – не будут. Но поставят в такие условия, что человек вынужден будет ее сам принять, во избежание голодной смерти.

- А кого не вынудят? – настаивала Иветта, и лицо Алексея вдруг посерело.
- Ну, а те... А про тех сказано: выше первых мучеников будут поставлены. Потому что такую муку примут, что, если ее выдержат – равных им не будет...

- А у кого сил не хватит?!

- А те раньше умрут. И уже умерли, наверное. Теперь, Иветта, только те остались, у кого есть силы. И поклониться-не поклониться – от них самих зависит... Сердце Иветты бешено колотилось:

- И Россию, говорите, возьмет... Что же тогда-то останется... И как с его подачи все вашу Россию ненавидят!

- И ведь как бьет метко, сволочь! – откликнулся Алексей. – «Тоталитарная», говорит. Если б не Россия – так совсем бы плохо дело. А так – нет-нет – да посмотрят люди. Может, задумаются о чем: почему такая страна – и все никак не смирится. Только боюсь – пока глаза откроются – поздно будет...

- Господи! – вырвалось у Иветты.

Она закрыла лицо руками.

- Ты так не переживай, доча, – Марина погладила Иветту по голове. – Никто своей судьбы не знает. Нужно просто жить по-человечески, а пытаться остановить танк руками – гиблое дело. Но ты не думай, это все не завтра случится. Пока только начало: ему еще надо всемирным владыкой стать – он пока лишь член семерки. Все к тому идет – но не так же быстро! Это потом, став владыкой, он еще много добрых дел сделает, так, чтобы ни у кого и сомнений никаких не осталось... И только клятву ту приняв, начнет показывать истинное лицо. Так что, это нескоро. Не мучай себя пока...

- А что мне делать? – спросила зареванная Иветта. – Я же не могу теперь, зная все это, жить как прежде и ничего не делать!

- Твое дело, – все так же осторожно проводя рукой по Иветтиной голове, сказала Марина, – твоё дело просить Бога укрепить тебя, твоё дело всем об этом рассказывать, чтобы как можно больше людей об этом задумалось. Твоё дело всячески мешать, где возможно, проводить в жизнь его идеи, какими бы они ни казались заманчивыми – они все равно, в конечном счете, направлены на зло и соблазн.

- А у вас здесь что – какая-нибудь организация, что ли? – спросила Иветта.

Алексей Ремизофф добродушно усмехнулся:

- Нет, у тебя, положительно, душа подпольщицы, Иветта! Ну, организация, если ты так это называешь... Я еще в России начинал, в незабвенные времена демократии, лет пятнадцать назад, с мужем твоей матушки, с Ваней Головановым. Мы тогда вступили – скорее, влипли, в одну организацию. «Партия Православных патриотов» называлась. А на проверку оказалась ловушкой для обезвреживания вольнодумцев. И все мы загремели на скамью подсудимых. Ваня – тот один из главных теоретиков был, его чуть-чуть не посадили, вот он и бежал сюда и встретил вашу маму. Ну, а мне удалось отделаться условным сроком... Потом – Монархия, а в Европе – объединение... Я там книгу написал обо всем этом, и Государь меня заметил. Когда вся эта кутерьма вокруг России началась – стало ясно, что надо и за пределы выходить, объяснять людям... Вот я и вызвался – кровью во мне еще кипит, хотя я вам и стариком кажусь, наверное... Зато я умный, – Алексей рассмеялся. – Я всех, кто к Духовному Спротивлению хочет примкнуть, самолично отбираю, чтобы исключить провокаторов...

- Как меня?! – воскликнула Иветта.

Он кивнул:

- Как тебя. Не обижайся. И с женщинами я вдвойне осторожен: самые знаменитые, самые яркие женщины в истории всегда ломались на любви. Она затмевала им разум, и из-за них куча народу гибла. Но ты, кажется... – Алексей запнулся, искоса быстро глянув на Иветту.

В ней опять что-то знакомое екнуло, и она сухо подтвердила:

- Да. Мне это не грозит.

- Кто знает, – пробормотала Марина, – кто знает... – и спохватилась: – Во всяком случае, ты теперь с нами...

Этот день был год назад. И в течение этого года Иветта успела настрадаться. Одержимая знанием, которое теперь носила в себе, она старалась открывать глаза каждому. Но добилась лишь того, что люди стали ее сторониться. Разной была их реакция. Кто-то отшучивался, кто-то грубо обрывал ее – «Сама не понимаешь, что несешь», кто-то снисходительно и вежливо выслушивал и старался больше с Иветтой не общаться. Наиболее добрые люди относились к Иветтиным словам, как к безобидной идее-фикс, считая, что каждый сходит с ума по-своему, а в остальном она нормальный человек – ну, может, лесбиянка. Но все чаще родители больных детей, казалось бы, без причины, просили себе другого врача, а коллеги все же и реже приглашали ее на свои традиционные вечеринки, уважали, но обходили, боялись связываться. Однажды, подойдя к двери комнаты отдыха врачей, Иветта успела услышать обрывок разговора о себе:

- Личная жизнь не удалась – вот и ищет утешения в религии да политике... Все от недотраханности идет, вот что я скажу...

- А по-моему, у нее всегда был сдвиг, а теперь болезнь стала прогрессировать... Интересно, у нее есть психоаналитик?

- Насчет психоаналитика – не знаю, а мужика точно нет...

- Да ладно вам, она нормальная баба, а что касается ее пунктика – так кто из нас не с приветом?

Иветта резко открыла дверь, и все врачи сразу с преувеличенной поспешностью, как по команде, заторопились по разным неотложным делам.

С того дня Иветта поняла, что делает что-то не так - говорит не с теми, или просто не обладает даром убеждать людей. Но недолго длилось это ее подвешенное состояние. Оно внезапно кончилось – всего неделю назад. Поздно вечером, когда Иветта уже готовилась лечь, вдруг постучала горничная:

- К вам г-жа и г-н Ремизофф. Изволите принять?

Иветта удивилась и испугалась: за все три года их дружбы Марина и Алексей редко бывали у нее и никогда – так поздно, обычно это она ходила к ним. Что-то стряслось.

Глава 4

Иветта еще никогда не видала, чтобы у ее друзей были такие лица. Алексей то избегал ее взгляда, то вдруг вскидывал на Иветту глаза, и тогда она читала в них выматывающее сомнение. Марина казалась неуверенной в себе и все время отчаянно-вопросительно поглядывала на мужа. Они не решались говорить, пока Иветта, наконец, не сорвалась:

- Да что вы из меня жилы тянете! Я же вижу: что-то случилось – говорите уж, раз пришли! – воскликнула она и больно хрустнула сцепленными пальцами.

- Леша, – быстро и испуганно проговорила Марина. - Может, мы это зря? Ты же видишь – она ребенок.

Но Алексей Ремизофф словно не слышал. Он пристально посмотрел на Иветту и вдруг четко сказал:

- Иветта, твой дружок затеял страшное злодеяние. И только ты можешь помочь.

- Леша! – опять вскрикнула Марина. – Никто не может помочь! Ты же сам ей говорил – ему попущено. Она – дите, ей в куклы играть, а ты хочешь... Может, не надо?! – с последним мучительным усилием спросила она. – Перестань ты видеть в ней вторую Нору Сильвер! Та была от природы боец, а эта – женщина, ей бы детей рожать! Иветта не поняла, но почему-то начала дрожать. К ней уже и слова не шли, она только хотела, чтобы все это как-нибудь поскорее закончилось, разрешилось...

- Слушай, Иветта, ответь мне сейчас и быстро, – вдруг хрипло, не своим голосом заговорил Ремизофф, – могла бы ты ради того, чтобы только попытаться – не обязательно сделать – лишь попытаться... помешать, нет, просто навредить гнусному замыслу... могла бы ты ради всего этого отказаться от всего и навсегда, могла бы ты...

Иветта растерянно развела руками, все еще не соображая, но тут Марина, уже овладевшая собой, властным жестом остановила мужа:

- Надо не так. Хорошо, я сама. Слушай, Иветта. Мы раньше не хотели тебя серьезно ни во что втравливать – я всегда говорила мужу: не тот характер... Ты, скорее, была нашим личным другом, чем участником Духовного Сопротивления. Мы тебя ни во что важное не впутывали, потому что видели: ты в жизни на своем месте, человек ты с умом и силой, но ты не из тех, кому дают в руки автомат... Но обстоятельства переменялись. И в том, как они переменялись, мой муж, да и я тоже, склонны видеть... Ну, что-то вроде указания свыше. На тебя, Иветта.

Ровный голос Марины успокоил Иветту. Она успела собраться с мыслями, и в ней даже трепыхнулось некоторое романтическое любопытство: вот два человека, два руководителя Духовного Сопротивления, пришли к ней среди ночи, чтобы рассказать о какой-то важной тайне, и не просто посвятить в нее, а, кажется, поручить что-то особенное. Она постаралась придать своему голосу как можно больше простоты и меньше торжественности, чтобы в такой ответственный момент не показаться школьницей, играющей шпионку:

- Марина, вы не волнуйтесь, я поняла. Вы хотите поручить мне что-то серьезное, – она заставила себя улыбнуться. – Вряд вы заставите меня стрелять из автомата. А с остальным я попытаюсь справиться...

- Хм, поручить, – криво усмехнулась Марина. – Даже если ты была полновесным членом Сопротивления, и то тебе такого было! бы не поручить. На такое человек может решиться только сам. Без советчиков. И я тебе сразу говорю: если ты откажешься – никто тебе ни слова упрека не скажет. У меня у первой камень с души упадет...

- Объясните, – бессильно попросила Иветта, предчувствуя недоброе.

Алексей заговорил:

- Все дело в том, что нам удалось одного из наших внедрить в секретариат к твоему знакомому – вот ведь, даже имени его проклятого произносить не хочу! Он там никто, мелкая сошка, но кое-что иногда вынюхивает. Пронырливый, как такса. И вот уже несколько месяцев через него мы знаем: тот закрытый город в отдаленном месте, который недавно построен, предназначен для проведения одного жуткого эксперимента. У твоего приятеля, видишь ли, созрела очередная «гениальная» идея. Собственно идея не нова, ее еще большевики хотели провести в жизнь, да не знали, с какого конца взяться... Так вот, в двух словах. Он считает, что мир вещь такой «изолгавшийся и кривой» только из-за того, что человечество-де воспитывает своих детей извращенно. С пеленок пресекает естественные потребности человеческой души, называя это воспитанием. И из исковерканного и лишенного свободы ребенка вырастает-де извращенный человек, которого борьба природных потребностей с навязанными нормами приводит к тому, что он потом неосознанно мстит миру за поругание его естества. И от этого-де все войны: вовремя не выпущенный на свободу зверь, наконец, прорывается – и не животным уже, а чудовищем. Он-де, многодетный папаша, наблюдал со своими детьми и вдруг додумался: никакого изначального добра в человеке нет. Человек, якобы, от рождения – эгоист, потребитель, мучитель, насильник и так далее. Дети, мол, погремушками лупят друг друга по голове, а мама наказывает, загоняя естественные порывы внутрь, вырабатывая вместо этого рабский страх. И знакомый твой считает, что лет через пятнадцать следует создать новую, универсальную общественную систему воспитания – то есть, детей воспитывать не в семьях. И воспитывать их не только по принципу потакания, но и поощрения и стимулирования их природных склонностей. И тогда-де, они вырастут гармоничными, потому что зло вовремя найдет свой выход. И, кроме того, такой человек уж точно будет

способен постоять за себя. А кто не способен – те просто вымрут в детстве. А скорее, их забьют. Естественный отбор.

Ну, а раньше он считает целесообразным провести эксперимент. Отобрали путем длительного тестирования четверых детей. Из них – пара двойняшек. Причем, именно таких детей, которые потеряли родителей и не имеют других родственников: никто никогда не хватится, и в будущем случайные родственные чувства не дадут себя знать. Причем, родители должны были умереть не от тяжелого заболевания, а от случайного, острого, или от несчастного случая – гарантия генетического здоровья. Детям по четыре года. Он считает, что до этого возраста дети вообще не способны испытывать душевных привязанностей, а существование их чисто утилитарно: где вкуснее поел, туда и тянет. Доказательством он считает, что все эти дети, потерявшие родителей год назад, уже совершенно их не помнят, и потерю перенесли исключительно легко... Ну, потом эти дети прошли всестороннюю медицинскую проверку и тому подобное, признаны здоровыми и полноценными. Вот для них и построен этот, с позволения сказать, институт. Их там будут содержать лет до восемнадцати и воспитывать от противного... То есть, грубо говоря, то, что для наших детей считается «плохо», для этих будет «хорошо» или даже обязательно. Там, собственно, не институт, а город с полным жизнеобеспечением. И туда набирается штат специалистов: педагоги, врачи, тренеры, ученые-исследователи, обслуживающий персонал... И этим людям вменяется в обязанность жить там до окончания эксперимента, то есть – годы, без связи с внешним миром. А потом, если эксперимент удастся, и эти маленькие монстры вырастут в больших, каких и хотел видеть Борух – вот тогда такая система воспитания станет обязательной для всех...

- Господи, ужас-то какой! – потрясение выдохнула Иветта. – А о звере в человеке мне знакомо. Это, кажется, Ницше... Так оно и есть – Ницше ведь демонист, Менелаху так и следовало с его руки клевать. Но что касается детей – тут Менелах дальше шагнул...

- Я вдруг подумала: вот сидит человек, который запросто называет его по имени, – заметила Марина, а Иветта содрогнулась: «Действительно!».

И тут ее осенило:

- Я понимаю, вы хотите через того своего человека попытаться внедрить меня туда врачом! – выпалила она.

Алексей покачал головой:

- Внедрить туда никого невозможно. Каждая кандидатура обнюхивается со всех сторон. Все – вплоть до тамошних мусорщиков – прошли многоступенчатую проверку. Анкета чиста от христан до пра-пра-предков. Все – чистокровные правоверные маймоны, насмерть преданные идее их мирового господства и лично Боруху. Он – генеральный директор проекта, и по много часов с каждым беседовал. Каждый отобран из десятков кандидатов! И никаких шансов, туда несанкционированная муха влетит – нет: ведь прослышь люди о том, что там затевают – да они детей рожать перестанут!

И только у Иветты успело отлечь от сердца, как Марина зала:

- И все-таки, мы можем внедрить своего человека. Тебя, Иветта.

В комнате сгустилась осязаемая тишина, Иветта различала лишь оглушительное буханье собственной крови в висках.

- К-как? – выдавила она.

Алексей порылся в портфеле, извлек оттуда листок и протянул ей. Это оказалась ксерокопия утвержденного списка основных сотрудников Института. Он ткнул пальцем в одну из фамилий, и Иветта по слогам, словно сомнамбула, прочла:

- Райт, Сарра. Врач-педиатр. 29 лет. США. Университет штата Массачусетс.

Она вопросительно глянула на Алексея и шепотом предположила:

- Вместо... нее?..

Алексей кивнул, пристально глядя в ее смятенные глаза.

- А...а она?

- Она не поедет, – отрезал Алексей.

Неописуемый ужас волной накатил на Иветту. Она ощутила себя стоящей в темноте над бездонной пропастью без шансов не упасть туда. Иветта прижала руки к сердцу и так застыла. Подошла Марина и ободряюще погладила ее.

- Ничего не решено, – мягко сказала она. – Это все пока лишь предположения, просто нам показалось, что это... уникальный шанс. Понимаешь – тот наш человек в секретариате – ему удалось снять копии только с нескольких удостоверений для этих людей. Случайно, и с очень немногих. И этой Сарры Райт – тоже. Дай, Леша.

Ремизофф молча протянул другой листок.

- Вот смотри, – продолжала Марина. – Здесь не только общие данные и фотография, здесь еще подробное внешнее описание. Слушай. Рост – 165 см. Вес – 65 кг. Плечи широкие, бедра широкие, грудь – полная, ноги, руки – пропорциональные. Лицо овальное, кожа светлая, глаза зеленые, светлые удлиненные. Волосы – натуральная блондинка. Нос прямой, мягкий, рот большой, полный. Зубы ровные, мелкие. Особых примет не имеет. И все это – *твои* приметы, Иветта. Фотографию мы заменим, но здесь не только подробно описана твоя внешность. Ты еще и такой же, как и она, педиатр. И ты... Да что там говорить – у тебя никого нет, кроме нас. Тебе некого здесь терять и приносить в жертву... Ты свободна. Все, как специально подогнано под тебя! – тут Марина замахала руками: – Ты, ради Бога, пойми, что, увидев такой шанс, один на миллион! – мы должны были хотя бы прийти и поговорить об этом!

У Иветты в голове все спуталось, сердце зашлось, она молчала.

- Я не прошу тебя, Иветта, – подчеркнула Марина. – Я просто рассказываю, потому что должна рассказать! И именно сейчас, потому что Сарра уже получила свои документы. Она здесь, в Квин-Сити, а выезжает туда – вечером. И послезавтра, нет, уже завтра, шанс будет упущен навсегда. Единственный шанс... Но я все думаю – может, это напрасный соблазн? Леша, ну скажи! Ведь, собственно, что реально Иветта могла бы там сделать?! У нее не будет даже возможности связаться с нами! А ведь для этого нам придется... Придется... – ее лицо задрожало.

Но Иветта подняла голову. Она ничего не решала. Слова пришли откуда-то сами:

- Я не знаю, что именно я смогу там сделать... Но я знаю, что буду *рядом*... И что полюблю их. И они полюбят меня.

- А поскольку любовь – чувство там незапланированное, то... – с посветлевшим взглядом подхватил Алексей.

Забившись в угол одноместного купе, Иветта перечитывала еще одну ксерокопию, полученную накануне от супругов Реми-зофф.

«1, 2. Одинцовы, Василий и Дмитрий. 4 года. Разнояйцовые близнецы. Место рождения – Россия, Санкт-Петербург. Русские. Родители – Одинцовы, Марина и Игорь. Профессия – журналисты. Участники уфологической экспедиции в центральной полосе России. Смерть – в результате истощения и брюшного тифа (заблудились в тайге). Отец найден мертвым у деревни Большой Плес. Труп матери обнаружен в пяти километрах. Память о родителях отсутствует. Других родственников не имеют. Доставлены из детского пансионата «Пиноккио», Италия. Родной язык практически утрачен. Развивается полноценная итальянская речь. Характер. Василий: импульсивен, доверчив, общителен, внушаем. Генетически здоров. Дмитрий: уравновешен, спокоен, внушаем, пассивен. Генетически здоров.

3. Казанянец, Ашхен. 4 года. Место рождения – Армения, Кумари. Армянка. Родители: Казанянец Гаянэ и Карен. Профессия – медсестра и инженер. Жертвы землетрясения. Отец – мгновенная смерть под обломками здания строительной кампании. Мать – извлечена вместе с дочерью из-под обломков жилого дома на 5-е сутки. Состояние комы, скончалась до прибытия скорой помощи. Диагноз: синдром длительного раздавливания нижних конечностей. У ребенка память о происшедшем отсутствует. Родной язык – армянский. Доставлена из приюта для детей, пострадавших от

землетрясения. Характер: агрессивный, настойчивый, замкнутый, внушению поддается плохо. Память о родителях утрачена. Других родственников не имеет. Генетически здорова.

4. Уайт, Шейла 4 года. Место рождения – Дорланда, Квин-Сити. Родители - Уайт, Софи и Марк. Секретарь и солдат срочной службы. Смерть: отец – несчастный случай на учениях (попал под танк). Мать – аппендицит с гнойным перитонитом, причина – несвоевременная медицинская помощь. Скончалась в полицейском участке № 29 города Квин-Сити. Родной язык – английский. Память о родителях отсутствует. Характер в основном уравновешенный, но имеет место вспыльчивость, жизнерадостна, но внушаема недостаточно. Генетически здорова».

Иветта вспомнила, что насчет матери этой последней девочки у Алексея были серьезные сомнения. Он рассказывал, что в Сопротивлении участвовал бывший начальник Софи Уайт. И начальник этот предполагал, что Софи умерла вовсе не от перитонита. На самом деле она просто исчезла по пути из издательства на работу. А с собой у нее были сигнальные экземпляры книжки «Больной вопрос» – той самой, когда-то написанной Норой Сильвер и ее мужем Иваном, и теперь переизданной подпольно. Он не сомневался, что таинственное исчезновение Софи было связано с теми книжками. Иветта подумала, что маленькая девочка Шейла – уже каким-то образом ей родня. Ведь это книжки ее, Иветтиной, матери несла в сумке мама Шейлы, в тот день, когда пропала и, как выяснилось, подозрительно погибла...

Но Иветта думала обо всем этом очень смутно – она вообще с утра очень плохо соображала, словно отстранившись от всего. Она просто не могла сейчас, в поезде, рассуждать ни о прошлом, из которого так внезапно оказалась вырванной, ни о настоящем, которое так невообразимо страшно, и все длится, длится, ни о будущем, что встает перед ней в тумане – безжалостное и неизвестное. Иветта просто сидела, прижав пальцы к пульсирующим вискам, гнала мысли и слушала стук колес. Когда мысли начинали, как бесы на пьяницу, наползать на нее со всех сторон, Иветта сквозь стиснутые зубы повторяла бессмысленную считалочку, всплывшую из детства: «Эники-беники-ели-вареники-эники-беники-сика-лица-эники-бе-ники-ба». Она заставляла себя твердить этот тарабарский набор звуков, иначе боялась вскочить, замолотить кулаками по столу, по диванчику, завопить, что есть силы, без слов – пусть бы ее увезли в психушку с ближайшей станции, лишь бы оказаться где-нибудь не здесь! А то, что свершалось в те минуты совсем рядом – через вагон от Иветты, казалось, не имело к ней отношения.

«Наше решение – наш и ответ, – сказали ей супруги Ремизофф. – Никому больше греха на душу принять не дадим». Казалось, это не Иветта, а всего лишь героиня фильма ужасов, не больше, всего лишь час назад смотрела на платформе вокзала в Квин-Сити, как полный, румяный, седоусый мужчина вдвоем с невзрачной, сухощавой женой втаскивают в поезд огромную, яркую коробку.

- Нет уж, увольте! – гремел по всему перрону незнакомый ей поставленный баритон. – Мы на эту стереосистему пять лет деньги копили, правда, Элен? Я никому не позволю ее трогать! Мы уж сами, сами... Давай, дорогая, берись с того конца!

И люди со снисходительным, доброжелательным сочувствием смотрели, как эта смешная чета волочет коробку к своему купе. И только Иветта – нет, женщина из фильма ужасов – знала, что в коробке – лишь десяток булыжников, которым скоро предстоит вылететь в окно, чтобы освободить место кое-чему другому... Иветта пронзительно чувствовала, что не имеет ко всему этому никакого касательства, просто потому, что такого в ее жизни происходить не может...

Ее неожиданный отказ от места в престижной клинике никого не удивил – все вздохнули с облегчением, избавившись от этой помешанной, которой вдруг взбрело в голову вдруг так срочно все бросить. Если коллеги и подозревали что-то странное, то при ней, по крайней мере, помалкивали. Ее поверенный в делах в Швейцарии тоже не высказал никаких эмоций, когда она вчера сообщила ему, что срочно уезжает на

неопределенный срок, а ему предстоит иметь дело с лицом, предъявившим доверенность. Поверенному было плевать – он и так давно махнул на Иветту рукой, считая ее взбалмошной. Как во сне, она подписывала какие-то бумаги, как во сне, передавала ключи от квартиры Марине, а та поминутно целовала ее в голову, не выпуская ее руки из своей... Иветте хотелось проснуться, причем не здесь, в бывшей Дорланде, а в настоящей Швейцарии и выяснить вдруг, что она просто тяжело болела и бредила, и все это было бредом: и Дорланда, и Борухи, и Академия, и чета Ремизофф, и клиника, и Объединенное Правительство, а главное – этот поезд, этот настойчивый стук колес. Ох, очнуться бы – и не было бы ничего, она была бы еще маленькой девочкой, и мама и папа были бы живы, и ничего того, что было...

- Ох, Господи! - простонала Иветта.

Она действительно очнулась и взглянула на часы.

«Через два часа возьми свои вещи и иди к нам», – вспомнилось Иветте.

Своих вещей у нее был только маленький несессор, в который она запихнула то из своей жизни, с чем не решилась бы расстаться даже под угрозой гибели: несколько фотографий из альбома, письмо матери, немного драгоценностей, подаренных отцом... А все остальное уже ждало там – нет, не ее, а свою настоящую хозяйку, которая никогда уже ничем не воспользуется... Все очень просто. Марина и Алексей едут с Сарой в одном купе. Четвертое место откуплено ими же. Когда принесут завтрак, Сарра Райт отхлебнет кофе и умрет. Иветта украдкой, несмотря на запрещение, рассмотрела Сарру при посадке и еще нашла в себе силы удивиться тому, что эта женщина, по описанию так похожая на нее, на самом деле ничуть ее даже не напоминает. Иветта холодно этому удивилась и в то же время почувствовала странное любопытство: «Я вижу человека, которому осталось жить не более двух часов, а он об этом не знает», – с болезненным возбуждением подумалось ей.

Два часа истекли. Иветта глубоко вздохнула и, все так же в полубессознательном состоянии перешла в соседний вагон и условным стуком постучала в нужное купе. Отворил Алексей. Иветта тщетно попыталась встретиться с ним взглядом и посмотрела на Марину. И та выдержала взгляд.

- Быстро проходи, – сказала она, и голос показался Иветте мертвым.

Не чувствуя ног, Иветта шагнула в купе; Алексей с грохотом задвинул дверь. Она подумала, что сейчас упадет и, правда, боком рухнула на диван. Она еще видела, как над ней склонились два тревожных лица, слышала, как зазвучали знакомые голоса. Иветте вовсе не сделалось дурно – просто она не могла выйти из состояния крайнего смятения, и вдруг все, абсолютно все показалось ей совершенно нерациональным. И синий бархат обивки диванов – «Почему он не зеленый, например?». И яркая клетчатая юбка Марины при ее иссера-бледном лице – «Ну зачем такая юбка к такому лицу?». И позвякивание ложки в стакане – «Какой ужасный звук. Зачем?». Иветта все никак не допускала до себя мысли что, перешагнув порог купе, она сделалась банальной соучастницей убийства. Да – убийства женщины, ехавшей совершать страшное зло. Да, ортодоксальной маймонки, для которой она, Иветта, просто не относилась к «гомо сапиенс». Да, по исключительным обстоятельствам. Но – убийства. Убийства, совершенного только что двумя людьми, единственными людьми, которых она теперь, после смерти родителей, любила и уважала. Иветта посмотрела на багажную полку и, как и ожидала, наткнулась взглядом на яркую коробку от стереосистемы, и не смотреть туда она уже не могла... Но тут до нее, наконец, дошли звуки извне, и это оказался голос Марины:

- Иветта, прошу тебя... Иветта, пожалуйста... Иветта... Иветта...

Она перевела дыхание и, взглянув, увидела, что подруга на грани истерики, но отчаянно пытается не только сама сдержаться, но и успокоить Иветту...

А Алексей, не глядя на женщин, уже возился на столе с удостоверением Сарры Райт. Трясущими руками Марина совала Иветте какие-то тряпки, но та обнаружила, что не может не только надеть их, но даже к ним прикоснуться. Она мелко трясла головой, забив

на время человеческий язык. Марина из последних сил настаивала, бормоча что-то насчет того, что-де времени мало. Наверное, еще несколько минут – и они вместе забились бы в нервном припадке, но Алексей вдруг резко поднялся.

- Все! Хватит соплей! – грубо сказал он, и обе женщины, как по команде, затихли, прижавшись друг к другу.

- Ты, Марина, спятила! – все тем же тоном продолжал он. – Ты что, не видишь – ей кажется, что мы сняли эти вещи с... с нее, Но, Иветта, это другие, из чемодана. И, думаю, тебе не обязательно переодеваться. Кому какое дело, в чем приедет Сарра Райт!

- Правда, правда, я не соображаю, – лепетала Марина. – Соберитесь обе, черт вас раздери! – рявкнул Алексей.

Он сунул Иветте в руки женскую сумочку:

- Это ее. Теперь твоя. Здесь все документы. Сядь и успокойся.

Никому из этих людей не приходило в голову, что, расставаясь, вероятно, навсегда, зная, что один из них идет на смертельно опасное дело (ведь Иветта могла, что называется, «завалиться» в первый день: могли же у Сарры Райт оказаться в Институте, скажем, знакомые), они не смогут даже попрощаться. Что одна из них окажется в состоянии прострации, а двое других – в панике от содеянного ими только что. Ведь они, чувствуя себя хуже Иуды, час назад приветливо разговаривали здесь, в купе с другой белокурой женщиной. Это Марина отвлекла ее внимание, показав что-то за окном, в то время как Алексей – вылил в кофе Сарре содержимое маленького флакончика. И им еще надо было ни взглядом, ни жестом не выдать ужаса, сковавшего их души в ту секунду, когда, улыбаясь, женщина поднесла чашку к губам – им, которым раньше в кошмарном сне не могло присниться убийство кошки – не то, что себе подобного! И это им, супругам, спавшим тридцать лет в одной постели, еще предстояло увидеть, как вдруг остекленели только что прозрачно-зеленые глаза, как из ярко, кокетливо накрашенных губ вырвался хриплый всхлип, а потом обоим зажмуриться, потому что смотреть дальше не было сил. А позже они вдвоем запихивали неожиданно тяжелое, но еще теплое тело в большую коробку, и все получилось так быстро и ладно, будто они были опытными убийцами. Муж и жена Ремизовы как-то не подумали, что картина эта так заслонит в их мыслях все остальное в эти последние минуты, что они не скажут человеческого «прощай» другу, который, может быть, до конца не понимает, на что идет, и которого они уж точно никогда больше не увидят. Что спустя несколько часов этот их друг – такая же милая женщина со светлыми волосами, женщина, лишившаяся даже своего имени, будет мертвецки пьяная валяться вдали от них, и от всех, и вообще от жизни – в чужой стандартно-комфортной комнате, рассыпав свои светло-русые волосы по ковру и двумя руками сжимая горлышко пустой бутылки.

Глава 5

Иветта открыла глаза, когда на лицо ей сквозь незашторенное окно упал прямой и горячий луч солнца. Она слабо пошевелилась, и первым ее ощущением после пробуждения стала непреодолимая дурнота. Голова раскалывалась и ничего не соображала. Тело, пролежавшее всю ночь на ковре, нестерпимо ныло. Во рту пересохло, а в желудке чувствовался отвратительный твердый комок. Она еще никогда не испытывала подобного состояния, но знала понаслышке, что это синдром похмелья. Во всяком случае, сегодня это было благом: все чувства притупились, навязчивые вчерашние мысли отстали, а все приключившееся в последние дни и особенно вчера, кануло в прошлое, словно осталось за закрытой дверью. Иветта смутно припомнила, как вчера кто-то обходительный встречал ее на вокзале. Из поезда она опрометью выскочила, почти не сознавая, что делает, а «кто-то» занимался багажом покойной Сарры, пока Иветта стояла и хватала ртом свежий вечерний воздух. Ее повезли в машине к какому-то военному аэродрому, где уже ожидало еще несколько человек, прибывших с разных концов света,

чтобы похоронить себя за Белыми Стенами. Потом она с облегчением блевала в вертолете, а компанию ей составлял немолодой носатый очкарик. Вертолет приземлился на крышу такого же белого, как и стены, здания, и вскоре в красивом удобном офисе две улыбочивые чиновницы изучали ее удостоверение и личное дело привезенные, но даже по-настоящему не просмотренные ею. Личные дела вновь прибывших уложили каждое в отдельную цветную папку (Иветте досталась перламутровая), а удостоверение вернули, после чего появилось несколько смазливых юношей-стюардов в униформе. Стюарды проводили каждого в отведенный ему номер, сообщили, что общее знакомство состоится завтра в одиннадцать часов, потом развезли на тележках легкий ужин и, пожелав спокойной ночи, удалились. Насколько эта ночь была спокойной для других – этого Иветта не знала, но думала, что любого человека, сознательно надолго отрезавшего себя от мира, навряд ли ждали хорошие сны. А уж для нее... Она содрогнулась, но не повчерашнему, а как-то вяло.

Иветта еще сидела на ковре, когда ей пришла в голову мысль, что стюард, придя утром убирать номер, может и удивиться такому началу для молодой женщины-педиатра. Поэтому она быстро встала, бутылку закатила далеко под ванную – не ползет же он туда в первый же день мокриц ловить – и тут же, сбросив одежду, встала под теплый душ. Когда в десятом часу в номер постучали, Иветте удалось уже достаточно привести себя в порядок, чтобы следы ночной помятости не слишком бросались в глаза. Вместо стюарда объявилась приятная горничная. Девушка сказала, что ее зовут Силли, что она назначена личной горничной доктора Райт.

Выяснилось много интересного: д-р Райт может заказывать еду в номер индивидуально каждый вечер. Если, мало ли, у нее склонность к кулинарии – доктор может готовить и сама – она видела кухню. Продукты, как и абсолютно все остальное, можно приобрести здесь, в городке. Кроме того, тут имеются рестораны, спортивные залы, театры, клубы, бассейны и прочие необходимые атрибуты цивилизованной жизни. У доктора Райт будет возможность со всем познакомиться. Кнопка вызова ее, Силли, вот здесь, у кровати. Стюард через полчаса привезет первый завтрак, а пока она, Силли, позволит себе напомнить доктору, что общее знакомство сотрудников и приветственное слово г-на директора проекта состоится в одиннадцать часов в конференц-зале, 14-й этаж, направо...

И тут Иветте показалось, что земля уходит у нее из-под ног.

- Вы говорите... директор... г-н Борух? Сам? – только тут она поняла, какие идиоты эти русские, и какая дура она сама.

Менелах же директор этого чертова проекта, и...

- Нет, к сожалению, – разочарованно ответила между тем Силли. – Г-н Борух – создатель и генеральный руководитель. Здесь у нас исполнительный директор, г-н Мейзель. А его супруга Кэтрин – главный врач, ваш непосредственный начальник, доктор Райт.

«Слава Богу, женщина, – с легкомысленным облегчением подумала Иветта. – стженщинами проще, они в большинстве своем надутые индюшки...».

Но час спустя в конференц-зале, только взглянув на доктора Кэтрин Мейзель, не успевшую еще и рта раскрыть, Иветта уже осознала свою ошибку. Уж эта-то женщина не индюшка! Она скорей напоминает... Снежную Королеву! Потом, разговаривая с другими, Иветта узнала, что не только у нее одной сразу возникла такая же ассоциация. Ничто другое просто не приходило на ум.

Д-ру Кэтрин Мейзель на вид ни за что нельзя было дать больше тридцати пяти лет, хотя на самом деле ей уже перевалило за сорок. Когда она в сопровождении мужа – толстого, мутноглазого и чернявого, вошла на сцену, жужжавший конференц-зал, словно по неслышной команде, застыл. Так, в полной тишине, она и прошла к своему креслу – великолепная, с классическим лицом, с ослепительно-золотой короной из пышных волос. Огромные, холодные и презрительные глаза казались ультрамариновыми. Она выступала

действительно по-королевски, чуть откинув назад голову, свободно развернув плечи и несколько вызывающе выставляя высокий, подчеркнутый облегающим васильковым платьем, бюст. Каждый в зале немедленно задал себе естественный вопрос: что могла найти такая неземная женщина в этой ходячей порнографии – своем муже? Даже представить их рядом в постели казалось варварством.

Хряк заговорил. Он и говорил, как хрюкал, – сдержанно-свирепо, а приличные обороты его речи и вежливые выражения звучали нелепо. Он кратко поздравил всех с участием в «высокой миссии обновления человечества», сказал, что «подопечные» придут через неделю, а пока каждому предстоит осваиваться и входить в курс дела под руководством начальника своего подразделения.

Потом что-то сказала его жена, она, в основном, обращалась к врачам, прося их собраться в определенное время в клинике, и объяснила, где находится эта клиника (она примыкала к жилому комплексу). Слова ее падали в зал, как льдинки.

- Bravo, мамуля, – услышала Иветта насмешливый голос у себя за спиной.

Она обернулась, и вдруг увидела милое, задорное, располагающее к себе лицо очень молодого – лет двадцати двух – человека. Серые глаза смеялись, Иветта невольно улыбнулась тоже.

«А ведь это не маймон!» – мельком подумала Иветта, не замечая, что улыбается шире и шире. Ей вдруг стало легко-легко. Рядом с такими лицами как-то забываешь повседневную тяжесть и муку, словноходишь в дружеский дом.

- Это ваша мать? – спросила Иветта.

Все так же улыбаясь, юноша кивнул:

- Да, это мои предки. Позвольте представиться. Александр Мейзель. Но «Александр» - это слишком длинно, поэтому все зовут меня просто Алекс.

«Ну, надо же! Значит, все-таки, наполовину хотя бы – маймон, а похож... Да, знаю, на кого: на русского. Странно...».

- А я - И... – чуть не ляпнув по привычке «Иветта Сильвер», но вовремя прикусив язык, она испуганно поправилась: – Доктор Сарра Райт.

Молодой человек – неиспорченный, Иветта это сразу почувствовала – видно, принадлежал к той породе людей, которая особенно нравилась ей: тех, кто, не кривя душой, говорит то, что думает.

- Ну, так мы будем дружить с вами, Сарра, – просто и радостно сказал он.

В ту ночь Иветта Сильвер впервые взялась вести личный дневник.

Глава 6

Дневник Иветты Сильвер

29.08.35

Кажется, я нашла спасение. Господи, какая я была дура, что не вела дневника раньше - всю свою жизнь! Насколько легче разобраться в проблеме, последовательно разложив ее по полкам и имея целиком перед глазами! Я, конечно, понимаю, насколько рискованно вести дневник здесь, за Белыми Стенами, но успокаивает одно: до тех пор, пока они меня не раскусят – вряд ли станут обыскивать мою комнату, ну, а если раскусят – то уже не будет иметь значения, найдут дневник, или нет. Только, если Силли... Но Силли глуповата, а дневник лежит среди бумаг, которые она панически боится хотя бы сдвинуть с места – ей кажется, что там страшно высокая наука... Я так спокойно пишу об этом, а между тем, любое подозрение – уже означает дознание, может, даже пытки, а в заключение – неизбежную смерть. Но мне приходится прививать себе известную долю пофигизма, поступать согласно тому русскому смешному слову, которому научили меня мои друзья – «авось». Кажется, так оно звучит. Мне, конечно, придется воздержаться в

этом дневнике от прописывания имен – но даже вот пишу о тех людях – и легче на душе, и совсем не вспоминается то, что было в поезде... Да я и не буду вспоминать – все равно ничего не изменить.

Еще сегодня утром мне думалось, что я беспросветно одинока и отгорожена от всех и навсегда. Я с такой предвзятостью заранее относилась к тем людям, которых могу встретить здесь, что даже мысль о том, что я обрету здесь друга, не приходила мне в голову. А сегодня уже пробита брешь. Этот молодой человек, сын директора, встреченный мной в конференц-зале. Александр, Алекс. Уж, казалось бы, что общего на уровне души – могло бы найтись у меня с отродьем двух зверей – Хряка (как я с первого взгляда обозвала директора) и Снежной королевы (как я с первого взгляда обозвала его жену). Снежная Королева хоть и не зверь, но и не человек: сердце изо льда. А вот их сын вовсе не производит такого впечатления – весь такой славный, открытый... «Будем дружить», – сказал он сразу, да так, что я поверила...

Стоп! Что это я, идиотка, тут расписалась! Я, кажется, уже забыла, чей он сын, и готова записать его в друзья. Что ж, в друзья Сарры Райт – пожалуй. А вот у Иветты Сильвер нет, и не может быть тут друзей. Просто потому, что нет никакой Иветты Сильвер, и следует поскорей о ней забыть... Надо же! И тон у меня какой-то бодробравурный, а ситуация... Нет, не сегодня. Сегодня в первый раз за много дней у меня неожиданно хорошее настроение. Кошка падает на четыре лапы. Где я слыхала такое выражение? И правда, если бегло перелистать мою жизнь назад, то можно убедиться, что мне приходилось вот так, по-кошачьи, приземляться не раз. И что же – я живу не хуже других и ко всему, как сейчас, быстро приспосабливаюсь. Мне вдруг пришло в голову, что не всякая женщина и после того, давнего, не оправилась бы. Я тоже не совсем пришла в себя, но ведь и не сломалась же, не стала получеловеком! Что это – похоже, что у меня сильный характер?

Перечитала сегодняшнюю запись и поняла: слог неплохой, изложение мыслей свободное. Это от мамы-журналистки. Как все же постепенно проявляются в нас наши родители! Итак, я втравилась в это страшное дело, впряглась в эту фантастическую упряжь – так что делать, надо жить и бежать вперед.

30.08.35

Вчера эта женщина – та, что Снежная Королева – произвела на меня просто впечатление недоступности и равнодушного бессердечия. Сегодня знаю, что если и буду кого-то здесь ненавидеть не как врага человечества, а лично – так это ее. Недавно она проводила конференцию медперсонала в клинике, коротко переговорила с каждым. И – что уж скрывать от самой себя! – я ее не только возненавидела, но и еще... панически испугалась! Такие люди в той жизни, за Стенами, были мне отвратительны, только имелась возможность сторониться их, избегать общения. Но мне ни разу не «посчастливилось» иметь такого начальника – преподавателя, скажем или главврача.

Словом, я ни в чем от таких людей не зависела. А здесь...

Кэтрин Мейзель относится к тем людям, которые ни при каких обстоятельствах не выходят из себя, не повышают голоса. Кому-то, может, и покажется, что это достойная черта, и, скорей всего, так оно и есть, если человек доброжелателен и искренен. Но я считаю, что человеческие проявления раздражительности, разочарования, озабоченности и тому подобное – должны также иметь место. Конечно, явная нервозность и крикливость противны, но проявлять эмоции, не переливая их через край – естественно для человека.

Катрин не проявляет ничего, никогда. Ее лицо – лицо идеальной статуи, по которому нельзя читать. Нет, я понимаю – она замужем, значит, была же у нее когда-то пора нежности, любви – должно же было это отражаться на ее лице! Потом, она – мать, стало быть, мучилась родами, улыбалась над спящим ребенком, мечтала, каким он будет, когда вырастет... В конце концов – у нее есть муж, пусть и омерзительный, но нашла же она в

нем что-то, раз вышла за него! А раз так – то каждый вечер они ложатся в одну постель – и кто знает, что там делают! Тем не менее, глядя на ее гладкое лицо, невозможно и на секунду представить, что на нем вообще может появиться улыбка...

И кабы только это! Самое главное и странное – голос, манеры. Когда она обратилась ко мне («Потрудитесь объяснить, д-р Райот, имеете ли вы намерение писать здесь какой-либо научный труд», – вот, уж что мне и в голову не приходило!), я почти потеряла дар речи, а ноги стали ватными. Мне и раньше приходилось встречать высокомерных надутых людей – но в Катрин это не нарочитое высокомерие! Ей действительно глубоко и искренне наплевать на весь мир. И даже более того – она перешагнула бы труп родной матери, если бы он мешал ей на пути в сортир. И – видит Бог! – я не преувеличиваю! Женщина эта – что-то неслыханное. О, она никогда не произнесет грубого слова – она просто убьет своими руками человека, не меня выражения лица. Голос ее тих и холоден, речь – безукоризненна, а тон таков, что даже мысль об ослушании не зародится в голове. Ужасно и противоестественно в ней еще то, что один край рта у нее иногда дьявольски приподнимается, образуя кривую усмешку, и тогда она говорит какую-нибудь... шутку. Очень приличную внешне, но глубоко извращенную и циничную по существу. «Желающих прошу записать мои инструкции», – произносит она, будто всерьез предполагает, что кто-то может не выхватить торопливо блокнот и не начать строчить. «Поторопитесь», – с непередаваемым издевательством и той же ухмылкой бросила она чуть опаздавшему на конференцию доктору (наверняка с ученой степенью и лет на пятнадцать старше ее). В ней чувствуется непреклонная, всепожирающая, презрительная и какая-то мимоходная, что ли, беспощадность. Чуть позже я заметила, что даже ледяной взгляд ее только кажется безразличным, а на самом деле быстро подмечает каждую мелочь, любое незначительное движение...

Пишу – и мороз по коже. И стараюсь не думать, что с этой женщиной мне работать бок о бок может, до смерти...

Вечером

Немного отлегло от сердца... Часов в пять в мой номер неожиданно зашел Алекс. Ну, что за странный человек! Он опять заговорил со мной так, словно мы дружили с детства. И совершенно не ощущается наша довольно приличная разница в возрасте – я ведь лет на семь его старше.

- Привет! - сказал он, останавливаясь в дверях в раскованной позе, которую, однако, никак нельзя было назвать развязной: в нем присутствует внутреннее, столь любимое мной чувство меры и гармонии. – Не надоело вам здесь сидеть в гордом одиночестве? Давайте-ка спустимся вниз, я проведу для вас экскурсию по нашему гадюшнику... м-м... то есть, крепости... Э-э, да что это вы такая скучная, Сарра?

Я не могла ему ответить, что весь день как раз предавалась размышлениям о его ужасной матери и, кроме того имя Сарра заставляет меня вздрагивать. Поэтому я отделалась традиционным:

- Голова что-то побаливает...

Он как будто обрадовался:

- Голова болит – выпить надо.

«На что это все очень похоже?» – опять мелькнуло у меня.

- Где будем пить - у вас, у меня, или пойдем куда?

Я растерянно пожала плечами, а он уже безо всяких церемоний тащил меня за руку к выходу, приговаривая: «Нечего тут торчать, а то закиснете... Давайте, не унывайте, приспособляйтесь к обстоятельствам...».

Мы ехали в лифте, он оживленно болтал, а я с удовольствием на него смотрела и благодарила Бога за то, что Он послал мне поддержку в такие трудные дни. Опомнилась я только в ресторанчике, и только тогда, когда уже подали закуску.

- Нет, так не годится! – воскликнул Алекс, глядя на меня. – Вы все молчите и молчите. Вы уж давайте, откровенно признавайтесь – вам, наверное, противна моя навязчивость? Или я вам просто не нравлюсь? Говорите-говорите, я терпеть не могу быть людям в тягость.

- Нет, нравиться, – искренне ответила я, перепугавшись, что своей отчужденностью оттолкну его и опять останусь совсем одна.

- Так я и думал, – облегченно вздохнул он. – У вас теперь, наверное, и правда, голова болит. Я ведь вчера, как вас в конференц-зале увидел, так и подумал: «Вот кто будет мне другом. Среди всего этого кошмара». Хотите – верьте, хотите – нет.

И тут во мне что-то рванулось. Это была надежда, радостное сомнение и еще целая гамма чувств.

- Что вы называете кошмаром? – замирая, осторожно спросила я.

Он махнул рукой:

- Не притворяйтесь. Я только что по вашему лицу понял, что вы обрадовались, когда я сказал «кошмар». Только кретин может считать, что из этого всего выйдет что-то стоящее. Вы ведь согласились похоронить себя здесь заживо только потому, что вам платят за это целое состояние, так? И, кроме того, вы надеетесь, что скоро вся эта блажь благополучно рухнет, и вы уедете домой с кругленькой суммой в кармане, верно?

«Осторожно! – крикнул мне мой внутренний голос, а может, это мой Ангел-Хранитель отчаянно предупреждал меня. – Вполне возможно, что его подослала его прозорливая мамаша!».

Наверное, смятение отразилось на моем лице, потому что Алекс рассмеялся:

- Это вы правильно! Нельзя откровенничать с первым встречным. Вдруг это моя маман велела мне вас проверить? Что, вы именно об этом подумали? Кстати, как вам эта крокодилица?

Я поняла, что он меня обезоружил. И, будь я действительно Саррой Райт, а не Иветтой, то я бы, наверное, сдалась на милость победителя. Но Иветта, про которую Алекс ничего не знал, напустила на себя ханжеский вид:

- Как можно так о матери, Алекс!

- Ага! – он схватил меня за руку. – Попались! Значит, сами вы думаете так же, но вас, видите ли, шокирует, что это говорит ее сын!

Он откровенно смеялся, я, кажется, тоже не удержалась. При этом я лихорадочно соображала, как отвести опасный разговор в сторону. Наконец, я вымучила:

- А вы-то сами здесь чем занимаетесь?

Алекс продолжал сиять:

- Нет, вы мне, положительно, все больше и больше нравиться! Известно же – чтобы человек расслабился, нужно заставить его говорить о нем самом. И тогда он забудет, что собирался выведать у вас. Но я вас разочарую: мне абсолютно нечего о себе рассказывать. Я, видите ли, в этом году закончил Университет. Специальность – антика. Стал было искать, куда кости кинуть, а тут этот эксперимент, с позволения сказать. Филологу, как вы сами понимаете, здесь делать нечего, разве что, когда эти убудки, которых должны привезти, подрастут, преподавать им античную литературу и латынь. Только я сомневаюсь, что они подрастут: с этим воспитанием «шиворот-навыворот» они раньше друг друга перережут. Так вот, я кантуюсь пока при папе с мамой и намереваюсь писать книгу об обеих «Метаморфозах» – Овидия и Апулея, если помните... Вот напишу здесь, в покое, книгу, а там можно будет и подумать, куда дальше. Так что, Сарра, все равно придется говорить о вас.

Восхищение им росло во мне в арифметической прогрессии, кроме того, при всей его импульсивности, от него веяло надежностью и внутренним спокойствием. Но я решила, что не сдамся до конца.

- А об отце своем вы такого же мнения, как о матери? – спросила я.

- Э-э, да вы совсем не такая простая, – протянул он. – Ловите момент, чтобы ухватить сведения из первых рук... Хорошо, давайте расставим точки над "i". Он – сволоочь, хам и карьерист, считающий себя гением и правой рукой аж Самого... И не делайте назидательного лица, мол, хорошие мальчики так не говорят о своих папах. Потому что никакой он мне не папа, по-настоящему. И – хотите, я открою вам страшную тайну? – Алекс сделал большие глаза. – Хотите? Так вот, мне здесь ровно на все наплевать, поэтому я скажу вам. Я – русский. Чистокровный русский, честное слово...

И все разом стало на свои места. Я поняла, на что все так похоже, почему он так симпатичен мне – потому, что как любой, принявший иудейскую веру, становится евреем, так и любой православный – будь он хоть негр – немедленно начинает тяготеть к России. А я – как раз православная, моя мама была замужем за русским, единственные мои настоящие друзья в жизни были русскими – так вот, оказывается, откуда наше с Алексом взаимное притяжение! Такая огромная радость накатила на меня, что восторг мой передался и Алексу. Он еще доверчивее заулыбался.

- Так значит, Кэтрин... То есть, я хочу сказать – д-р Мей-зель... – начала я.

- Да какая она, ко всем чертям, Кэтрин! – перебил Алекс. – Она – Катерина, самая настоящая Катерина, из Петербурга. Там она и вышла замуж за моего отца, там и я родился, да только что-то у них не сложилось, они развелись, а потом она встретила этого... борова. Уж что она в нем нашла – то мне неизвестно, да только бежала она с ним в Америку, и меня, шестилетнего, прихватила, вот и все. А он в гору пошел, ну, и она за ним, понятно... Знаете, и чем больше она прививала мне ненависть к отцу, тем больше я понимал, что он очень даже хороший человек...

- И он жив? – спросила я.

В первый раз Алекс погрузился и покачал головой:

- Откуда мне знать? Должно быть... Он всего на несколько лет старше мамы. Она не поддерживала с ним никаких контактов, а я последний раз его видел, когда мне было лет шесть. Я его очень смутно помню, но у меня есть фотография – мать о ней так ничего и не знает, не то давно отняла бы. Мне хватило ума ее хорошо все эти годы припрятывать. Как-то мы с папой, незадолго до Америки, гуляли по Петербургу, и на Невском уличный фотограф сделал нам моментальный снимок. Я вам покажу как-нибудь...

Вот таким был сегодняшний день. Он принес мне некоторое облегчение и тысячи вопросов... Не притворяется ли он по приказу родителей? Не подозревают ли они что-нибудь? А может, меня уже раскусили и пытаются что-то вытянуть? А если нет, то можно будет со временем... превратить его в союзника, ведь он свободнее всех здесь, он не сотрудник, его отсюда выпустят, когда он захочет. Тогда – связаться со своими?... Ведь сын директора эксперимента – вне подозрений!

Опять стоп! Куда меня понесло! Господи, помоги, я уже так... обольстилась... Как мне научиться быть поосторожнее?! Уж скорей бы привезли этих несчастных детей.

31.08.35

Час от часу не легче. Мы с Алексом сегодня бездельничали за бутылкой в его номере – кстати, точной копией моего. Он все пристально смотрел на меня и вдруг сказал:

- А ведь вы совсем не похожи на маймонку, Сарра, – ничего лучше, чтобы я испугалась до икоты, он придумать не мог.

Я похолодела и стала преувеличенно тщательно смешивать коктейль, но по спине бегали мурашки, а сердце упало: «Точно, меня уже разоблачили, а теперь играют, как кот с мышью».

- Ну, не обижайтесь, – примирительно произнес Алекс. – Я ведь знаю, что маймоны теперь страшно гордятся своим происхождением. Прошли те времена, когда вас ото всюду вашей гнали, а могли и голову снять.

«Нет, – облегченно подумала я. – Он просто говорит, что думает».

...Да, я действительно не похожа, этого еще не хватало! Хотя у меня и у Сарры одинаковое описание – при всем этом она ярко выраженная маймонка. Пусть и светлая, пусть и зеленоглазая. Они бывают разными, но любой сколько-нибудь наметанный глаз всегда отличит – да или нет. Так про иного черноволосого и черноглазого ни за что не скажешь – маймон, а про такого, как Сарра... Все их лица как-то по-особому отмечены – печатью вырождения, что ли... Ведь нельзя же, сорок веков ни с кем не смешиваясь, сохранить генетическое здоровье. Ага, избивали их, как же... Конечно, если они везде, где бы ни оказались, относились ко всем остальным, как к скотам. Обман и предательство стало нормой их жизни – как было не лопнуть терпению у людей! Мученики, тоже... Ведь не знает же история ни одного народа, который ненавидели бы буквально все... Дурак ты, Алекс, если этого не видишь! А я перед тобой, русским и от того мне в чем-то родным должна с отвращением корчить маймонку... Ох, и положение. И я решилась:

- Да, я маймонка, но знаете, Алекс, можете мне не верить, но я русских – люблю. И Россия мне нравится.

Он так и подскочил:

- Русских любите! Россия нравится! А я-то, дурак, думал, что вы все другие народы просто терпите, а русских – так и вовсе ненавидите. Вот это да! Слышала бы вас вся эта мразь. Они бы вас в два счета отсюда выперли! Но я ничего им не скажу, – пообещал он. – Во-первых, мне нет дела до всей этой глупой затеи, я сам по себе, а во-вторых – вы мне нравитесь.

- А почему, по-вашему, маймоны, – у меня не повернулся язык сказать «мы», – должны ненавидеть именно русских? – невинно поинтересовалась я.

- Да вы что, с Луны свалились, Сарра?! – чуть ли не крикнул он. – Вот ведь, кругом одни маймоны всю жизнь вертятся, но чтоб такая... – Да Россия же у вас поперек горла! Все уже чуть не двести лет с вами смирились, а она – нет! А теперь русский царь вас вообще за пределы государства попер. И еще потому, что религия русская – Православие, если знаете, – («Еще бы мне не знать») – единственный настоящий противник вашей. Остальные, опять же, с вами мирно соседствуют. Не вы ли вели в России в конце прошлого и начале этого века в России целый поход против Православия?! Не вы ли ее ну просто наводнили вашими псевдохристами – и все с одной целью: отвратить сердца русских от Православия в пользу покорных вам религий? И предлог удобный не вы ли нашли? Якобы, хотели прекратить вражду конфессий! А на самом деле хотели только ослабить Православие и тем подчинить людей себе! И не вы ли, когда там пал коммунистический режим, посадили туда свое оккупационное правительство, которое продавало вам державу за гроши и по кускам?! Ведь расчлененный и ограбленный враг – не враг, не так ли? И удалось бы вам тогда – фиг бы там сейчас была монархия и национальное государство – вы бы Россию, простите, растащили, сделав части ее – частями вашего марионеточного мира, объединенного под властью г-на Боруха! Теперь Россия – ваше единственное препятствие, а вы мне говорите что-то о вашей к ней любви!

Должна сказать, что я выслушала все это ошалело, а потом попыталась быстро сообразить, чтобы ответила на это Сарра Райт. Что я могла сказать от имени маймонов, я – полушвейцарка, полудорландка? И я придумала нечто нейтральное:

- Почему вы говорите «вы», то есть, «мы»? Я говорю – «я». И говорю только за себя, а не за всех. И, представьте, вовсе не боюсь, что вы помчитесь доносить.

- Я, конечно, не помчусь, – спокойнее ответил он, – это вы могли бы помчаться: ведь я вам тут такой крамолы наболтал. Но и вы не помчитесь: что-то мне подсказывает, что это так.

- Откуда у вас все эти мысли? – спросила я.

- Откуда-откуда... Откуда браться мыслям... Из головы, конечно, не из задницы же! – ответил Алекс и спохватился: – Ой, извините, я, кажется, напился...

Раз он напился, я решила выкачать из него побольше.

- А вы, часом, не... православный? – поинтересовалась я в лоб.

Он пожал плечами:

- В России крещен был, конечно, в Православие. Отец меня крестил. И даже в церковь водил – мне там Причастие давали. Как сейчас помню – сладкое такое. Ну, а потом... Отчим – правоверный маймон, пытался и меня приучить, да так рьяно, что только оттолкнул. Но, честно скажу – вы ведь не стукачка, я вижу, стукачи такими не бывают – честно скажу: православие мне больше других религий нравится. Своей принципиальностью. И тем, что одно оно не отошло от апостольского учения. Вы не знаете, что это такое, да ладно... – («Конечно, куда уж мне».) – Извините, я тут развязал язык... Давайте поговорим о другом. Ну вот, скажите мне, например, это у вас натуральный цвет волос, или вы их красите? – и в его глаза опять вернулась врожденная добродушная лукавость...

Вот так, г-жа Райт, то есть, Сильвер. Думайте, что хотите. А лучше – вообще не думайте – примите таблетку и ложитесь спать.

02.09.35

Вчера привезли детей, и я их по одному осматривала. Обстоятельство, которого мои друзья за стенами как-то не учли: при мне неотступно находится медсестра. Здесь вообще во всех подразделениях работают попарно – вероятно, для негласного взаимного контроля. Два наставника для детей, четыре няньки, сменяющиеся по две. Детям пока преподают два языка – английский (впрочем, за то время, что их готовили к эксперименту, все три носителя других языков – русские Василий с Дмитрием и армянка Ашхен уже вполне прилично болтают по-нашему) и французский – язык международного масонства – как объяснили мне когда-то друзья. Я так поняла, что на каждом уроке, кроме учителя, присутствует еще и наставница. Еще их пока будут учить «хорошим манерам» – кто бы знал, что это такое! – и, главное, межличностному общению – вот то семя зла, которое уже завтра в них посадят... Но главная забота о «воспитании» ляжет, конечно, на наставников – один Бог знает, какую школу они прошли, эти наставники! Во всяком случае, глаза их фанатично блестят, речь неумеренно восторженна, а когда разговор заходит о Владыке Борухе – это уже его неофициальный титул – то из их ртов начинают вырываться судорожные междометия, предназначенные, очевидно, выразить крайнюю степень преклонения и обожания.

«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Все, что касается Боруха, окружено у нас истерическим обожествлением. На официальных конференциях его вскользь упомянутое имя вызывает мгновенные аплодисменты. Что делать – вяло хлопаю и я, и тогда ловлю на себе насмешливый взгляд Алекса – любопытства ради он обычно присутствует на всех этих сборищах.

Истерика вокруг Менелаха напоминает мне рассказы Друзей – теперь буду писать это слово с большой буквы – о том, что творилось сто лет назад в России вокруг имени их тогдашнего вождя – Сталина. Примерно то же самое. Сто лет назад этим дружно «возмущался» весь мир, а вот, извольте, забыли и сами так же себя ведут, придурки. Все эти люди производят на меня впечатление загипнотизированных. И представляю себе, как на их фоне выделяюсь я – если руководители здесь не полные идиоты (а они умные: Кэтрин Мейзель), то скоро им захочется повнимательней ко мне присмотреться... И тогда...

Но вернусь к детям.

Первой привели ко мне Шейлу. Она сразу показалась мне человеком с очень тонкой, сложной и хрупкой организацией нервной системы и психики – ясно, что при благоприятных условиях выросла бы личность яркая, способная, и даже, я бы сказала, мистически прозорливая. И очень, очень любящая. Я почувствовала ее потрясающую восприимчивость с первого взгляда. Поставив ее перед светом, я взяла ее за обе ручки и,

постаравшись вложить в свой взгляд всю нежность и тревогу, наполнившие меня, посмотрела ей в глаза и сказала:

- Ну, здравствуй, Шейла.

- Здравствуйте, тетя, – ответила девочка застенчиво («Надо говорить "доктор!"» – заскрежетало из угла), но в ее больших светлых глазенках тотчас появилось вопросительное и недоверчиво-радостное выражение. Мало видел ласки этот ребенок за тот год, что от него отняли маму. Девочка ее умом забыла по малолетству, но сердце не забудет мать никогда и, может быть, мои слова заставили дрогнуть ее сердечко смутным воспоминанием...

И собой Шейла просто чудо, как хороша – светлые большие глаза, умный чистый лоб, каштановые кудри, сплошной массой ниспадающие на плечи...

Шейла

Все знакомые справедливо считали Софи матерью-фанатичкой. Достаточно сказать, что, даже оставив Шейлу спящей в соседней комнате, Софи каждую минуту мучительно напрягалась, прислушиваясь: не пискнет ли? И если Шейле действительно случилось издать какой-то звук, ее сумасшедшая мать немедленно бросала любое свое занятие и опрометью кидалась к ребенку. Легкое расстройство желудка у девочки мгновенно выросло в озабоченном, мнительном мозгу Софи до размеров грозной беды; при любой крошечной царапине на нежном детском пальчике перед Софи вставал сверкающий призрак операционной, а когда однажды Шейла простудилась и кашляла, безутешная мать на коленях молилась перед домашней иконой о спасении ее дорогого ребенка от плеврита. Пока дочка была грудной, Софи не спускала ее с рук, приспособив для этого специальную привязную сумку «кенгуру» – и только на ночь укладывала девочку в кроватку. Благодаря всему этому, между матерью и ребенком установилась более глубокая, чем у обычно у родителей с детьми, связь. Если случалось Софи куда-то отлучиться из дому, она, к изумлению окружающих (но сама принимая это как нечто естественное), могла безошибочно определить в любой момент, что в это время делает Шейла. Муж Софи погиб в армии за месяц до рождения дочери – несчастный случай на учениях – и подсознательно это облегчило эмоциональную жизнь Софи. От рождения она была устроена так, что весь огонь души могла отдавать только одному живому существу. Софи воспитывалась в детском приюте за городом, росла дичком, и только однажды была в детстве тайно привязана к человеку – своей воспитательнице, г-же Натали. Эта любовь научила ее страдать молча: Натали относилась к ней не хуже и не лучше, чем к другим детям, а выделяла и втихомолку баловала какого-то младшего мальчика – Софи смутно помнила. Потом Натали исчезла.

Росла Софи, росла вместе с ней и ее любовь – уже ни на кого не направленная, и вскоре стала такой же огромной, как воздушный шар, виденный как-то на детском празднике, и тяжелой, будто рок. Любовь ее исподволь выбирала жертву, на которую должна была вскорости обрушиться. И подвернулся мальчик двумя годами старше, бросил Софи лениво два-три ласковых слова и не подозревал, бедный, какую лавину чувств он привел этим в движение. Год спустя шестнадцатилетняя Софи ждала ребенка, а ее свежеиспеченный муж буквально бежал от ее зоркой и хищной любви в армию. Знал бы он, что благодаря одержимой девочке-жене, которую он уже буквально проклял за липучесть и неумность, он уйдет в восемнадцать лет с земли, не прервав своего рода. Смерть мужа не исцелила Софи от ее природной болезни – любви, лишь с рождением ребенка перенесла ее на другой объект. Софи познала ослепительное счастье: ей было, кому отдавать себя без остатка и, кроме того, в отличие от предыдущих своих любовей, на этот раз она видела плоды: такую же странно-большую в малом тельце дочки ответную любовь к себе.

Но запасы любви в душе Софи все равно казались настолько огромными, что даже любовь к дочери, при всей ее удивительности, все равно была лишь частью внутри большого целого. Не имея просто физической возможности истово служить еще одному человеку, Софи нашла простой выход: она решила любить Родину. Всю, какой эта Родина была, и, заодно, всех людей, в ней живущих. Понять, что для ее народа лучше, что – хуже, Софи по молодости лет, еще не могла, но далекими закоулками души интуитивно чувствовала, что хорошим не может быть то, чему официально полагается считаться таковым. Тем же инстинктом она искала то меньшинство в своем народе, которое знает, что хорошо для любимой ею страны, искала в стране Дорланде могучее, знающее правду меньшинство, чтобы примкнуть (а по ее характеру – скорее прильнуть) к нему. И жизнь безошибочно свела ее с тем, что ей было нужно: ей подыскали работу секретарем президента патриотического культурно-просветительного союза «Дорланда». Собственно, работа ее не требовала интеллектуальных усилий. Сиди себе у телефона, тыкай пальцами в клавиши компьютера, да перекладывай на столе бумажки. Но Софи и этим гордилась – как своей сопричастностью к чему-то большому, направленному на любовь.

Официально союз занимался распространением и внедрением в народ национальной дорландской культуры: он имел ансамбль фольклора, издательство и газету, арендовал небольшой выставочный зал и делал упор на то, что в собственной стране следует пропагандировать собственную культуру, а культуры инородческие сами найдут способы себя разрекламировать. Но очень скоро Софи стала подозревать – или просто чувствовать – что деятельность союза имеет еще какую-то тайную сторону. «И правда, - рассуждала она. – За что так нападает официальная пресса на нашу маленькую газету? Почему некоторые брошюры, изданные нами, за один день точно ветром сметаются с прилавков? Почему постоянно любое начинание «Дорланды» сталкивается с самыми нелепыми преградами – то случится пожар на только что открытой выставке, то вдруг в последний момент сорвется выгодный контракт у ансамбля?». Вопросы возникали каждый день. То в офис вдруг приезжали какие-то толстые, похожие на зажавшихся жаб, получеловеки и запирались с президентом. После их ухода на нем всегда, что называется, лица не было, и он, смущаясь, иногда просил у Софи успокоительную таблетку. То улавливала Софи странные слова в разговорах сотрудников. «Оккупационный режим»... «Национально-освободительное движение»... Разве на их маленькую страну кто-то нападал? Не было такого... Но почему же тогда у нее, Софи, все время возникает странное ощущение, что она каким-то образом попала на передний край войны, ощущение, что у нее порой выходит из-под ног почва?

Софи искала возможность расспросить об этом своего приветливого президента, но не могла решиться. Но однажды с утра опять приехал незнакомый высокомерный человек и заперся с ее начальником. Дверь долго не открывали, и Софи затосковала в своей приемной, сочувствуя президенту и догадываясь, что ему там, за дверью, несладко приходится. Вся дрожа, она прямо, как стрела, сидела за своим столом, крепко сжав переплетенные пальцы и не отводя от двери растревоженного взгляда. Тут дверь распахнулась, и из кабинета вылетел неприятный гость. Лицо его, казалось, перекосило от ненависти, ей послышалось даже тихое утробное урчание. Взгляд его остановился на застывшей от страха Софи. Человек обернулся и рывкнул в глубину кабинета:

- И еще малолетних развращаешь! Сволочь фашистская! – и вылетел из приемной.

В дверях своего кабинета показался шеф. Софи опомнилась и, не дожидаясь просьбы, полезла в ящик стола за таблетками. Но шеф усмехнулся:

- Сама прими. Сдрейфила ведь? Оно и понятно: такой псих кого хочешь, испугает... - помолчал и добавил: – Да не бойсь, прорвемся!

Софи нерешительно улыбнулась и, увидав ответную поощрительную улыбку, робко спросила:

- Господин президент, а кто это? И почему он смеет называть вас фашистом?

Президент союза «Дорланда» исподлобья оценивающе глянул на Софи. Несколько секунд он как будто колебался, но потом задумчиво ответил:

- Видишь ли... Фашистов, известно, все ненавидят... Таким и надо... Но кое-кому очень выгодно нас – патриотов – с фашистами спутать. Чтобы и нас тоже ненавидели. А это – из цензуры мерзавец один. Этот-то ничего не путает... Значит, гад, что делает... – но тут он прервал сам себя и закончил шутливо: – Ладно не буду развращать малолетних. Но тебе не вредно иногда и самой вспомнить, зачем мозги человеку даны...

Софи быстро подумала: Шейла. С двух лет она оставляла ее со старушкой-соседкой, от одиночества согласившейся за малую плату присматривать за ребенком. Сердце Софи сжалось, но что-то в душе пересилило, и она решилась:

- Тут, среди бумажек, не многое поймешь, г-н президент. Вот, вы ездите по стране, со всеми встречаетесь – как вы там без секретаря? Взяли бы меня с собой... И вам удобно, и мне для моего... поумнения...

Шеф еще раз с сомнением посмотрел и – махнул рукой.

- А-а, была не была! Не все красивой такой девке в четырех стенах сидеть! Вот, для начала, намечается у меня небольшая эскапада по провинциям. Так готовь блокнот, со мной поедешь, стенографировать будешь...

Поездка Софи по провинциям закончилась так: в первом же небольшом городке, где они остановились на ночь в гостинице, в полночь ее охватило непреодолимое беспокойство. Это смутное чувство к двум часам пополуночи переросло в страшную уверенность: что-то случилось с Шейлой. Поняв это, Софи не могла больше рассуждать. Она бросила все, что у нее было, налегке выскочила из своего номера, промчалась по коридорам и вскоре уже была на улице незнакомого города. Там она истерическим шепотом сообщила сонному таксисту, что «речь идет о жизни ее дочери» и приказала гнать в Квин-Сити так быстро, как возможно. Через два часа, заплатив за проезд сумму, примерно равную ее недельному жалованью, она уже бешено звонила в дверь своей квартиры, чтобы через минуту узнать: да, правда, к ночи у Шейлы поднялась температура – тридцать семь и один – и сопельки чуть-чуть потекли...

Через два дня вернувшийся из своей «эскапады» президент союза привез Софи чемодан, куда заботливо уложил собранное в ее номере барахлишко – все, вплоть до гигиенических пакетов.

Софи и глаз на него поднять не смела – даже объясняться не решилась, чуть не заболела от смущения... В конце рабочего дня шеф нашел ее плачущей, иронически пожалел, и Софи взмолилась сквозь рыдания:

- Ну, пожалуйста, не ставьте на мне крест! Ну, поручите мне еще что-нибудь! Я, честное слово...

Он видел, что нужно как-то утешить расстроенного ребенка, и тут вспомнил: из типографии звонили, там готовы сигнальные экземпляры брошюры... как ее там – «Больной вопрос»... Никому не захочется специально туда тащиться – через пару дней все равно ехать за тиражом газеты... А ему не терпится посмотреть, как вышло переиздание...

И президент, хлопнув себя по колену, сделал строгое лицо:

- Вот что. Я тебе серьезное дело поручу – только перестань реветь. Завтра перед работой заедешь в типографию, где наша газета печатается. Придешь прямо к директору, скажешь, что за «сигналами». Он тебе даст шесть книжек – их мне и принесешь. Но только запомни, что эти книжки... – тут он постарался придать своему лицу еще большую таинственность, – эти книжки -зап-ре-щен-ны-е, поняла? И потому никто не должен видеть, а уж тем более, знать, откуда и куда ты их несешь. Ясно?

И, увидав, как восторженно вспыхнули девичьи глаза, услышав ее чуть ли не заговорщицкое «ясно», он довольно отвернулся, мимоходом подумав про себя: «Эх, пропал во мне великий педагог...».

...В приподнятом настроении, почти в эйфории, Софи скорым шагом шла к автобусной остановке. Она сама себе казалась гораздо более значительным, чем вчера,

человеком, которому доверили важную и страшную тайну. «Это же конспирация! – пело в ней. – Я прямо как настоящая оппозиционерка! Нужно будет прочитать книжку-то... И надо же – такая респектабельная на вид типография – а вот, оказывается, что тайком печатает... Никто никогда и не подумает, а я – знаю, знаю, знаю!». Ей казалось, что с этого утра она гораздо больше знает о жизни – в частности, что жизнь может быть такой нужной другим, и не просто другим, а целому, пусть маленькому, но – народу. И при этом она обретает такую увлекательность! Софи оставалось завернуть за угол и пересечь, для сокращения пути, площадь Ратуши, а уж за ней сесть в автобус. Неожиданно впереди, явно с площади, донесся женский голос, многократно усиленный микрофоном.

«Опять какое-то собрание», – решила Софи и ускорила шаг.

На площади собралась тысячная толпа. Прямо в центре, на огромном постаменте от бывшего памятника, возвышалась черноволосая женщина, казавшаяся здесь как нельзя к месту. За несколько лет до рождения Софи на постаменте красовалась неудачная статуя последнего короля. Послереволюционный диктатор Рубин, придя к власти, велел накинуть на шею каменного монарха петлю и низвергнуть его на площадь – специально с таким расчетом, чтобы Квин-Сити содрогнулся от грохота. На освободившееся место водрузили его собственное изображение – с одной рукой, заложенной под прямым углом за спину, а другой, сжатой в грозный и явно преувеличенный кулачище – воздетой к небесам. Эту статую Софи помнила прекрасно: в детстве она ее боялась. Потом, после безвременной смерти вождя (обожрался сосисками и умер), последовала неожиданная либерализация, Рубина несмело покритиковала, а статую его постигла та же участь, что и предыдущую. Только сделали это ночью и потихоньку: был Рубин – и нет Рубина. На постамент решено было поставить композицию под названием «Республика». Это дикое сооружение действительно взгромодили, но на «Республику» стали регулярно обрушиваться несчастья. То голуби облюбовали для оправки ее самые интимные места, (а голубей было много), то смелый шутник ночью отбил ее гордый нос, а однажды и вовсе совершили грубое надругательство: написали яркой масляной краской самое нецензурное слово поперек ее широкой задницы. Фотография поруганной «Республики» сияла на первых страницах всех оппозиционных газет, и после такого позора держать дальше осмеянную святыню в центре города не представлялось возможным. Архитекторам объявили конкурс – кто придумает, чем заполнить проклятое место, а несокрушимый постамент все продолжал нагло возвышаться посреди площади, безобразя фотографии туристов, потому что напоминал эшафот. Одно полезное использование нашли многострадальному постаменту: он часто служил удобной трибуной для всевозможных уличных собраний и даже – сольных концертов. А фигура женщины, которая стояла теперь на нем, обхватив себя руками, просветленно глядя поверх толпы, была словно создана для того чтобы высечь ее из мрамора: длинные складки диковинной одежды, легонько колеблемые ветром, твердое и вместе с тем доброе выражение лица...

Софи невольно приблизилась, потому что и голос женщины манил:

- Он пришел к нам, люди! – раздавалось над притихшей толпой. – Он пришел к нам живой! Мы – его современники! Возрадуемся и возблагодарим его! Пошел антихрист по земле, тысячи и тысячи пали от его руки в смертоносных войнах. Но недаром сказано было нам в Откровении: «Если бы Господь не сократил те дни, то не спаслась бы никакая плоть!» И вот – те дни кончаются: вот уже почти прекратились войны, только одна дремучая Россия все еще огрызается новый просветленный мир – но и она прозреет, потому что грядет, грядет на Землю Золотой век...

Софи подобралась уже совсем близко. Стоя почти у постамента, она интуитивно отметила про себя, что врут с очень похожим выражением лица, но все же чуть-чуть с другим. В приюте ей и остальным детям постоянно приходилось врать, так что она на этом собаку съела. А такое лицо, как у этой женщины, бывает тогда, когда человек сам искренне верит в ту чушь, которую несет. «Дремучая Россия»... – и тут Софи вспомнила, с какой теплотой говорили об этой странной стране в их союзе. Она размышляла над

словами женщины: мессию, что ли, очередного пропагандируют? И правда, уж больно он продвинулся, этот Менелак Борух... Веялся неизвестно откуда, а все кругом – словно только его и ждали. И впрямь, много хорошего сделал: за пару лет Европу объединил, в бывших колониях – покой, даже в Африке, как по волшебству, никаких войн. Америка – что Южная, что Северная, – единое государство, сестра счастливой Европы... Вот-вот объявят о полной ликвидации границ... Россия упрямится. Вроде бы, дурусть одна, а все же... Хорошая страна, ей-богу. И народ такой... Она, Софи, конечно, только по книгам его знает, а все-таки – не дураки там. И если не хотят – значит, понимают, что делают... Но, если Россия права, то, выходит, весь мир свихнулся... Тут Софи поежилась – трудно все это. Она опять посмотрела на женщину. Все вдохновеннее становился голос над площадью:

- Земляне! Обновленные граждане обновленного мира! Он ждет от нас определения в пользу добра и света! Сейчас, как никогда, мы должны показать ему, поборовшему антихриста...

Мысли Софи опять прыгнули куда-то в сторону: «Антихрист, антихрист... Кто его видел? Уж больно много претендентов... В одной России в прошлом только веке – целых два... И в Германии тогда был Гитлер... Да и еще раньше – кого только так не называли... Вот и у нас, помнится, то же самое про Рубина говорили... А ведь он должен быть один и подчинить весь мир, как этот...» – и вдруг сердце Софи подпрыгнуло и замерло. – Этот? Но ведь так и говорили – весь мир... Начнет с добра... Да нет, ерунда какая-то... Не могу же я – я! – дожить до... Нет, о Господи, это опять ерунда, мало их, что ли, было, мессий этих...».

Крик прозвучал где-то совсем рядом, и Софи шарахнулась, как от выстрела.

- Стерва продажная! – громовым голосом орал кто-то. – А мы слушаем! Долой гадину!

Очнувшись, Софи увидела, что толпа уже не молчалива – она закипала. Из разных мест доносились возгласы: «Понаехали тут вещать!». «А нам и при короле неплохо жилось!». «Это еще надо проверить, кто кровь лил!». «Помолчите, дайте дослушать!». «Да чего там слушать – неужели и так не ясно?!». «Добра боитесь? Христа гоните?». «Да где ты тут Христа видишь – это ж ехидна!». «Слуга антихриста!». «Сам такой!».

С трибуны донесся примирительный голос женщины:

- Конечно, люди! Нам, воспитанным на крови и грязи, еще трудно воспринимать Божественную правду! Грехи наши тянут нас вниз! Но теперь мы покаемся! Покаемся и радостно пойдем обновленным Иисусом!

И тут мимо головы проповедницы что-то недвусмысленно просвистело. Из ближнего окружения сразу выскочили три здоровых детины – охранники, неудачно переодетые любопытными обывателями. Они быстро сняли повелительницу с постамента и, окружив, повлекли ее к длинному лимузину, стоявшему позади. Тем временем толпа резко разделилась в своих мнениях: часть ее с криками «Хватай ее!» ринулась к лимузину, а другая часть, понося первую, встала на защиту нового идола. Третья часть брала ноги в руки, площадь быстро пустела. Лишь самые азартные выясняли отношения вблизи постамента. У машины началась повальная драка. Софи оказалась слишком близко к эпицентру взрыва, чтобы успеть ретироваться вместе со всеми. Она растерялась, заметалась в попытке вырваться, тут ее толкнули, она упала на колени, а кто-то, продираясь мимо, наступил ей на руку. Это оказалась такая зверская боль, что в ушах у Софи зазвенело и, беспомощная, оглушенная, прижимая к себе и горящую руку и бесценную сумочку, она так и сидела на асфальте в тот миг, когда совсем рядом завизжала полицейская сирена... Дерущиеся бросились бежать, кто-то споткнулся о Софи и рухнул вместе с ней, в следующую минуту их уже поднимали и трясли чьи-то сильные руки... В бледном тумане Софи еще успела различить перед собой форму полицейского.

Спустя час всех выпускали из участка, предварительно обыскав и проверив документы. Софи жалась в уголке большой железной клетки, куда задержанных заперли всем скопом, выпуская по одному.

«Что делать с сумкой?! – отчаянно соображала она. – Бросить на пол?! Там паспорт. Выбросить книжки? Увидят. Лучше не привлекать к ним внимания – может, и не поймут... Ведь они же дубы-полицейские... Скажу – студентка, пособия, мол... А они и заглавие читать не будут. Ведь ищут – оружие!».

Таким образом Софи удалось несколько успокоиться. Она почти бестрепетно – с замиранием только где-то внизу живота – подошла, дождавшись очереди, к усталому сержанту. Он посмотрел на нее и беззлобно усмехнулся:

- Зевака рыжая... Не толкайся в следующий раз по митингам... Тебя же раздавить – раз плюнуть... Ну, давай паспорт... – Софи протянула документы и сделала попытку улыбнуться:

- Я, знаете, я случайно проходила, и...

- Да вижу... – кивнул сержант. – Ладно... Надеюсь, в твоей сумке не колыт сорок пятого калибра?

Не заметив ее медленно гаснущей улыбки, он мельком глянул в расстегнутую сумку:

-А, книжки... Ну, иди, чего там...

Еще не веря своему счастью («Вот приключение-то... В Союзе расскажу... Или не рассказывать?»), Софи помедлила, может быть, десятую долю секунды. Но и этого мгновения хватило, чтобы торчавший рядом второй полицейский успел бросить рассеянный взгляд на видневшиеся в сумочке голубые обложки... Дальнейшее произошло настолько молниеносно, что даже выражение доверчивой радости не успело сойти с лица Софи. Полицейский дернулся к сумке и рывком ее перевернул. Среди рассыпавшихся мелочей на столе оказались целых шесть совершенно одинаковых голубых брошюрок с крупным черным заголовком, «Больной вопрос»... Первый сержант поднял на товарища взгляд, ясно говоривший: «Ты чего, взбесился?». Но второй, изменившись в лице, тряхнул его и пораженно выдохнул:

- Слу-ушай... Да мы ж террористку поймали... С личным!..

...Полицейский офицер, к которому вечером привели Софи, слов зря тратить не любил и не расходовал драгоценного времени на лишние сантименты и уговоры. Он усадил дрожащую Софи на высокую табуретку так, что ноги ее не доставали до пола, направил ей в лицо пронзительный свет своей знаменитой «допросной» лампы – что само по себе уже было пыткой – и голосом, в котором слышалась неумолимая сталь, произнес такую речь:

- Вот что. Я прекрасно понимаю, что лично вы ни в чем не виноваты: вас использовали в своих целях государственные преступники. Вы, может быть, даже не читали эту... – он брезгливо щелкнул пальцами по верхней брошюре, вздыбив страницы, – эту пакость. Поэтому у нас нет оснований вас здесь задерживать. Сейчас вы скажете мне, откуда и зачем у вас книжки и отправитесь домой. Не заходя обратно в «обезьянник». Теперь можете говорить. Говорите.

Подпоручик ошибался: говорить Софи не могла. Она дрожала с ног до головы и, находясь в полуобморочном состоянии, все норовила кувырнуться вбок со своей табуретки, лишь в последний момент интуитивно лоя равновесие.

Офицер слегка пристукнул ладонью по столу:

- Так. Ели сегодня что-нибудь?

Допрашиваемая слабо покачала головой и прошептала:

- Мне надо домой... У меня там дочка... – при этих словах, она подняла на своего мучителя огромные светлые глаза. Вокруг них некрасиво размазалась от слез синяя тушь.

Он начал слегка раздражаться: возись тут с бабьими соплями – она ж ничего не понимает! Он отпускает ее домой, к ребенку, а она ревет... Ну, ясно, она тут проторчала

сверх законных пяти часов еще три, пока валандались со всей этой задержанной толпой, но не отпралять же ее домой с такими-то материалами в сумке! Подпоручик не выпустил налицо своего раздражения, сказав терпеливо и медленно, чтобы дурочка лучше сообразила:

- Вот я и говорю: идите домой! Только сначала скажите, где взяли эту дрянь. Если бы одна-две, я бы поверил, что где-то купили, или вам их бесплатно сунули. Но у вас их шесть.

В помутившихся мозгах Софи что-то неясно шевельнулось. Доминировала, конечно, одна мысль: Шейла, там, с этой старушкой. Старушка уже беспокоится за Софи, а может – и давно, ведь ее не было на работе, могли позвонить. Что с Шейлой?! Работа... Ей стоит только сказать сейчас, и она через час будет с Шейлой... Сказать?! Сказать – это?!

Офицер начал проявлять нетерпение:

- Слушайте, соображайте скорее. У меня еще дела есть.

Но Софи только отчаянно на него посмотрела. Полицейскому надоело, он сорвался:

- Слушайте, давайте не будем играть в шпионов! Вы что, стыдитесь «выдать»? Бросьте эту дурь. Нам и без вас известно. В Союзе «Дорланда» работаете. Секретаршей. У нас ваш Союз уже вот где. Там вам книжки дали? Для распространения? Да отвечайте же, черт возьми, видите – я и сам все знаю!

Софи поникла на табуретке. Слезы капали с подбородка на колени. Ничего не соображая, она повторяла срывающимся голосом:

- Шейла! Шейла, Шейла, Шейла...

Полицейский тихо не то застонал, не то зарычал. Ему захотелось двинуть хорошенько этой скулящей рыжей сучке, чтоб вправить ей мозги. Он еле сдержался: за это по головке не погладят.

- Так и идите к своей Шейле, – зловеще процедил он. – Я только на один вопрос прошу вас ответить – и катитесь на все четыре стороны... – не дождавшись ответа, осененный, предположил: – Бойтесь, что ли? Не бойтесь. На вас только посмотреть, и дураку ясно станет, что вы – ни сном, ни духом... «Союз» вас использовал, как собачонку – свидетелем пройдете... А может – их бойтесь? Это уж совсем глупо: мы их сразу так за яй... за задницу прихватим, что им не до вас станет... Так что – «Дорланда»?

Не поднимая глаз, Софи продолжала молча плакать. Тогда поручик почувствовал, что начинает потихоньку звереть:

- Да сколько ж можно упрямять?! – почти заорал он. – Кого хотите выгородить?! Фашистов?! Сволочей, которые за ваш счет проедутся?

Софи впервые произнесла слова на заданную тему:

- Мы не фашисты...

- Так... – протянул сатанеющий полицейский. – «Мы», значит... Ну, и кто же эти «мы», по-вашему?

- Па... Патриоты... – вздрагивая, ответила девушка.

- Та-ак... – опять протянул он. – Воспитывают молодежь, подонки, «Гитлерюгенд» развели...

В душе у Софи что-то начало тихо каменеть. Она подняла на офицера взгляд, в котором он с удивлением обнаружил глубинную злость.

«Черт, фанатичка, этого еще не хватало, – быстро подумал он. – Ишь, как зыркнула – того и гляди, укусит...».

- При чем тут Гитлер? Зачем вы все стараетесь нас с ним смешать?.. Мы, так же, как и вы, ненавидим фашистов... – дрожащим голосом проговорила Софи.

Подпоручик махнул рукой: Ясно, обработали девицу... Он подумал и решил взять лаской:

- Слушайте, в конце концов, вы все равно расскажете. У вас просто выхода нет. Не хотите же вы из-за ерунды лет на пять загреметь за решетку? Не хотите? И правильно – вы же ни в чем не виноваты. Вы хоть книжки-то эти читали? – сам он тоже не читал, от

напарника слышал. – По глазам вижу, что не читали... А прочли бы – и сами бы поняли, что негодяев выгораживаете. Знаете, что там написано? Что маймоны – вон, как мой напарник – так они детей режут и кровь пьют. И вывод только один: им всем место в газовой камере, – поручик не мог знать, что ничего подобного там написано не было. – И вы мне хотите сказать, что не на фашистов работаете? Я понимаю, вы не специально: искали работу, устроились в культурное общество... Откуда вам было знать? Так давайте перестанем фантазировать. Ну, если вам на себя наплевать, то хоть о ребенке вспомните...

При этих словах Софи вздрогнула и подняла на него побелевшее лицо. Сообразив, что попал в цель, поручик вдохновенно продолжил:

- Знаете, что ждет вашу девочку, если вы тут застрянете? Знаете? Я вам скажу: родственников других у нее нет, как я понял из данных на вас. Стало быть, ее заберут и доставят в детский фильтратор. Рассказать, что это такое? А это место, куда доставляют всех собранных за день по городу бесхозных детей. У которых родители алкоголики. Или преступники. И дети – такие же, можете мне поверить. Их на ночь всех запирают в одном помещении. А утром развозят по детдомам при тюрьмах и приютам. И уж думаю, вашей дочери может там и не поздоровиться... Из-за чего, спрашивается?!

- Прекратите! – не то завизжала, не то зарыдала вскочившая на ноги Софи. – Довольно! Изверг! Негодяй, мучитель!

Помрачившись в рассудке, она бросилась на офицера через стол, сокрушив что-то по дороге, но он вовремя успел нажать на кнопку. Через несколько секунд извивающуюся и рыдающую Софи уже волокли по коридору давешний сержант и его помощник. «Детоубийцы! – кричала она. – Шейла! Пустите меня к моему ребенку!!». Ее втолкнули в одиночную камеру, но Софи еще долго кидалась на железную дверь, колотя по ней избитыми в кровь кулаками...

- Пусть охолонет, – говорил тем временем подпоручик пришедшему его сменить напарнику. – Завтра ручная станет. И жрать-пить ей не давай – говорят, на голодный желудок голова лучше работает... По Брегу...

- Да ладно, пока тебя нет – я не вмешиваюсь. Работаешь с ней – и работай... – пробормотал напарник и направился в кабинет: дежурство обещало быть спокойным.

Бурный всплеск безумия, наконец, сменился у Софи апатией. Она безучастно лежала на жесткой откидной койке и ощущала во всем теле небывалую раньше тяжесть – будто каждую клеточку ее напитали металлом. Казалось – войди сейчас кто-нибудь, заори «Встать!» – и при полном желании из смертельного страха – подчиниться, Софи не смогла бы даже повернуть голову на крик. Сердце ее билось очень ровно и, пожалуй, даже медленней, чем обычно. Такие же тяжелые, как и все ее тело, мозги, мертвым грузом лежали в темной черепной коробке. Софи не спала – но и бодрствованием нельзя было назвать ее состояние. Скорей всего – глубокой заторможенностью, как на операционном столе перед наркозом, когда тебя уже до тошноты накачали чем-то, но нет сил даже сказать, как тебе отвратительно (а подлый анестезиолог, думая, что ты не слышишь и не соображаешь, сообщает хирургу: «Полная релаксация»).

Какие-то защитные силы организма не позволяли ей больше думать про Шейлу – дочка просто осталась присутствовать в матери осязаемым комочком глубокой тупой боли. Когда Софи начала понемногу включаться обратно, она почему-то ясно вспомнила сразу же не ребенка, а день, когда узнала о смерти мужа. Странно, она вспоминала не его, а себя, и настойчиво и подробно перебирала в памяти события и слова того дня, сердилась на себя, если вдруг забывала какую-то малость, и мысленно топталась туда-сюда по уже выстроенным в голове образам...

Вспомнила, что самым диким показался ей не сам факт смерти любимого молодого мужа, не дождавшегося рождения ребенка, а само письмо. Оно не было отпечатано на машинке или принтере. Это оказался... типографский бланк: «Многоуважаемый(ая) – дальше вставлены от руки ее имя и фамилия. – Командование Н-ского военного округа с глубоким прискорбием сообщает Вам, что Ваш – вставлено от руки: «муж» и его имя и

фамилия – трагически погиб в результате несчастного случая. Примите наши искренние...» – и так далее, в казенных выражениях. Тогда это более всего потрясло Софи. «Да что они там – пачками мрут, что ли?!» – помнится, именно такой была ее первая непосредственная реакция...

А потом Софи подумала о Союзе «Дорланда». Подумала мельком и коротко. Ей ничего не нужно было решать – она и так знала, что здесь, в полиции этого слова не произнесет. Даже если (Софи содрогнулась)... будут бить. Но тут же себя и успокоила: наверное, все-таки, не будут.

Третья мысль пришла – о воде. В смутных представлениях Софи о тюрьме всегда центральным был образ сырой, холодной камеры. Но ее камера, наоборот, отапливалась летом. Лежа на койке, она чувствовала, что спиной в нее влипает, что в туфлях хлюпает, как после дождя. Дверь ни разу не отворилась. Никто не приносил ни еды (что было Софи безразлично), ни воды (что превратилось в навязчивую мечту). Она страдала молча, потому что ее обезвоженный организм, вероятно, не хотел выдавливать влагу еще и на такую мелочь, как слезы. Софи не знала, что ее уже пытаются. Иногда она тихо стонала – это тогда, когда сердцем вспоминала Шейлу.

...Вот уже третий день допросы длились так: подпоручик сажал Софи на стул, давал выпить стакан воды (неровен час – и помрет), а потом выкладывал перед ней на стол чуть ли не каллиграфическим почерком заполненный протокол. «Вопрос, – мучительно читала про себя Софи. – Откуда у вас шесть экземпляров брошюры «Больной вопрос»? Ответ: я получила их в культурно-просветительском союзе «Дорланда». Вопрос: с какой целью вам их выдали? Ответ: я должна была тайно распространять брошюры среди своих знакомых». На этом месте Софи каждый раз тихонько усмехалась. Она-то отлично знала, что, если бы ей и выдали что-то для распространения, то она могла бы сделать это только среди своих же. Да еще соседке экземплярчик подарить...

Дальше Софи не читала, все ниже опуская голову на грудь и проклиная себя за то, что плачет при полицейском. Минут пять постояв над ее неподвижностью, подпоручик, пак же безмолвно отправлял ее назад в камеру. Софи больше не кричала. Каждый новый допрос все больше и больше озадачивал полицейского. Он теперь приходил в участок каждый день, не смотря ни на то, что дежурил раз в трое суток. Как и было решено, напарник не вмешивался в его работу с задержанной. У младшего полицейского состава и вовсе давно уже выработалась привычка ничего не видеть и не слышать.

Строго говоря, происходило черт знает что. По закону, задерживать кого-либо в участке свыше пяти часов не полагалось: после этого надлежало либо отпустить человека, либо перевести его в Централ, где разговаривали по-другому, и где срок задержания без предъявления обвинения растягивался на пять суток. Он и сам не понимал, как угораздило его влипнуть с этой психопаткой. Очень уж соблазнительно выходило с самого начала: девчонка хлипкая, вот-вот сдаст крупную фашистскую организацию. «Дорланда» была давно властям поперек горла, но прихватить ее с поличным так пока что и не удалось. А девка чего-то заартачилась, и подпоручика охватил азарт. Он решил дожать ее во что бы то ни стало – для того и морил голодом в душной камере, выдавая для жизнеподдержания по стакану сырой воды в день. Думал: вот сейчас. А «сейчас» все не наступало, и он чувствовал, что еще немного – и ему конец. Девку долго здесь держать не будешь, обвинение ей не предъявишь. По закону держать в сумке такие книги – не преступление, преступление лишь распространять их. Отпустить? Прямо вот так признать перед этой мелкой соплей, что она сделала из него дурака? И это еще полбеды. Выйдя, она раструбит на всех углах, что он с ней тут проделывал. А паршивая газетка этой их «Дорланды» опишет все в таких красках, что... ему даже думать об этом не хотелось. Перевести сейчас в Централ? Еще того хуже. Во-первых, она и там расскажет о его методах допроса, а во-вторых, ее максимум через сутки опять отпустят: ему ничего не сказала – и там не скажет.

В Центральном бюро без адвоката не допрашивают. Любой из них ей в два счета объяснит: откуда книжки? – да нашла на улице. Вот так стопочкой и лежали. А теперь, докажете-ка господу, что этого не было. А как окажется на свободе – «Дорланда» состряпает из нее народную героиню, а из него – палача. С погонами можно распрощаться, а там, кто знает – может, чего и похуже – смотря на кого нарвешься. Опять же – она женщина, эдакий хрупкий цветочек. А он, понятно – грубый шимпанзе...

Другое дело – если бы она раскололась наконец. Ему – премия и повышение, это уж точно, и никто бы не стал смотреть, скажем так, на его... мелкие нарушения. Цель оправдывает средства, а для фашистов вообще никаких законов в стране нет: их велено выкорчевывать без всякой жалости. В Центральном бюро его и похвалили бы конфиденциально за настойчивость. А он бы мог сказать, что она его «жестокости» на две трети выдумала – кто поверит разоблаченной фашистке? Нет, она заговорит, стерва, не может не заговорить...

Но с каждым новым ее приводом надежда все расплывалась и расплывалась. В кабинет девчонку уже не вводили, а вволакивали под руки. Рыжая грязная голова болталась, а когда он грубо поднимал ее за волосы, взгляд порой казался ему идиотически-бессмысленным. «Час от часу не легче! – раздраженно думал подпоручик. Еще возьмет – и с ума спрыгнет!». Тогда он велел плотно накормить Софи и воды дать вволю – а то, кажется, сучка уже в тумане и не очень-то страдает... Но и с накормленной Софи дело дальше не шло: она теперь хоть и держала голову прямее и даже волосы вымыла – но говорить категорически отказывалась. Только младшие чины иногда докладывали ему, что у себя в камере она будто бы, повторяет одно и то же: «Шейла, Шейла, Шейла».

«Кажется, придумал!».

И на следующий день он, вместо протокола, положил перед Софи другой листок бумаги:

- Ознакомьтесь.

Она посмотрела, не понимая.

- Знаете, что это? – злорадно произнес подпоручик ей в лицо. – Это – акт. О передаче вашего ребенка в детский приемник-фильтратор. А уж куда ее теперь отфильтруют... – он развел руками и на всякий случай отстранился: не надумала бы, как тогда, в рожу ему вцепиться.

Но Софи почти не изменилась в лице. Она прошептала несколько неразборчивых слов. Полицейский с готовностью подскочил к ней: он надеялся, что эти слова выражали согласие подписать что угодно – лишь бы вернули ребенка.

- Что вы сказали, повторите! – с надеждой спросил он.

- Да поможет ей Бог, – громче проговорила она.

Офицер взорвался:

- Дура! Своего ребенка в помойную яму бросила! Ради кого?! Ради кого, спрашиваю?!

Софи молча, без всякого выражения, смотрела на него. Он готов был завывать – и завывал-таки:

- Ты что себе воображаешь?! Идиотка, ты что, думаешь, что Родине служишь, что ли?! Что ты-то ей можешь дать?! Зажрались, сволочи! С жиру бесятся – все им дала эта Родина, а им все мало! Чего вы, фашисты, хотите для Родины?! Концлагерей для маймонов?! Газовых камер опять?! Гитлера нового хотите?! Уже почти сто лет назад по Европе прошлись – а мир только сейчас опомнился! Хватит! Не дадим, поняли?! Задавим вас, гадов, всех до одного задавим! И тебя задавим – слышишь, гадюка?! Подстилка нацистская!

Софи медленно-медленно качала головой.

- Что скажешь?! – проорал он ей в лицо.

- Мне нечего говорить... Мне... Мне вас жаль... – еле слышно ответила Софи.

- Себя пожалей! – рявкнул полицейский и угрожающе добавил: – В последний раз говорю... Уведите!

Когда дверь за рыжей психопаткой закрылась, подпоручик рухнул на ближайший стул. Только что он с пронзительной ясностью осознал, что она ничего не подпишет, и абсолютно никакого выхода у него нет. Попался. Сам себя поймал. Дверь неслышно открылась, и вошел его напарник. Придержав дверь ногой, он посмотрел вслед уводимой Софи, а потом иронически уставился на приятеля. Вразвалку подойдя к столу, он уселся на его край и небрежно курил, бросая на подпоручика напряженно-лукавые взгляды. Наконец усмехнулся:

- Ну, что – она тебя взнуздала, а не ты ее, а?

- Чтоб ей сдохнуть! – с досады подпоручик плюнул себе под ноги.

Коллега быстро и испытующе на него посмотрел:

- Ну... Она особа... это... впечатлительная... Возьмет – и от переживаний повесится...

Подпоручик настороженно и недоверчиво глянул на товарища, всем своим видом говоря: продолжай!

- Ну да, повесится, на своем нейлоновом чулке – чего ж проще!

Подпоручик задохнулся, сердце на миг остановилось. Он быстрым шагом подошел к двери, выглянул и, опять закрыв, запер на ключ. Потом приблизился вплотную к напарнику. Дыхания не хватало – оттянул ворот вместе с галстуком. Просипел:

- Думаешь... Помочь ей...

Приятель неопределенно пожал плечами:

- Сам решай – твоя девица. Но вообще-то, ты не себя одного подставил. Ты капитально подвел всех офицеров. Если что – мы ж не сможем сказать, что мы все здесь ослепли и оглохли. Словом, гадкая у нас ситуация. Из-за тебя, дурак. Если б не я – как бы ты выпутывался?

Подпоручик уже понемногу приходил в себя:

- И когда ты думаешь, она это... сделает?

- Сам решай, – насмешливо повторил напарник.

- Тогда... Чем скорей – тем лучше... А врач... Черт, иди потом доказывай, почему она повесилась!

Приятель толкнул его в бок:

- Эскулапа нашего я сам обработаю. Пусть пишет завтра: гнойный аппендицит. Не пожаловалась вовремя – перитонит, и привет. Ему что – в первый раз, что ли? А протокол ее задержания ты перепиши: поставь время привода – часа три назад. А эти... повесившиеся господа... Они обычно никому ничего не рассказывают... – догадливый коллега тихо хохотнул.

- На чулке, говоришь... – задумчиво протянул подпоручик.

...Софи обессиленно лежала на своем узком топчане. С ней действительно случались иногда приступы помрачения: она то засыпала с открытыми глазами, то проваливалась куда-то без мыслей и страданий. Проснувшись, уговаривала себя: «Это ведь кончится! Это ведь когда-то же кончится» – и снова застывала, уставившись невидящим взглядом в серый потолок. Случившееся с ней поражало нереальностью: не могло быть в ее маленькой тихой жизни этих шершавых стен, этих грубых решеток, этого ослепительно яркого на черной двери глазка. А значит, это кончится. Обязательно кончится. Только надо потерпеть. Совсем немножко потерпеть.

Дверь открылась внезапно, на миг в камеру ворвался яркий желтый свет, в котором она различила две мужские фигуры. Камера быстро осветилась опять, и в одной из фигур Софи узнала подпоручика. Тот, что пришел с ним – потолще и повыше – был незнаком Софи, но носил такую же форму с теми же знаками отличия.

- Ну вот, девушка, встречай гостей, – жутко осклабился он.

Все это было так ужасно, что Софи, подобрав ноги, прижалась к стене. В страхе, еще ничего не понимая, она переводила взгляд с одного мужчины на другого, интуитивно чувствуя, что случилось страшное, самое страшное, что только может случиться с человеком. И случается рано или поздно со всеми без исключения, только по-разному. Натянув до подбородка одеяло, она прижала его к себе двумя руками и не шевелилась. Высокий и толстоватый присел рядом с ней на койку. Софи хотела шарахнуться – да было некуда. Властная рука рванула с нее одеяло. Софи закрыла глаза...

- Чулочек позвольте, барышня, – прозвучал отвратительно близко срывающийся хриплый голос.

Софи не двигалась, едва ли соображая, чего от нее хотят.

- Сами дадите, или помочь?

Находясь почти в обмороке, не понимая, что делает, привороженно глядя в его темное каменное лицо, Софи стащила чулок.

Полицейский взял его за концы и растянул.

- Хороший чулочек... Подходящий...

Похолодевшая Софи зачем-то стала стягивать и второй.

- Не трудитесь, – хриплый голос полицейского понизился до интимности. – Мы и одним обойдемся...

Софи замерла, отчаянно пытаясь сообразить, в голове что-то испуганно заметалось. Она увидела первого полицейского – того, что ее допрашивал, и вдруг смутно обрадовалась знакомому лицу. Она знала, что у этого человека нет такого ужасного голоса, у него не такое беспощадное лицо, и Софи, еще десять минут назад его ненавидевшая, теперь бессмысленно пролепетала, обращаясь к нему:

- Что... это? А? Что это?..

Еще миг – и она, пожалуй, бросилась бы ему навстречу, если бы он сам не сделал шаг вперед, протянув одновременно бумажку.

- Что это? – резко бросил он. – А это ваш последний шанс. Подписывайте.

Он вложил в ее ослабевшую руку авторучку и сунул под нос текст протокола, лежащий на твердой папке. Хватая ртом воздух, она покосилась на другого полицейского. Он продолжал, с виду беззаботно, играть ее чулком: растянет – отпустит, растянет – отпустит...

И тут Софи поняла.

Сжав авторучку, рука ее дернулась к документу и уже взлетела над ним. И, наверное – она подписалась бы. Если бы не так победно переглянулись в ту минуту офицеры. Если бы не сделал нетерпеливого жеста ее главный мучитель. И рука ее замерла на середине пути. Замерла и упала.

В ту же секунду что-то тугое и горячее обхватило ее шею. В глазах стало светло, в ушах засвистело, видимый мир налился яркой кровью. Усилие, которое сделала Софи, было страшным. Мотнув головой, она попала убийце по лицу и чудом оттолкнула его. Страшный ошейник ослаб, окружающее приобрело свой обычный цвет. Но знакомый подпоручик уже забирал чулок из рук своего ошеломленного напарника-соучастника и направлялся к Софи.

Она медленно встала, откуда-то зная, что встречать то, что случается со всеми, можно по-разному, но такое, как с ней – только так. И когда вновь мелькнула над ней блестящая змейка скрученного чулка, она успела сказать...

...Убийцы ловко подвесили неподвижное тело на решетку, заперли камеру и быстро шли по коридору.

- Что тебе эта тварь сказала? – поинтересовался напарник.

- Не знаю, не понял, – все еще дрожа от напряжения, ответил подпоручик.

Соучастник хлопнул его по плечу:

- Ладно, можно считать, удачно... А за эскулапа не волнуйся: завтра скажем – ну, повесилась, дебилка, – зачем нам пятно на все отделение? Скажу, будь, мол, другом, оформи перетонит...

- Пусть будет перетонит... – глухо отозвался подпоручик.

Он наврал, что не расслышал ее последних слов. Наврал, зная, что будет их помнить.

Она сказала: «И ты когда-нибудь умрешь».

Продолжение дневника Иветты Сильвер

...Я осматривала ее, стараясь спрашивать как можно ласковей, и к концу осмотра в глазах у девочки засветилось самое настоящее расположение и благодарность. Зато во взгляде старой гримзы-медсестры, моего надсмотрщика, я уловила выражение недоуменной укоризны: конечно, не так следовало обращаться с будущими монстрами, сильными гражданами сильного мира.

«Как бы не так!» – ожесточенно подумала я и обворожительно улыбнулась заодно и гримзе. Укоризна с ее безобразной физиономии сразу сошла, а недоумение осталось.

Второй привели Ашхен. Эта девочка тоже понравилась мне: худенькая, живая, верткая, как мартышка, она ухитрилась уже в первую минуту своего пребывания в кабинете все перетрогать, перещупать и попробовать на зуб. При этом она смеялась, немного хищно скаля свои острые крепкие зубки – словом, я увидела маленького волчонка, которому еще только предстоит узнать, что он – грозный волк. И все же беззащитность девчушки бросалась в глаза, а вся эта ее бьющая через край напористость представилась мне чистой воды защитой от ополчившегося на нее взрослого мира. Она похожа на Маугли – немного сверх меры обросшая черными, как вороново крыло, волосами, с диковатым блеском огромных чернильных глаз...

Ашхен

Мир, в незримое существование которого вот уже двадцать лет незыблемо верила Гаянэ Казанянец, все время прорывался вокруг нее. И Гаянэ мучительно завидовала тем счастливым, которые ничем подобным не страдая, вдруг сталкивались с тем, что нельзя было объяснить иначе, кроме как вмешательством потусторонних – то добрых, то злых, то неясных сил. Буквально со всех сторон к ее ожидающей душе, как к магниту, притягивались совершенно достоверные рассказы о необычном, произошедшем с окружающими людьми. И каждый раз Гаянэ сокрушалась: «Ну почему не со мной?! Ведь я так верю во все это!».

Жизнь самой близкой ее подруги Ии, как казалось Гаянэ, была сплошным балансированием на грани между этим и тем миром. Жизнь этой подруги-художницы очень плохо, даже трагично складывалась поначалу. Первый жених бросил ее в день свадьбы – когда уже ломились столы от угощения и около сотни гостей наряжались к празднику. Тем утром, помчавшись к двери встречать жениха, Ия встретила вместо него почтальона с телеграммой. Телеграмма сообщала о том, что ненаглядный «слава Богу, вовремя» понял, что он «недостойн такой девушки» и уезжает в далекие края с единственной благородной целью – «не ломать ей жизнь».

Через месяц Ия вышла замуж назло – думала, что ему, а оказалось – себе самой. Выяснилось, что муж ее – тоже художник – одержим бредом ревности. Он был абсолютно уверен, что она изменяет ему то с сантехником, то с телефонным механиком – и всему находил несомненные доказательства. Он способен был закатить громкую сцену прямо посреди улицы, вдруг совершенно определенно заметив, что она «перемигивается вон с тем высоким». Дома и в мастерской он бивал иногда Ию смертным боем, полосовал ножом ее холсты, углядев в них наглядное изображение ее очередного грехопадения, а один раз, во избежание измены даже приковал ее за ногу цепью к батарее... Ие едва

удалось вырваться из этого страшного брака, но еще много раз бывший муж подкарауливал ее на улице, пока не угодил в сумасшедший дом.

Оставшись одна, Ия долго приходила в себя. Работать не могла, задолжала за квартиру и сидела голодная, чуть ли не на грани самоубийства. И вот однажды, уверяла Ия, «она просто так сидела на полу», обдумывая горестную свою жизнь, и на секунду прикрыла глаза. И вдруг перед ее закрытыми глазами встала странная комната. Одна стена ее была сплошь расписана маслом – ярко-алые тюльпаны, переплетенные с огромными фиалками – а всю другую стену занимало огромное окно. У этого окна, прислонясь к стеклу лбом, стоял в профиль к ней мужчина с длинными-длинными волосами и удивительно грустным выражением лица... На следующий день соболезнующие друзья чуть ли не силком вытащили Ию в гости, в какую-то общую мастерскую. Ия вышла в туалет, на обратном пути заблудилась и, перепутав двери, с разлету распахнула чужую. Она остолбенела, потому что вчерашняя пригрезившаяся картинка неожиданно встала перед ней наяву...

- Ты не представляешь, Гаянэ! – рассказывала Ия дрожащим голосом. – Мы еще не знали, как друг-друга зовут, а сразу заговорили, как очень давно и хорошо знакомые, близкие люди!

Гаянэ только вздыхала. Она совершенно обычно познакомилась со своим мужем Кареном. Работала медсестрой в строительной фирме, и однажды к ней в кабинет постучали. Вошел молодой инженер: «Вот, посмотрите, на циркуль ладонью напоролся...». Не произошло никакого взрыва чувств, прозрений – ничего. И влюбилась она далеко не сразу, все упиралась, Карен ее, что называется, «ногами выходил»...

А у Ии все это были еще цветочки.

По ее словам, они с Джегаром – так звали ее избранника – сразу же поняли, что они Богом даны друг другу, и уже с того дня не расставались. Но однажды утром Джегару нужно было срочно что-то доделать в мастерской, а Ия решила за это время навестить своего старого учителя, подарить ему новую небольшую пастель. Они договорились с Джегаром, что закончив дела, он заедет за ней к ее мэтру, а потом повезет к своим родителям и представит им как свою невесту... И вот, не успела Ия выйти из дома, как с ней сразу стали происходить ужасные вещи. Первое, что она увидела, завернув за угол, была вдребезги разбитая витрина магазина, огромная лужа крови под ней и отъезжающая «скорая помощь». Собравшиеся люди объяснили, что витрина упала сразу на двух прохожих, сильно их поранив или, может быть, даже искалечив.

- И с этого момента, – с потускневшими глазами говорила Ия, – я уже где-то внутри себя знала, что это – специально для меня, что я должна вернуться...

Но она не послушалась этого навязчивого внутреннего голоса и села в автобус. А когда вышла, то увидела чуть ли не под ногами жирную крысу, раздавленную колесами. Крыса еще жила, истекала кровью и омерзительно визжала. Не смотря на всю противность этих грязных тварей, рядом стояло несколько человек, все жалели бедное животное, но прикончить не решались... И тогда Ия уже не «внутри себя», а умом поняла, что это какой-то знак, ее так и потянуло вернуться, но – Бог знает, почему! – она этого не сделала. Дом учителя находился совсем рядом и, стремясь отгородиться от всех этих ужасов, Ия бросилась туда. У парадного опять стояла «скорая», и вдруг прямо навстречу Ие из дверей вынесли носилки, а на них – тугой целлофановый мешок, в каких возят покойников!

- Тут бы мне развернуться и побежать, я уж точно знала, что все это ко мне ну, просто... вопиет! – а нет, не побежала, будто сам сатана толкал вперед, вперед!

Ия пришла к учителю, успокоилась чуть-чуть, а он предложил ей красного вина. Она потянулась за бокалом, неловко его толкнула, и вино плеснулось ей на руку – такое пунцовое и густое, что рука оказалась будто в крови...

И вот тут-то Ия вскочила. Она стремглав вылетела на улицу и, не дождавсь автобуса, помчалась обратно. Через два квартала она увидела следы страшной аварии: лежащий на боку тяжелый беспомощный грузовик и расплюснутую маленькую желтую

машинку. Ия уже не удивлялась, узнав ее: это было то, что еще два часа назад Джегар в шутку называл «своим желтеньким гробиком»...

А Гаянэ, провожая тогда, пять лет назад, родителей в аэропорт, радовалась вместе с ними их долгожданной поездке на отдых. И ни один взгляд, ни одно слово или совпадение даже не намекнули ей в те минуты на то, что прекрасный белый самолет, похожий на грустную хищную птицу («Смотри, как живой!» – восхищенно сказала мама), исчезнет над Тихим океаном, и ни одного человека из него не найдут ни живым, ни мертвым...

Но Ие повезло больше: тяжелораненый Джегар остался жить, и тут с ней приключилось такое, что никому другому Гаянэ ни за что в жизни не поверила бы, расскажи ей кто-то нечто подобное. Но с Ией Гаянэ выросла в одном дворе и непоколебимо знала: если подруга чего-то и не умеет делать – так это врать. Джегара увезли в больницу с множественными переломами грудной клетки. Рентген показал, что осколки ребер вонзились в легкие. Узнав, что никакая она не жена, врач без лишних церемоний сказал Ие, что надежды нет никакой. Ия плохо помнила, как бросалась на дверь отделения реанимации, куда ее не пускали, как кто-то жалостливый вел ее по коридорам и, наконец, вытащив на воздух, усадил на край мраморной клумбы у входа... На этой клумбе Ия и просидела несколько часов с одной неотвязной мыслью в мозгу: «Ну почему? Почему, Господи?». Пришла в себя она только к вечеру и, впервые осмысленно оглядевшись, вдруг увидела сидящую по другую сторону клумбы Женщину невероятной красоты. И такая это была красота, что Ия едва могла описать ее:

- На Ней был широкий темно-синий плащ с поднятым капюшоном, и этот цвет оттенял бледный – ах, нет, не бледный, а просто белый... Нет, не совсем белый, а как топленое молоко... цвет лица... А лицо было такое... такое... Даже не черты – очень красивые, но не в этом дело – торжественное лицо... Величавое... Как иногда у русских... А глаза – темные, но словно горели... Волосы выбивались из-под капюшона, были светлее глаз и – длинные-длинные... И еще помню – рука левая лежала на бортике... Совершенная рука. Ох, Гаянэ, я – художник, я каких только сверхкрасавиц на полотнах у великих не видела, но Она! Перед такой красотой всю жизнь следовало бы стоять на коленях! И Она плакала... Честное слово, плакала, Гаянэ! Я еще подумала, что у Нее тоже кто-то здесь лежит...

Пока Ия ворочала тяжелыми мозгами, Женщина вдруг тихо-тихо сказала:

- Страдаешь, Ия? – и в голосе зазвучала такая нежность, что Ию словно горячая волна обдала с ног до головы.

- Страдаю, – склонила она голову, мельком подумав, что нет ничего удивительного в том, что Женщина знает ее имя: ведь фотографии Ии, восходящей звезды живописи, теперь часто бывают в журналах... Или, может быть на выставке какой-нибудь видела...

- Не страдай, Ия.

- Как не страдать?!

И тут, захлебываясь болью, Ия вдруг стала сбивчиво рассказывать Женщине свою жизнь: как неудачно она складывалась, какие бездны отчаянья открывались перед ней, как чудесным образом встретила она того единственного, которого всю жизнь искала, и про все кровавые знаки того утра, и про обломки костей у него в легких...

- Иди к нему, – с любовью на нее глядя, сказала Женщина.

Ия махнула рукой:

- Не пускают, рвалась уже! – со слезами выкрикнула она.

- А Я говорю – пустят, – ответила Незнакомка. – Иди.

Ия буквально на три секунды отвела от Нее глаза, чтобы с сомнением взглянуть на дверь больницы, а когда перевела взгляд обратно – Женщина исчезла. Она не могла далеко уйти, Ия поискала Ее глазами, но никого не увидела. Тогда она вскочила, ощутив что-то неопишное, заметалась, а потом неожиданно для себя самой кинулась обратно в больницу.

Все получилось так, как обещала Женщина. Ию не только пустили, но даже проводили до палаты, где, опутанный с ног до головы трубками, лежал ее Джегар. И чудо не кончилось: ему вдруг полегчало, и сделанный через несколько дней повторный снимок это чудо документально зафиксировал: осколки сами собой встали на место, кости начали срастаться. Лечащий врач так и сказал: «Я хоть и атеист, но это – несомненное чудо».

А через полгода Ия с Джегаром поженились, явив собой изумленному миру очередное чудо идеальной пары...

- Ия, – замирая, спрашивала Гаянэ. – Ты думаешь, это была... Сама...

Подруга посмотрела таинственно и торжественно и сказала странные слова:

- Я заставляю себя так не думать. Кто я такая? Ведь Она Своим посещением удостаивает таких... А я? Кто я, чтобы Она ко мне пожелала явиться?

С тех пор Ия для Гаянэ стала чем-то вроде талисмана. С человеком, пережившим такое, общаться иногда бывало даже боязно... И все равно Гаянэ все настойчивее спрашивала себя: «Почему она, почему не я? Да и не только она – отовсюду слышу подобное... А мне все никак не достанется...».

Гаянэ вспоминала, как ее бабушка, долго болевшая, накануне смерти рассказывала ей, что видела ночью белую фигуру в ногах своей кровати – и тихо скончалась во сне следующим вечером.

Когда до замужества Гаянэ еще работала, потерял в автокатастрофе жену-журналистку доктор, которому она ассистировала. А спустя месяц после ее смерти, в редакцию газеты неожиданно пришла никому не известная старушка и захотела видеть ту журналистку. Старушке объяснили, что она погибла.

- Ох! – вскрикнула бабуля и опустилась на диван. – Вот, оказывается, почему я их собирала! Как увижу ее статью – так и кольнет меня что-то. Вырезаю – и в папку складываю... – и в доказательство она достала из сумки толстую кожаную папку, доверху набитую пожелтевшими вырезками из газеты – сплошь статьями той незаметной журналистки. – Ток от них шел какой-то... - растерянно пояснила старушка.

Другая знакомая Гаянэ – черноволосая и кареглазая, нежно любившая своего в масть подобранного мужа, с чего-то решила во время беременности, что у нее непременно родится сын с синими глазами. Над ней подшучивали – мол, изменила мужу с синеглазым-то! Подшучивали, прекрасно зная, что это чепуха – и уж как изумились, когда мальчишка действительно вылез синеглазый!

Но даже и такой мелочи с Гаянэ не случилось. Теперь уже трехлетняя, ее Ашхен ничем не выделялась среди сверстников: типичная армяночка. Вовремя улыбнулась, в срок пошла, когда положено – заговорила...

Так и не выпало на долю Гаянэ вещих снов, не случилось чудесных предвидений, не возникали призраки мертвых. Не было в жизни чуда – а она все ждала его, ждала и не знала, что скоро ей придется совершить его самой.

...День начался отвратительно. Всю ночь Гаянэ промаялась от жары, а утром из-за какой-то ерунды разругалась с Кареном. За завтраком произошла раздраженная перепалка, и в результате муж уехал на работу, не поцеловав ее – грозный признак, предвещавший недельное напряжение в доме.

Услышав, как под окнами завелась и, наконец, нервно отъехала его машина, Гаянэ вдруг с размаху треснула кулаком о подоконник. Потом еще раз. И еще. Только тогда ее чуть отпустило. Но ненадолго, потому что из детской раздался требовательный, призывный рев Ашхен. Гаянэ снова начала раздражаться, сообразив, что нерадивая няня опять опаздывает. Она нехотя поплелась к дочери, зло думая на ходу, что няню уволит, ребенка отдаст в детский сад, а сама вернется на работу. «Хватит... Хватит... Одичала за три года в четырех стенах...» – шептала она, пытаясь овладеть собой... Ей пришлось самостоятельно умыть, одеть и накормить Ашхен и, оставив ее в кухне, Гаянэ пошла к телефону, намереваясь сейчас же выложить няне все, что она думает, а проще говоря, сорвать на ней утреннее, вернее, еще ночное зло. Но до телефона Гаянэ дойти не успела,

потому что из кухни донесся грохот чего-то большого и, определенно, разбившегося, а вслед за тем протяжный вой Ашхен. По тембру и интонации воя Гаянэ догадалась, что с ребенком все в порядке.

«Нет, это уже совсем...» – процедила она, бегом возвращаясь обратно. Факт преступления был установлен сразу: Ашхен вздумала полакомиться домашним вареньем из трехлитровой банки, стоявшей на высокой полке. Результат оказался до противного банальным: банка выскользнула у нее из рук, облила ее вареньем от банта на макушке до беленьких носочков, а потом разбилась вдребезги. Гаянэ остервенела. Она схватила ревущего ребенка за руку, сдернула со стула и начала шлепать, вкладывая в это занятие абсолютно все свое сегодняшнее настроение. Закончив экзекуцию, она поволокла зашедшую от оскорбления Ашхен в ванную, выкрикивая слова, которые трехлетняя девочка едва ли могла понять. Гаянэ резко сорвала трубку душа и стала обильно поливать липкую Ашхен, не обращая внимания на усилившиеся вопли и все более и более распаляясь...

- Я тебе покажу, как мать не слушаться!..

И вдруг прямо перед глазами Гаянэ оклеенная кафелем стена отвалилась куда-то назад, в проеме на миг мелькнул солнечный свет, но тут же наступила крошечная тьма. Пол у нее под ногами резко встал вертикально, образовав пропасть, в которую она и соскользнула, выпустив от неожиданности из рук намыленное тельце дочери... Гаянэ чувствовала, что падает куда-то среди ужасающего грохота и темноты, а вокруг летает что-то тяжелое... Все это случилось так неожиданно и быстро, что страх не успел даже зародиться в ней...

Гаянэ осознала себя раньше, чем открыла глаза. В ушах звенело, трудно дышалось, но мысли постепенно начали выстраиваться в какой-то мучительной последовательности. «Землетрясение. Или ядерный взрыв, – поняла она, и тут ее ударило: Ашхен!». Вспыхнувший в ней ужас был так огромен, что вместо того, чтобы открыть глаза, она еще крепче зажмурилась. В голове все опять стало путаться, но открыть глаза и увидеть то, что произошло, было невозможно. Так их и не открывая, Гаянэ попробовала вздохнуть поглубже. У нее получилось, значит, во всяком случае, воздух здесь был. «Сначала попробую так разобраться, а потом уж посмотрю», – малодушно подумала Гаянэ, будто от того, взглянет она раньше или позже, что-то могло измениться.

«Землетрясение... Здесь...». Гаянэ сразу вспомнила, что бабушка ее застала сокрушительное землетрясение в Армении в конце прошлого века, и ужас его в ней, уцелевшей, так и сохранился до конца жизни. Чувства Гаянэ оставались еще притупленными. Невозможная правда о том, что это случилось с ней, доходила до ее потрясенного ума постепенно, не оглушая до предела. Она пошевелила сначала руками. С них осыпалось что-то легкое, и они благополучно согнулись во всех суставах. Гаянэ повела головой – шея тоже двигалась, и тогда она решила проверить ноги. В них не чувствовалось боли, но она их не ощутила... Сердце резко рванулось, и Гаянэ инстинктивно распахнула глаза. Сначала она ничего не увидела, ей показалось, что совершенно темно, но через несколько минут мрак стал рассеиваться, и она обнаружила, что лежит под обломками. Над ней образовалось нечто вроде небольшой пещеры, а ноги ее... Ноги ее придавлены перевернутой на бок застрявшей ванной... Ванна, вероятно, не раздробила кости, лишь намертво притиснула ноги к какой-то плите... Отчаянье навалилось на Гаянэ, такое тяжелое и огромное, точно ее душили подушкой. Она стала в панике грести руками, билась и мычала, пока левая рука ее не натолкнулась на что-то мягкое, что от толчка шевельнулось, вздохнуло и вымолвило: «М-мама...».

- Ашхен... – хрипло прошептала Гаянэ, но тут на нее нахлынуло, и она сорвалась на животный рев: – Ашхен!!!

Девочка зашевелилась бодрее, с нее тоже осыпались какие-то мелкие осколки, Ашхен приподнялась и поползла к обезумевшей матери. Когда она до нее добралась, Гаянэ судорожно вцепилась в стоявшего на четвереньках ребенка. Она убедилась, что это

– немыслимо! – ее Ашхен, живая, без единой царапины, и даже не очень испуганная – просто не осознавшая трагедии по малости лет. Еще переведя дух, позабыв про свои обездвиженные ноги, Гаянэ зарыдала:

- Жива, жива, жива... Господи, Господи, Господи...

Теперь, думала она, все хорошо: уже, наверное, полным ходом идут спасательные работы, их откопают, Ашхен жива, жива, жива... Прижав к себе чудом спасшуюся дочь, Гаянэ снова зажмурила глаза. «Это мой самый счастливый миг», – искреннее сказала она себе.

- ...Мама, а умирать больно?

Гаянэ приподняла веки, пытаясь стряхнуть волной накатившую дурноту.

- Больно, мама?

Гаянэ почувствовала, как в ее организме что-то шевельнулось. Так случилось, когда Гаянэ носила Ашхен, но сейчас это явно было что-то другое.

- Нет, – прошептала она. – Мы просто заснем...

Никогда, даже в самом тяжелом кошмаре, ей и привидеться не могло, что она произнесет такие слова своей дочери, и так спокойно, будто укладывая ее спать, говорила: «Засыпай скорей...». Гаянэ снова услышала легкий и ясный звон в голове и, проваливаясь куда-то, она еще успела подумать: «Только бы я первая...». Эта мысль уже не пугала. Гаянэ перешагнула порог физических страданий и находилась в состоянии мутного блаженства, из которого только иногда – и все реже, реже, – выводил слабеющий голос Ашхен: «Мама, пить хочу, пить...».

- Потерпи, потерпи... – шептала Гаянэ и таяла в мерцающем серебром – очень красивом - мире.

Она уже не пыталась, как вначале, колотить кулаком по ванне, не могла больше кричать в никуда: «Мы здесь! Мы здесь! Мы живы, живы!». «Со мной все ясно, – всего лишь устало думала она. – Синдром длительного раздавливания – вот как это называется...».

Первое время, когда не отступило отчаянье, когда слезы еще обильно текли по саднящим щекам – она с острой мукой думала о муже, где он сейчас, жив ли, ранен ли, о том, что поругались тогда так глупо, не знали, что... И об Ашхен, которая все ползала где-то рядом, трясла мать и повторяла то «мама», то «пить». Ужасная мысль приходила Гаянэ – что хорошо бы, сорвалась какая-нибудь балка с потолка их «пещеры» и убила бы Ашхен на месте, избавив от мученической смерти... И она пугалась этой навязчиво приходившей мысли и шептала: «Нет, Господи, нет, нет...». У них под обвалом становилось то чернильно-темно, то чуть светлело, и сперва Гаянэ отмечала, что там, наверху, ночь и день сменяют друг друга, но потом что-то приключилось со зрением, и перед глазами только мерцало в те все более и более короткие минуты, что она была в сознании. Никакого счета времени Гаянэ, конечно, вести не могла, хотя на руке и тикали насмешливо часы. А вскоре и эта забота отпала, остались лишь короткие проблески слабеющей жизни. Она успевала только улавливать, что ее живучий ребенок копошится где-то рядом...

...В который уже раз Гаянэ приоткрыла глаза. Ее сразу же опять куда-то властно повлекло, и она было покорно подчинилась этому, но вдруг молниеносная вспышка высветила ей мозг: «Ашхен». Девочка затихла. Гаянэ даже не пришлось прикладывать усилий к тому, чтобы полностью очнуться. Она сразу приподняла голову, туман хоть и не полностью исчез, но чуть рассеялся, и Гаянэ удалось различить в потемках неподвижный бугорок в полуметре от себя. Уже давно она могла говорить только свистящим шепотом, но в ту минуту голос прорезался сам собой:

- Ашхен!

Дочка ее не шевелилась, и Гаянэ, замерев на миг, подняла свою тяжелую руку и сжала детский локоток, пытаясь его встряхнуть и чувствуя, что быстро даже не сходит, а легко соскальзывает с ума. И в тот момент, когда она уже готова была завопить без слов,

Ашхен слабо шевельнулась. Гаянэ продолжала трясти ее с удвоенной, насколько это было возможно, силой. Девочка как-то по-особому протяжно простонала и проговорила:

- Там было так... светло... Я думала... что... умерла...

Гаянэ закрыла лицо руками. Сердце разом заколотилось, подняв целую бурю в ее, словно толченым стеклом набитой, груди.

«Нет, – простонала она. – Так не говорят трехлетние дети... Господи, что же это?!».

Сердце постепенно замедляло свой бешеный ритм, и вместе с этим в душе ее стало расти какое-то злое чувство – что-то вроде протеста или даже ненависти. Гаянэ еще раз глубоко вздохнула.

- Ты не умрешь, – совершенно спокойно сказала она. – Я не дам тебе умереть. Иди сюда.

Тельце Ашхен напряглось, и она стала медленно, с шуршанием продвигаться к маме. Правая рука Гаянэ шарилась среди обломков, пока пальцы не нащупали что-то острое – кажется, кусочек стекла. Ослабев даже от такого мизерного напряжения, она снова стала куда-то ускользать, но сжала стекло в ладони, намеренно причиняя себе боль. «Только бы успеть».

...Гаянэ долго не теряла сознания, лежала и думала о Той Женщине в синем плаще, Которую Ия видела у больницы. «Теперь я знаю», – говорила себе Гаянэ и сразу же мысленно обращалась к Той, Которую подразумевала, но не решалась назвать словом. Гаянэ просила Ее уже не о себе – про себя она как-то сразу бесповоротно решила, что лучше смерть, чем без ног, и успокоилась – она просила за дочь, просила неумело, ни одной молитвы не зная, повторяя единственное слово: «Заступись!» – и подумала вдруг, что не только они с Ашхен, но и сотни других людей, детей лежат теперь под обвалами и им, может быть, еще хуже, еще больнее, еще страшнее, чем ей, Гаянэ... Хуже? Больнее? Страшнее? Но если это так – что должны чувствовать эти люди?!

- Пощади, Пречистая! – прорыдала тогда Гаянэ. – Заступись за них перед Сыном Твоим!

Одной рукой Гаянэ крепко прижимала к себе головку Ашхен, а девочка жадно припала ртом к глубокой ране на внутренней стороне предплечья другой руки – той ране, что нанесла себе Гаянэ осколком стекла. Теперь она чувствовала, что пострадавшее ее малое дитя впитывает в себя ее кровь – и это и еда, и питье. А крови в ней, в Гаянэ, еще много, еще надолго хватит – и она уж по-старается не умереть, пока их не найдут. Слезы заливали ее щеки, но это не были слезы отчаянья и безысходности – но слезы любви к дочери и ко всем тем, кто ждал в те минуты помощи, как иона.

«Не умирайте! – шептала Гаянэ. – Пожалуйста, не умирайте! Держитесь...».

И снова Гаянэ тихо плакала, сокрушаясь, что не может никому помочь, забыв о своих бесчувственных, навеки отнявшихся ногах... Потом Гаянэ почувствовала, что Ашхен, как в те времена, когда она, грудная, насосавшись молока, отваливалась от материнской груди, так же со вздохом откинулась от кровоточившего разреза. «Выживет...» – проплыло в мозгу Гаянэ перед тем, как она опять впала в забытие.

Приходя в себя, Гаянэ интуитивно поднимала свое стекло, на котором лежала ее ладонь, и вновь, собрав все силы, вонзала его в левую руку, пригибая после этого голову дочери к тому месту, где ощущалась боль. Когда Гаянэ сделала это в последний раз, у нее мелькнула мысль, что она рассекла себе вену, и эта мысль порадовала ее: «Надолго хватит».

А обморочное состояние становилось уже другим. Она больше не исчезала в непроглядной тьме, а медленно парила, кружилась среди каких-то существ, похожих на людей, но было в этом что-то отталкивающее, отвратительное: все вокруг нее то вытягивалось в длину, то вдруг стремительно распухало до невероятных размеров, и то, что она никак не могла уловить это превращение, отчего-то мучило и мучило ее.

...Открыв глаза, Гаянэ не увидела темноты. Прямо перед ней сиял ослепительный свет, и последним всплеском земного сознания, она ясно поняла, что это – солнце – их

откопали. Она хотела рвануться к нему навстречу и действительно, вырвалась куда-то вверх и – увидела Ее. На Ней больше не было плаща с капюшоном, но Гаянэ знала, чувствовала и верила, что это – Та Самая, и Она зовет ее. И всем существом, радостная и озаренная, Гаянэ восторженно устремилась к Ней.

Продолжение дневника Иветты Сильвер

...Мое дружеское отношение явно ошеломило ее, и она вдруг полярно переменялась. Цепко, как котенок, ухватилась за мою руку, прижавшись к ней щекой, а потом и вовсе осмелев, бурно меня обняла – я даже удивилась. Грымза моя как раз в ту минуту вышла за чем-то в процедурную, и я успела поцеловать этого маленького чертенка в щеку.

Мальчиков – Василия и Дмитрия – привели вместе. Первый – немного увалень, немного воркующий кот, немного – русский маленький домовый с хитрой хваткой и основательностью во всем – в том, как деловито снял костюмчик и аккуратно сложил его на стуле, как опасливо, но с интересом влезал на весы, как пытался сходу обдурить гримзу, приподнявшись на цыпочки, когда она измеряла ему рост. Со мной он говорил обстоятельно, наплевав на то, что с английским у него еще далеко не все в порядке, но, как мне показалось, с какой-то пронизательной усмешкой. Я была – не могу подобрать другого слова – покорена этим маленьким мужичком. Я искренне пожалала ему на прощанье лапу и с удивлением обнаружила недетскую, уверенную силу его пожатия. Я ему тоже понравилась, это сразу стало понятно: он смотрел мне в глаза.

Последний, Дмитрий, вел себя так, как в моем понимании должен вести себя, скорее, американский ребенок, а не русский. Непохожие двойняшки – разнойцевые. Преувеличенно свободный, независимый и откровенный мальчик. В ответ на мои вопросы он ляпал первое, что приходило ему в голову и – улыбался. Кроме того, он совершенно, полностью и во всем был доволен собой, прямо-таки, обожал себя. Но это не мешало ему также полно обожать и других – меня, например. Не смотря на то, что мир уже успел довольно жестоко обидеть его, он без лишних проблем принимал его таким, какой он есть, и сумел хорошо приспособиться к действительности. Другие дети упрямылись, видя приближающуюся иглу для взятия крови из вены, а он с покладистым: «О'кей» протянул ручку моей мегере. Я погладила Диму (так он себя называет) по темной головке: это существо, вероятно, получило от Бога в дар умение немедленно располагать к себе сердца всех без исключения людей...

Василий и Дмитрий

Шутки кончились на третий день. Периодически еще случались мутные всплески черного юмора Игоря или Марины, но поскольку в ответ уже не звучало ничего похожего на смех, им тоже пришлось подчиниться всеобщему настроению... А первые два дня еще было ничего – интересно. Марина, веселый циник по природе, даже испытывала какое-то сложное удовольствие от сложившейся диковатой ситуации: четыре человека, связанные (скорей – запутанные) тяжелыми отношениями, похожими на затянувшийся предутренний кошмарик, вдруг оказались выброшенными за пределы цивилизации. На самом деле, они банально заблудились в обширном, чуть ли не девственном лесу, которые не все еще, оказывается, погублены в таинственной средней полосе России. Поначалу казалось, что они беззаботно бродят вокруг своего фантастического палаточного лагеря и вот-вот выйдут к фантазерам-уфологам, уже месяц талдычившим что-то об «аномальной зоне», и порадуют ребят четыремя полными корзинами аномально громадных грибов... Вообще, вся эта экспедиция казалась – да и была – анекдотом с самого начала. Нашлись какие-то люди, которые, вероятно, с крутого бодуна (а что здесь еще делать) завидели здесь чуть ли не эскадрилью летающих тарелок. Объявились радостные мечтатели, поверившие в это, разыскался среди них даже один такой пробивной, нашедший спонсора для длительного

турпохода. А уж искатели приключений, готовые носом пропахать малоисследованные леса с целью открыть в их недрах инопланетный космодром – они отбирались по конкурсу. И только когда разномастная экспедиция была почти полностью экипирована и нетерпеливо перебирала копытами, готовясь к старту, кто-то из руководителей вдруг ахнул: «А кто же увековечит это историческое событие?!». Бросились звонить в редакцию скандальной газетки «Неведомое» и нарвались на маявшуюся над издохшим компьютером Марину Одинцову.

Неугомонная романтическая душа ее взорвалась восторгом. Не то, чтобы Марина особенно верила в летающие тарелки (станешь скептиком – в такой-то газете), но ей очень улыбнулась заманчивая перспектива такой веселенькой прогулки за казенный счет.

- Да! – стараясь сдержать неумеренное веселье, ответила она телефонной трубке. – Мы вам дадим хороших журналистов! Самых лучших! Есть тут у нас такие ребята – муж и жена Одинцовы. Вы там только знайте, ищите тарелки, а они вам напишут! Здорово напишут! – и, набравшись вдохновенной наглости, почти что закричала в трубку: – Я диктую! Записывайте текст запроса!

Самое удивительное, что беспардонное вранье это сошло ей с рук. Получив через полчаса соответствующий факс, начальство даже не догадалось усомниться в том, что именно супруги Одинцовы лично приглашались корреспондентами в экспедицию. И как ладно все складывалось: экспедиция пришлась как раз на те самые шесть недель, на которые Одинцовы отправляли своих трехлетних Ваську и Митьку в детский оздоровительный санаторий в Италию – на это откладывали деньги всю долгую зиму. Марина танцевала по квартире с двумя командировочными удостоверениями в руках. Она порхала между детским открытым чемоданом и шкафом и напевала от счастья. Что же лучше! Васятка с Митяем поздравеют и загорят, в то время как их измочаленные за год родители вместо того, чтобы торчать пол июля и весь август в расплавленном от жары Петербурге, стряпать идиотские заметки по письмам впечатлительных граждан, проведут полтора месяца на лоне природы, вплотную занимаясь оплаченным ничегонеделаньем. В сентябре оба они возьмут законный и тоже оплаченный отпуск и всей семьей проведут его в Новгородской губернии, в избушке на курьих ножках, удачно приобретенной еще позапрошлым летом...

Марине хотелось петь. Она и пела: пела в самолете, потом – в поезде, потом в открытом джипе под палящим солнцем... Джип, наконец-то, довез их с Игорем по малопроезжей дороге до перевалочной базы, откуда только вертолетом можно было добраться до того места, где уфологи считали целесообразным разбить свой лагерь...

Но на выходе из джипа песня ее оборвалась, а ноги ослабели. «А это еще откуда?!» – трепыхнулась в ней растерянная мысль. Потому что непосредственно прямо перед ней, буквально в пяти метрах, стоял Миша. Собственной персоной. Испытывая страшное чувство обреченности, обернулась на мужа, и как раз вовремя, чтобы успеть пронаблюдать полностью весь процесс окаменения его лица. Когда-то они работали в «Неведомом» все вместе, и даже дружили: Игорь с Мариной и Миша со своей невестой Аллой. Одинцовы уже поженились, а у тех, других, дело семимильными шагами шло к свадьбе. Общение четырех счастливых людей, связанных, к тому же, общей любимой работой, всегда прекрасно. И длилось это года два – до рождения Васи и Мити Одинцовых. А после этого сверхзнаменательного события, как это часто случается, супружеское счастье Марины и Игоря дало ползучую трещину. Оба они заочно оканчивали факультет журналистики, и перед Мариной встала неприятная дилемма: брать академику аккуратно перед дипломом (а там – кто знает), или пытаться совмещать учебу с выращиванием грудных детей. Молодая и уверенная в себе Марина выбрала последнее. Надо ли говорить, что очень скоро она стала похожа на большое привидение. Ее заветные мечты съезжились, а потом распухли, превратившись в одну, но огромную: спать, спать... Если ей удавалось приклонить где-то голову, она отключалась мгновенно, но тут же подскакивала от истошного вопля одного из своих (а то и обоих разом) слишком ручных

деток. Она спала сидя, укачивая их у груди. Она спала стоя, катая детскую кроватку, и даже ухитрялась видеть сны. Она спала с открытыми глазами, гуляя с коляской, и однажды, присев в морозный день на скамейку и радуясь, что Васенька с Митенькой на этот раз спят, вроде бы, спокойно, и сама заснула, как колода, едва не замерзнув насмерть. А кроме пеленок, кашек, колыбельных песен и детских болезней, за ней тянулись штук девять хвостов по трудным предметам, а над головой топором палача нависал диплом. Помощь любящего супруга свелась к одному: он приносил ей из библиотеки книги по списку. От всего остального он надежно спрятался за толстой ширмой тех же экзаменов, зачетов и семинаров, пропадая с половины восьмого утра в редакции до десяти вечера в Публичке. А потом, после трудного дня, шел расслабляться, причем далеко не всегда в сугубо мужской компании. На Маринины истеричные претензии, что она тоже учит ся и еще практически одна растит малышей, следовал всегда один и тот же ответ:

- Так ты сама себе все это на шею повесила – я-то тут при чем?!

Теперь Марина и сама прекрасно понимала, что ноша, которую она на себя взвалила – непосильна. И только приобретенное в борьбе за жизнь упрямство человека, рано оставшегося без родителей, не позволяло ей пойти сдаваться в деканат. Так она и жила весь первый год после рождения сыновей – отупевшая, остервеневшая и копившая злобу на мужа – эгоиста и предателя. Но она не завалила экзаменов, потом ухитрилась защитить и диплом. Получив «корки», она с наслаждением швырнула их мужу в лицо:

- Вот! Вот за это твоя жена положила десять – нет, двадцать! – лет из будущей жизни! – выкрикнула она.

Любовь кончилась – так, думала Марина.

Теперь ей оставалось полгода отпуска, а там она отправит Ваську с Митькой в ясли и вернется в «Неведомое» – с победой и высшим образованием. А на мужа ей плевать – она не урод и не дура: надо будет – десять других найдет. Можно было позволить себе и маленькие радости жизни, например, ходить с детьми в гости к Алле и Мише, которые одни ее на свете и любят. Алла с Мишей оба ее понимали, жалели и поддерживали. Оба – до тех пор, пока Алла однажды не загремела в больницу, где из-за осложнившегося аппендицита застряла на месяц. И картина сложилась (только потом поняла это Марина) пошловатая: отвергнутый Игорь шлялся неизвестно где, Алла мучилась в больнице, а Миша и Марина изливали друг другу душу то у него, то у нее дома. И добро бы еще получился любовный треугольник – так нет же, в конце концов вышел классический квадрат...

Узнав об измене жены, Игорь, только что такой равнодушный, вдруг сошел с ума за один день. А отношения Миши и Марины к тому времени уже достигли той стадии, когда они оба начали серьезно обсуждать вопрос о том, чтобы каждому расстаться со своим супругом и начать совместную безоблачную жизнь. Развод Михаила облегчался еще и тем, что у них с Аллой не было детей.

Однажды в припадке безумия Игорь примчался к Алле в больницу, где выложил еще не вполне здоровой женщине все подробности обрушившегося на нее несчастья. В результате, из хирургического отделения несчастная Алла перекочевала в нервную клинику, а к метаниям Миши и Марины добавились жестокие угрызения совести. Счастье, если еще и маячило где-то в перспективе, то отодвинулось на неопределенный срок... А кончилось все ровно год назад одним ослепительным утром, когда Игорь, подкараулив влюбленную жену и соперника на улице, вдруг рухнул перед ними на колени при всем честном народе и стал умолять Марину вернуться. Он каялся во всех смертных грехах, обливаясь при этом самыми настоящими слезами. Потрясенная Марина заставила себя гадко ухмыльнуться и сказать:

- Слезы твои крокодилы! Пока я была твоей женой – ты топтал меня ногами! Вернись я к тебе – ты через месяц опять плюнешь и на меня и на детей! Вернись я к нему, как же!

В поисках поддержки она перевела глаза на возлюбленного. Смуглый темноволосый красавец Михаил, всегда такой шустрый и за словом в карман не лазавший, вдруг как-то весь скучился и инстинктивно подался назад. Весь его вид испуганно бормотал: «Это твоя, твоя проблема...». «Слабак! – четко сказал чей-то голос в Марининой голове. – Я никогда не пойду за него». На какой-то миг она потеряла духовную опору, но этого хватило, чтобы весь ее новый, заботливо пестуемый мирок рухнул и развалился как колосс на глиняных ногах. Ее же собственные ноги подкосились, и через минуту она с изумлением обнаружила себя перед Игорем на асфальте. Последовала неловкая и некрасивая возня, когда они пытались взаимно друг друга поднять, а красивый Мишенька в этот момент если и существовал, то в другом измерении. Игорь был грузен и неповоротлив, со стороны, вероятно, сцена выглядела вопиюще смешной. В конце концов, они неуклюже встали и бурно разрыдались, припав друг к другу. Марина подняла взгляд на мужа и увидела его, словно впервые. Его приятное лицо с зеленоватыми глазами за какие-то минуты снова сделалось ей остро родным, и дрожащим голосом она проговорила:

- Не здесь... Не здесь... Обсудим все у нас... дома...

«У нас дома» сорвалось само собой, только после Марина осознала смысл этих простых слов: они означали, что у них еще оставался где-то общий дом. Вернувшись из клиники, постаревшая на пять лет Алла немедленно уволилась из редакции, уведя за собой раскаявшегося укрощенного Михаила. Перебежчиков с распростертыми объятиями приняла конкурирующая газета. У Марины с Игорем повторился медовый месяц, растянувшийся на год: Игорь сдержал все обещания, радикально переменялся, превратившись в любящего мужа и внимательного отца. Вероятно, он понял, что по-настоящему любит свою семью, только потеряв ее, и теперь, заглаживая общую вину, старался делать для этой самой семьи буквально все... Недавняя драма постепенно стерлась из их памяти, вернее, залегла где-то на ее задворках, и Одинцовы были счастливы целый год. Аллу и Мишу они больше нигде не встречали: дружба покорно легла на жертвенник любви.

Когда, вылезая из машины, Марина нос к носу столкнулась с Мишей – это было подобно удару резиновой дубинкой. И все же, для полной сокрузительности чего-то не хватало. Но это оказалось легко поправимым: не успел еще у всех троих пройти шок от увиденного, как за спиной застывшего Миши неизвестно откуда воз никло совершенно белое лицо его жены Аллы...

Экспедиция явно терпела крах. Рамки энергично крутились, приборы зашкаливало, но дальше этого дело не шло. Даже самым закоренелым оптимистам к середине августа стало совершенно ясно, что через две недели придется вернуться с позором – то есть со стандартными для всех такого рода походов результатами. Кто-то что-то «определенно чувствовал». Кто-то чертил в палатке красным фломастером маловразумительные кривые. Но сереньких ушастых человечков, за которыми приехали, никто ни где не встречал, даже законченные фанатики. Но, в общем, все втайне были довольны: хотя бы отдохнули на казенный счет да поигрались в инопланетян. Никто ничего уже не искал: ловили рыбу, купались и собирали грибы-ягоды. Оставалось надеяться только на то, что человечки сами придут, если захотят... Рассказывали ужастики и анекдоты, жрали ночью водку у костра, а по утрам страдали отходняком. Все шло по накатанному сценарию. Руководители конфиденциально уламывали журналистов «не выдать» и написать что-нибудь впечатляющее, а публика, мол, все равно – стадо баранов и ничего не поймет. Марина, смеясь, соглашалась и уже думала только об одном: скорей бы, скорей бы кончилась эта двусмысленная пытка... У нее давно выветрились былые чувства к Мише, но иди теперь доказывай это Игорю и Алле! Когда выяснилось, что размахнувшиеся организаторы заказали корреспондентов сразу из двух газет, и в газете конкурентов выпал жребий ехать Игорю и Алле – пришлось снова уживаться. Был, правда, у Игоря на том

перевалочном пункте стремительный порыв бросить все на месте, схватить Марину и хоть пешком добираться до Петербурга, но этот пыл ему быстро остудили: сказали, что добираться – если не до Петербурга, то до железной дороги придется действительно пешком, потому что джип уже уехал и вернется через полтора месяца. Идите, мол, пожалуйста, только не забудьте, что это сто пятьдесят километров по лесу. Четверка промолчала весь день – сначала в вертолете, потом в лагере – но, перестрадав, стала опять понемногу общаться, хотя и очень отчужденно поначалу. А как-то вечером, хорошенько выпив, порешили: что было – то было, было – да быльем поросло, кто старое помянет – тому глаз вон – и все в таком духе... Кроме того, их стало болезненно и извращенно тянуть друг к другу, всех четверых. Так доставляет иногда удовольствие отковыривать зудящую корочку на припекшейся ранке, или смотреть вниз с ледящего душу обрыва. Общение их через месяц сделалось даже мучительно-приятным, превратясь в разновидность мазохизма. Так они и держались все как-то вместе, прослыв среди уфологов неразлучными друзьями. Вместе и заблудились в конце августа в плохо проходимом и практически незнакомом лесу.

Сначала никто из четверых в это просто не поверил. Все показалось каким-то сиюминутным недоразумением, которое вот-вот разрешится. Во всяком случае, никому и в голову не приходило испугаться и хоть на минуту предположить, что все это может и не кончиться благополучно. Но когда уже стало заметно темнеть, а они еще устало бродили, а яркие палатки их лагеря все не возникали среди деревьев, только тогда на лицах стала про ступать растерянность. Шедший впереди Игорь вдруг резко встал, и все с готовностью тоже остановились, потому что усталость становилась предельной.

- Все ребята, привал, – скомандовал он и сел там, где стоял.

Женщины сразу послушно повалились на мох, а Миша помедлил подчиняться, не желая признавать за бывшим соперником теперь еще и лидерство. Он постоял немного, прислонившись к дереву, и лишь потом медленно сел, словно по собственному решению. Все молчали, озадаченно и недоверчиво переглядываясь. Все же нужно было обсудить создавшееся неправдоподобное положение, и Марина решила нарушить молчание:

- Ребята, по-моему, всем ясно, что мы тут заблудились.

Алла вздрогнула и отвернулась. Миша покосился и не сказал ничего. Игорь кивнул и промолчал. На самом деле он, хотя и был достаточно сильным человеком, но на лидера явно не тянул. Молчание испугало Марину сильнее, чем сам факт случившегося, она подспудно поняла, что их загнанный внутрь конфликт, с которым они кое-как справлялись в лагере, в экстремальной ситуации выполз наружу и заявил о себе. С этим надо было что-то делать, и срочно, иначе...

- Вот что, – тихо начала Марина. – Сейчас придется назвать вещи своими именами... – она остановилась, совершенно не представляя, как же именно назвать эти вещи, но видя, что поддержки никакой, бросилась в омут головой: – В лагере каждый носил это в себе, а здесь, если так будет продолжаться... Ребята, мы разъедемся и больше не встретимся, это точно, а сейчас... Сейчас мы должны отсюда выбраться! Здесь не поселок в питерской губернии! Если мы будем все друг друга тихо ненавидеть... Словом мы, если захотим, ненавидеть будем потом, а сейчас мы должны выйти! А это мы сможем сделать только вместе!

Мужчины перекинулись мрачными взглядами и опять промолчали, зато Алла на которую меньше всего рассчитывала Марина, женщина, в которой она привыкла видеть врага, выжидающего удобного момента для удара – эта женщина вдруг улыбнулась ей:

- Дело говоришь, Мариша. И правда, мужики, потом решим личные проблемы, у нас и без них положение достаточно идиотское.

- Если хотите – можете потом друг другу морду набить, – добавила Марина. Игорь с Мишей на миг встретились глазами и, оба не дураки, поняли всю глупость ситуации.

- Ладно, мир... пока... – пробормотал Миша, глядя исподлобья.

Все быстро и нервно хохотнули.

- Сменим тему, – сказал Игорь. – Пусть каждый выскажет свои соображения про... – он неопределенно обвел руками пространство.

Соображения оказались малоутешительными. Все четверо – сугубо городские жители не имели ровно никакого понятия, как определять свое положение в дремучем лесу, тайге. Кроме того, никто даже не потрудился запомнить, в каком направлении шли изначально – ведь углубляться в лес не собирались. Положение затруднялось тем, что им нужно было искать не поселок, не деревню, а крошечный пятачок палаточного лагеря на берегу болотистой заводи.

- Нереально, – сказал Михаил. – Его мы не найдем, это точно. Нам нужен хоть какой-нибудь населенный пункт – ведь есть же здесь где-то человеческое жилье...

- Б-брось... – постепенно осмыслив положение, Алла даже начала заикаться. – Ты драматизируешь... Мы, наверное, кругами вокруг лагеря ходим и выйдем скоро.

- Не сегодня, – угрюмо вставила Марина. – Скоро будет такая тьма, что хоть глаз коли.

Даже в сумерках она увидела широко распахнувшиеся глаза Аллы.

- Ты что, хочешь сказать, что мы здесь будем... Ты что, Мариша?! – прижав ладони к щекам прошептала та.

- Очень на то похоже, – стараясь быть твердым, отозвался Игорь.

Все опять враз смолкли, прислушиваясь к себе и темнеющему, грозно обступившему их со всех сторон незнакомому лесу. Птицы затихли. Ни одна веточка не шевелилась. Где-то потрескивал валежник – будто под мягкой лапой зверя. Звенели, не подлетая близко, комары – они боялись вонючей мази. Совсем близко в траве что-то прошуршало и, не успев еще пройти мгновенный испуг, как откуда-то из недр чащи раздался короткий тонкий вскрик животного.

- Жутко... – одними губами выговорила Марина.

- Идиоты! Идиоты! Костер, костер надо! – прозвучал из сгущающейся темноты севший со страху голос Аллы.

Городские бестолочи даже костра разложить толком не умели: вышло больше дыма, чем огня. Игорь утверждал, что это оттого, что валежник сырой, ведь лес-то болотистый... Когда все, наконец, расположились вокруг чадившего огня, то снова стали подводить итоги, для начала выложив все, что нашлось в карманах, а именно: пузырек от лекарства, наполненный солью, лосьон от комаров – совсем чуть-чуть, четыре одноразовых зажигалки, маленький моток бечевки и ножик. Помявшись, Миша вытащил из заднего кармана джинсов плоскую фляжку с коньяком, а Марина с оттенком издевки сообщила, что у нее есть кошелечек с помадой и зеркальцем...

- Н-да, негусто... – протянул Игорь.

- Ничего, зато я теперь знаю, откуда берутся снежные человеки, – почти весело сказал Миша. – Это одичавшие уфологи...

- Слушайте, они ведь нас хватятся! Искать будут! – догадалась Алла.

- Искать – нас, а найдут четырех снежных людей, – гнул свое Миша. – Вот и окажется, что не зря съездили. Мы к тому времени шерстью обрасти успеем...

- Ты что, издеваешься? – процедила Марина. – Ты лучше скажи, что мы тут жрать будем!

- Грибы. Соль у нас есть. Шашлык вам сделаю – пальчики оближете, – Миша явно не падал духом.

- М-м... может, можно здесь зверя какого забить? – неуверенно предложила Алла.

- Ага, перочинным ножом. И желательно медведя – чего уж мелочиться, – ответил ей Игорь.

При слове «медведь» все приуныли.

Но великое есть свойство у огня – возвращать людям спокойствие духа. И, какой бы маленький ни был у них костерок, а все же он показался им оплотом надежности, гарантией жизни и тепла. Они действительно пожарили грибы, и даже не очень противно

получилось, а потом устроили себе подобие постели из наломанных веток и завалились спать. Игорь с Мишей сменяли друг друга ночью для охраны и поддержания огня.

Марина засыпала, тесно прижавшись к потенциальному своему врагу Алле, и последним ее предсонным ощущением было все-таки блаженство: «Конечно, ерунда какая-то. Завтра выползем куда-нибудь. Зато под старость будет, что внукам рассказать». Второй день прошел под знаком истеричного смеха и жажды. Последняя еще не стала настолько ужасной, чтобы жадно пить болотную воду, и поэтому когда – кто-нибудь останавливался у грязной лужи и говорил: «Все, не могу больше!» – ему хором кричали: «Не пей водицы из козьего копытца!» Все старались улыбаться, правда, улыбки получались уже несколько вымученными. Безвыходность положения (на этот раз – в прямом смысле: от слова «выход») постепенно стала доходить до всех сердец... Они уже не спорили на тему «куда идти», а молча шли вперед, решив, что какой бы ни был лес, когда-то должен же он кончиться! Почва под ногами понемногу становилась суше, деревья – веселее, и вдруг Игорь, упрямо возглавлявший шествие, замер на месте и, словно не веря себе, выговорил:

- Ребята, вода... Там озеро, честное слово...

Вмиг ожив, обгоняя друг-друга, остальные путники рванули вперед и скоро уже стояли на коленях у кромки лесного озера, как ненормальные, плескали себе в лицо относительно чистой водой и даже не пили, а скорее, лакали ее, как африканские животные, после засухи дорвавшиеся до водопоя...

Когда первая вспышка счастья потухла, все отползли от воды и отдышались, Марина, переглянувшись с Игорем, предложила:

- Ну что – давайте здесь ночевать? Вечер близится, неблагоприятно до утра отходить от воды...

- Да уж куда мы отсюда пойдем, – поддержал заметно сникший на второй день Миша.

Он отполз еще немного в сторону и стал стаскивать сапоги с носками. Он делал это, повернувшись ко всем спиной, но Игорь, исподтишка следивший за ним, глянул на его ноги и содрогнулся: пальцы Михаила оказались сплошь покрыты кровавыми пузырями.

Перехватив его взгляд, Миша сделал попытку улыбнуться и сказал, указывая на сапоги:

- Тяжелые, с-собаки...

Но никакой небрежности в его голосе не послышалось. Получилась горькая жалоба.

Игорь сразу позабыл, что передним чело век, едва не уведший у него жену. Он присвистнул – как мог Мишка идти с такими ногами! Поглядела и Алла. Она тут же охнула, вскочила и засуежилась:

- Господи, Мишенька! – причитала она. – Может, листиками обернем?! Или вот что: сядь на берег, опусти ноги в воду... А завтра-то как, Боже?!

Михаил посмотрел на всех виновато: он знал, что хромящий человек с натертыми ногами – тяжкая обуза для их маленького отряда.

- Не надо листиков – вдруг хмуро сказала Марина. – Вот, – и она протянула Алле на ладони пакетик с бактерицидным лейкопластырем. – В кошелочке у меня оказался.

Отдав пластырь вскрикнувшей от радости Алле, она вдруг круто развернулась и пошла вдоль озера к дальним кустам.

Игорь хватился жены примерно через полчаса, когда встал вопрос об очередном грибном «шашлыке». Он нашел ее в высокой траве на берегу. Она сидела, опустив в воду голые ноги, и тихонечко, почти шепотом, постанывала. Игорь тронул ее за плечо, жена подняла к нему лицо, и он поразился незнакомому стальному отблеску в ее глазах.

- Иди отсюда. Слышишь? – тихо велела она.

Игорь почувствовал, как внутри у него екнуло. Он спросил, изо всех сил стараясь придать голосу мягкость:

- Что с тобой, Мариша?

Но она отвернулась.

- Ноги устали? – приставал он.

Марина опять повернула к нему лицо с тою же сталью во взгляде и, криво усмехнувшись, сказала со скрытым вызовом:

- Устали, говоришь?

Она разом подняла обе ноги над водой и тут же опустила их обратно. А Игорь зажмурился, потому что успел разглядеть множество кровавых волдырей, таких же, как и у Миши, только больше... Его голос внезапно сел, и он прошептал сипло:

- Но ведь у тебя же есть еще... пластырь... – это был не вопрос, а вернее, мольба.

Но Марина покачала головой.

У Игоря и вовсе пропал голос, он обмяк рядом с женой и кое-как выдавил:

- Но как же... ты... ему... отдала?..

Марина не ответила.

Что-то нехорошее шевельнулось в душе Игоря, да так резко, что способность говорить сразу к нему вернулась.

- А, я понял. Ты его еще... любишь! – сказал он, еще в процессе говорения поняв, что брякнул глупость и гадость.

Он вдруг вспомнил. Три года назад Марина рожала Васеньку и Митеньку в роддоме. Она панически боялась родовых мук, и он, позанимав кругом, оплатил ей полное обезболивание – новейший метод, стоивший баснословных денег. Как положено, Игорь привез жену в родильное отделение, но за собой Марина его не пустила («Не хочу, чтоб ты видел»). Он маялся в холле, прикуривая одну сигарету от другой, когда к нему выбежала акушерка с круглыми глазами:

- Господин Одинцов! Господин Одинцов! Кажется, ваша жена сошла с ума! Ради Бога, убедите ее этого не делать!

Выяснилось, что роды у Марины, не смотря на двойню, пошли редкостно легко – настолько, что обезболивания еще не применяли. Зато в соседней предродовой палате исходила на крик роженица и, как поделился с Мариной кто-то из санитаров, страдальца мучилась вторые сутки и все никак не могла разродиться – чего только не делали. За обезболивание ей платить было нечем. Тогда Марина решительно взяла врача за рукав и категоричным тоном велела делать обезболивание вместо себя той несчастной женщине, чьего лица она даже не видала. А сама, мол, она потерпит. И как ни уговаривали Марину чуть не все врачи и сестры, как ни обзывал ее Игорь сентиментальной идиоткой, Марина каменно стояла на своем – вернее, просто никого не слушали и повторяла: «Вы тут со мной спорите, а время идет, а она кричит, кричит!». Три года назад Игорь в сердцах плюнул и сказал: «Ничего, сама еще завоешь – вот тогда пожалеешь... Дура!!!».

А теперь, глядя в ее нахмуренное лицо, он ощутил прилив нежности и, притянув жену к себе, вдруг сам запричитал по-бабьи:

- Что же делать-то, Мариша?! Что ж делать-то будем?!

Марина отозвалась таким голосом, каким говорят, когда пытаются сдержать слезы:

- Не сердись. Тебе не придется меня тащить. Я это сделала, потому что... виновата перед ними обоими. Только поэтому...

Игорь, во всем раскаявшийся, прижал ее голову к своей груди,

- Только не говори им... Не говори... Не говори... – скорее почувствовал он, чем расслышал ее слова.

...Да, на третий день стало не до шуток. Марина, хоть и тащилась позади всех, еще пыталась мрачно шутить. Игорь с деланным воодушевлением поддерживал ее остроты, но никак не мог поймать взгляда жены: глаза Марины будто потухли. Игорь прекрасно понимал, что именно она испытывает, ужасался в душе и знал, что как бы она ни храбрилась – боль все равно рано или поздно заставит ее сдаться, и тогда начнется кошмар для всех.

Воду несли в полиэтиленовом дождевике Аллы, и теперь эта вода, казавшаяся такой прозрачной в озере, выглядела мутно-зеленовато-коричневой, и четверо несчастных старались не думать о том, сколько микробов она в себе содержит...

А между тем лес снова переменялся. Они опять попали в болотистые места, а деревья были похожи на полуистлевших мертвецов. Покрытые лишаем, уродливые и кривые, они пугали всех. Кроме того, ребята обратили внимание, что в этом лесу не слышалось даже птичьих голосов. Если раньше они шли на некотором расстоянии друг от друга, то теперь, не сговариваясь, сбились в плотную кучку и почему-то старались даже ступать тише. Наконец, остановились передохнуть.

- Слушайте, мы явно не туда идем, – нервно прошептала Алла. – Давайте повернем, здесь... страшно.

Им казалось, что они действительно повернули, и повернули давно, но лес вокруг оставался таким же – безжизненным и открыто враждебным. Даже грибы не попадались больше, но окружающий ужас был так велик, что это волновало меньше всего. Наконец, Алла не выдержала:

- Ребята, мы кругами ходим! – со слезами в голосе сказала она. – Нам не выйти! Никогда не выйти! Разве вы не видите, какое это место...

- Гиблое, – закончил Миша без тени шутки.

- Гиблое, – серьезно повторил Игорь.

Марине по инерции захотелось произнести то же самое, но она сдержалась – этого еще не хватало! Парадокс заключался в том, что она, по сравнению с другими, находилась в более выгодном положении: боль в натертых ногах настолько ее мучила, что общее ощущение едва ли не мистического ужаса не проняло ее так, как остальных. Поэтому она и удивила всех своей неожиданной бодростью.

- Нет гиблых мест, есть люди, которые сдаются. Вперед! – скомандовала Марина.

Но никто энтузиазма не проявил.

- Нет уж... отдохнем сначала... – с непонятым раздражением сказала Алла.

Вот тут дважды приглашать никого не пришлось: все опять рухнули на ближайшие кочки. И в этот момент Миша громко закричал. По тому, как прозвучал этот крик – почти по-детски болезненно и испуганно, все поняли, что случилось что-то ужасное. Миша в панике прижимал к груди правую руку, а глаза его лезли из орбит.

Алла первая подскочила к нему, Одинцовы за ней.

- Что?! Что?! Что?! – наперебой спрашивали все, но лишь минуты через две Миша разжал сведенные губы и выдавил:

- Змея...

- Укусила?! – не своим голосом завопила Алла, и Миша затрясся, кивая головой.

Несколько секунд, а может быть, даже и минут, все находились в состоянии какого-то оцепенения, а потом Алла вдруг покачнулась и медленно осела, устремив на Мишу неподвижный взгляд. Она явно была в предобмороке, но ее движение заставило встрепенуться Игоря и Марину. Игорь выхватил из кармана нож, а Марина стала выдирать резиновый ремень из своих джинсов. Вдвоем они методично принялись за дело. Оглушенный и отупевший от боли Миша не сопротивлялся. Игорь зажал его руку между коленями и, увидав два маленьких следа укуса на кисти, без лишних слов глубоко распорол между ними живое тело. Хлынула кровь, Миша дернулся, но, не обращая внимания на его стоны и невнятные проклятия, Игорь изо всех сил выдавливал кровь, стараясь гнать ее от локтя. Он почти остервенел от этой работы, на губах появилось нечто вроде оскалившейся улыбки. Случайно взглянув на него, Марина задалась вопросом – а не радуется ли ее муж, не выглядит ли все это кровавой местью сопернику? Она приблизилась, держа в руках свой ремень. Не оборачиваясь, ее муж приказал:

- Жгут. Выше того места, где я держу.

В тот же миг все это время так и просидевшая на земле Алла без звука повалилась набок.

Миша умер в полдень на четвертые сутки похода. Вернее, они это в полдень обнаружили, а умер он, может, и раньше...

С момента несчастья ни о каком отдыхе и речи быть не могло. Соорудили носилки из двух молоденьких елок и трех привязанных к ним курток, Игорь ухватился спереди, женщины вдвоем – сзади, и так шли вперед остаток дня и почти всю ночь, натываясь на деревья, и первую половину следующего дня.

Алла передвигалась, как в бреду, и Марина, косясь в ее сторону, не решалась говорить слова утешения и ободрения – таким отрешенным стало лицо ее бывшей подруги. Алла не плакала, но из своего пугающего оцепенения тоже не выходила – молчала и молчала. Всю воду из дождевика чуть ли не насильно спои́ли Мише – кто-то из них слышал, что укушенному необходимо много жидкости...

Но ничто не помогало, рука безобразно раздулась и почернела, а когда в положенное время сняли жгут, признаки интоксикации появились почти молниеносно. Сначала Миша еще жаловался, что больно ему и плохо, но все же это были, вероятно, не запредельные страдания. А вскоре он впал в протрацию и лишь медленно поводил головой. Сами страдая от голода, жажды и крайней усталости, Марина, Алла и Игорь останавливались на четверть часа, чтобы отдышаться, а потом без слов, лишь переглянувшись, снова дружно брались за носилки и продолжали свой путь в никуда. Тишину нарушал лишь треск их тяжелых шагов, да изредка – протяжный стон Миши, лежавшего в беспомощности. Чувства их и желания притупились. Затуманилась даже надежда на чудо, которой жили они последние страшные сутки. А шли они потому, что оставались еще людьми и знали, что вот так идти – это просто долг. И ничего больше. Мишино лицо давно побелело и заострилось, но за сутки к нему такому уже успели привыкнуть и поэтому, вероятно, последние часа два несли его уже мертвого. Просто во время очередной короткой остановки Игорю пришло в голову зачем-то прикоснуться к страдальцу, и он вдруг ощутил, что Миша гораздо холоднее, чем может быть просто очень замерзший человек...

В другой ситуации это могло бы вызвать в Игоре приступ ужаса – он не поверил бы себе и десять раз себя проверял бы – хватался за мертвую руку, или припадал к груди. Но здесь он выпрямился и произнес спокойно только два слова:

- Все. Отмучился.

Игорь боялся и думать о реакции женщин, но, к его вялому удивлению, они даже не вскрикнули. Тихо подошла Алла. Присев рядом с носилками, она положила руку мученику на лоб и так и осталась сидеть с совершенно не изменившимся лицом. А Марина даже не приблизилась, только смотрела в упор на Мишина лицо. Игорь сел и закурил. На всех оставалось еще около полпачки сигарет, а экономить они не видели смысла. Он равнодушно переводил взгляд с одной женщины на другую. Марина, мать его детей, и Алла, бывший товарищ по несчастью, казались почти одинаковыми: обе светловолосые, высокие, ладные, с правильными лицами и большими серыми глазами.

«Раньше я не замечал, что они похожи, – лениво подумал Игорь, но сразу спохватился: – Что это я, о чем?! Ведь Мишка же умер, умер Мишка!».

Игорь старался вызвать в себе хоть какое-то подобие боли или горя, но душа как корой покрылась. Он вынужден был признаться сам себе, что испытал даже облегчение – нет, не замешанное на их конфликте, а чисто физическое: идти станет легче, не надо его тащить... Так бывает в семье, где умрет давно и тяжело болевший, впавший в детство старик: умер – и всем облегчение, а ему – больше всех. Игорь с помощью женщин нес Мишу почти сутки и почти без отдыха, и за сколько лет тяжелой болезнью считать эти сутки – этого он теперь и помыслить не мог... Подошла Марина, прикоснулась к его плечу, тихо сказала:

- Вставай, хоронить будем...

Игорь поднял на нее глаза и ясно понял, что ощущения жены идентичны его собственным. Он расковыривал податливую, влажную почву ножом, а женщины споро

выгребали разрыхленную землю. Заминка вышла только тогда, когда прикрытого курткой Мишу пора было опускать в неглубокую могилу.

- Ребята, – вдруг буднично заговорила Алла, час назад овдовевшая женщина. – Как же, не отпевая-то? Нехорошо... Молитву бы какую прочесть...

Марина наклонила голову. Отец ее много лет назад ушел из семьи, она ничего не знала о нем, а вот похороны мамы десять лет назад остались одним из самых живых воспоминаний. Но тогда она рыдала до обморока – шестнадцатилетняя девочка, оставшаяся в мире одна, а сейчас ничего в ней не шевельнулось. Совсем ничего. Она сказала:

- Священника нет, придется по-простому... – Она помолчала и продолжила: – Господи, упокой душу новопреставленного раба Твоего Михаила... Прости ему грехи его – вольные и невольные... Даруй ему... и всем православным, от века усопшим, Царствие Небесное. Аминь, – она перекрестилась, Алла с Игорем последовали ее примеру.

В Марине внезапно всплыли еще слова – простые и великие, и она шепотом произнесла их:

- Христос воскресе их мертвых, смертью смерть поправ... И сущим во гробех живот даровав...

И – странное дело – не успела она и закончить эту фразу, как что-то обожгло ее изнутри, и слезы неожиданно хлынули из глаз. Сквозь слезы она увидела совсем близко искаженное лицо Аллы, которое она закрывала обеими руками. Женщины инстинктивно рванулись друг к другу и, обнявшись, зарыдали. Подошел Игорь, тоже обнял обеих и смотрел, смотрел вверх их голов на того, кому обе они принадлежали, и чья смерть только и примирила их... «Теперь уж насовсем...» – сказал он себе.

А ночью Алле стало плохо. Она робко разбудила почти бесчувственно спавшую Марину и безо всяких предисловий вдруг сказала:

- Мариш... А я ведь тоже скоро умру.

Сказала – и откинулась на спину, устремив глаза вверх, к чуть посветлевшему над верхушками деревьев небу с единственной яркой звездой на нем.

Сон слетел с Марины, она поднялась на локте, тормоша Аллу:

- Ты чего это удумала? Не дури... Выйдем – куда денемся... Кончится же этот чертов лес. Да и ищут нас, наверное...

- Я не о том, – говорила Алла ровно и безмятежно. – Понимаешь, я лежу вся в крови. Ты не знаешь. Я... беременна. Третий месяц. А час назад проснулась и поняла – все. Кровь идет. Я чувствую.

Охваченная ужасом Марина медленно села и обхватила голову руками. Она еще не успела объять умом всего размера катастрофы. Чтобы хоть что-то сказать – пролепетала:

- Алла... Но ведь это – проходит...

В полутьме она уловила кривенькую усмешку на губах подруги, услышала все тот же спокойный голос:

- Я не дура. В больнице меня бы спасли. А здесь – никаких шансов. Знаешь, я даже боли почти не чувствую – так отупела за эти дни...

А Марина уже не слушала Аллу. Она с криком трясла Игоря. Он проснулся, но что он мог сделать...

Пятый и шестой день никуда не шли. Опять обнаружили рядом грязное озерцо, да разыскали с десятков водянистых болотных подберезовиков, хотя голод уже отступал. Они словно плавно переходили в мир, где никакие земные чувства не могли коснуться. Алла ни на что не жаловалась, пила много воды из Мишиной плоской бутылочки и тихо, постепенно уходила. Когда под ней образовывалась лужа крови, Аллу переносили в сторону. Скоро маленькая полянка уже почти вся была покрыта бурыми пятнами... Ни Игорь, ни Марина не уловили момента Аллиной смерти. Просто вдруг увидели наутро тихое и просветленное лицо Аллы. Человека с таким лицом и трогать не нужно: им сразу

стало все ясно. А скорбный опыт похорон и заупокойной молитвы в лесу у них уже имелся...

У Марины вообще не было часов, а Игоревы встали на восьмые сутки блуждания. Хороня покойных, никому не приходило в голову снимать с них часы, и вот теперь они могли определять время только приблизительно. После двух смертей это уже не было потерей.

Муж и жена шли еще сколько-то суток, и однажды случилось так, что никто из них не мог точно сказать, который день они плутают в мучениях. Ночь сменяла день и опять возвращалась, и рождала новое утро, но эта бесконечная цепь превращений утратила для двух несчастных и смысл и значение... Оба до неузнаваемости грязные, с почерневшими лицами, в драной одежде, распространявшие страшный запах, в кровь расчесав искусанные мошкаркой и комарами лица, отчего покрытые запекшейся кровавой коркой, с иссохшими, в трещинах, губами – такими шли муж и жена Одинцовы по своим последним дням. Остались ли у них еще чувства? Бог знает.

Уже неизвестно, на какой день – в вечности нет времени – заболела и Марина. Ее неукротимо, как беременную по утрам, рвало – сказала-таки, наверное, грязная болотная вода, и после каждого приступа, когда ее выкручивало в судорогах, Марина думала, что уж не встанет. Думала, что не встанет, но всякий раз вставала, сама не знала, чем держалась – возможно, только одним: оставался же где-то живой мир за пределами их личного Тартара, и в том мире где-то ждали ее сыночки Васятка и Митенька. Марина цеплялась, висла на рукаве мужа, но он и сам уже еле переставлял ноги – никудышная опора...

А у Игоря голова начинала периодами приятно туманиться, и он так шел, а очнувшись, удивлялся – где это он, и что это с ними обоими.

И все же, в какое-то утро тело Марины отказалось подчиниться ей. Они лежали рядышком в сухой лощине под колючими мохнатыми кустами.

- Игорь, ты любишь меня?.. – раздался еле слышный голос в тишине.

Он приподнялся и стал внимательно разглядывать ее. В том, что лежало перед Игорем, не было ничего похожего на его жену Марину. Он видел живые человеческие останки, и то вечное, что запуталось и трепыхалось в них, никак не могло их покинуть, хотя и рвалось наружу...

- Люблю, Мариша...

- Тогда иди... – прозвучало в ответ. – Детки там... Одни... Наши детки... Иди к ним. Иди.

Игорь ничего не ответил. Он послушно поднялся на четвереньки, а потом и на ноги, не сразу правда – попытки с четвертой или пятой. Постоял, шатаясь, и услышал опять:

- Только дойди... Бога ради – дойди...

- Я вернусь, Мариша, – зачем-то соврал он, но знал, что иначе не уйти. – Скоро, скоро вернусь...

Быстро или медленно он шел, как падал, как вставал и тащился, хватаясь за ветки, дальше – ничего этого Игорь не помнил, когда вдруг впереди увидел просвет. Кусты понемногу расступились, пропуская его, а вдали за ними, как наугад найденный рай, возникла маленькая деревня. Огоньки ее, качаясь, приближались и приближались, и вот уже грянул впереди неистовый собачий лай, вмиг охвативший всю деревню, и невдалеке прорезались человеческие голоса. А Игорь все шел и шел вперед, и уже знал, что сделал, как она сказала – но только вдруг в груди его что-то быстро и безболезненно разорвалось, и после свистящей темноты он снова увидел эти огоньки, услышал лай и голоса – но было это все уже далеко-далеко внизу.

Продолжение дневника Иветты Сильвер

Когда дверь за последними детьми закрылась, я опять встретилась с неопределенным взглядом своей надзирательницы. Я так и читала по ее лицу желание вкатить мне немедленный суровый выговор, но поскольку по условиям игры, я все же была ее прямой начальницей, она ограничилась только сухой фразой:

- Д-р Райт, мне казалось, что настоящий эксперимент не предполагает э-э... такого мягкого обращения с подопытными детьми.

Тут я напомнила себе, что я-таки д-р Райт, и ответила как полагается:

- Замолчите, сестра и займитесь своим делом, – (даже необходимый металл откуда-то взялся в моем голосе). – Вы, вероятно, не знаете, что для лучшего проникновения в характер испытуемого необходимо с самого начала раскрыть его личные качества. Так же, как и вы, я прошла специальную подготовку, и прошу не указывать мне, как именно я должна работать!

Грымза поджала губы и отвернулась, а я перепугалась: нельзя, нельзя наживать себе здесь личных врагов! Я встала и выскочила в операционную. Там я прислонилась к кафельной стене, чувствуя, как подступают слезы. Я сжала кулаки, но ничего не могла с собой поделать. «Сволочи! – клокотало во мне. – Отобрать для своего опыта самых светлых, самых чистых детей! И ведь знали, что делали! Потому что, если уж с этими получится – так с другими и подавно! Ну, нет, я не позволю над ними надругаться... Костями лягу – а не позволю! Будьте вы прокляты во веки веком, варвары! Будь ты проклят, Менелак Борух!..».

- Вы плохо себя почувствовали, д-р Райт? – возникло передо мной уже ненавистное лицо сестры Минны.

«Сейчас, или никогда! Или она мне здесь все испортит!» – пронеслось у меня в голове.

- Нет, сестра Минна, – кротко ответила я. – Мне просто стало стыдно: я так резко говорила сейчас с вами, а вы старше и опытнее меня... Я хочу перед вами извиниться... за грубость.

«Черт бы ее побрал, должна же быть в ней какая-то душа!». И я не ошиблась. Лицо моего Цербера вдруг прояснилось, взгляд стал мягче.

- Я очень надеюсь, что мы сработаемся с вами, д-р Райт. И мне, конечно, не следовало делать вам замечаний. Вы меня тоже простите, – сказала она.

Меня отпустило. Кто знает – ведь все мы люди... После обеда ко мне заскочил веселый, как всегда, Алекс.

- Ну, что там наши монстры? – с порога небрежно спросил он. – Еще вас не искушали? А то смотрите, заболаете бешенством!

На душе у меня было тяжело, и потому я пробормотала хмуро:

- Они не монстры... Они прекрасные дети...

И тут Алекс подошел ко мне вплотную:

- Так я и думал: не для вас эта чертова работа. Но уж, раз впряглись... Терпите, что поделаешь... – он как бы упрашивал меня мужаться и одновременно подставлял плечо для опоры.

Я убито кивнула.

- В конце концов, думайте, сколько вам за это платят, и сразу станет легче, – посоветовал Алекс.

«Дурак! Чертов осел! – хотелось выкрикнуть мне. – Что ты понимаешь!». Алекс вдруг посмотрел на меня испытующе, словно уловил мое отчаянье. Он отстранился, внимательно глядя в меня. Наконец, без улыбки проговорил:

- Ох, не нравится мне все это. Сарра... Что-то в вас не то... Вы же страдаете... Сильно страдаете... Могли же предположить, что здесь будет твориться – не дура же вы... Зачем тогда соглашались? Сначала я думал – из-за денег... А теперь кажется, что нет... Сарра, ну скажите мне, почему вы так убиваетесь?!

Я, вероятно, посмотрела на него затравленно, а потом совершила фантастическую глупость: с размаху рухнула ему на грудь и разрыдалась. Такого со мной не приключалось уже лет десять, и мне в голову не могло прийти, что я еще способна на такие подвиги.

Алекс растерянно гладил меня по голове и шептал:

- Что вы, что вы, что вы, Сарра...

Когда мне ценой нечеловеческих усилий удалось прекратить истерику, он усадил меня на диван и сказал:

- Я, кажется, понял. У вас там, за Стенами, случилось что-то такое, что вам там все обрыдло... И вы ухватились за это предложение не ради денег. А хотели начать новую жизнь, верно? А ту – выбросить на свалку истории – так? Неразделенная, а то и поруганная любовь, а?

«Вот! – обрадовалась я. – Вот блестящая версия, которая все для него оправдает! Молодец!».

Я покивала:

- Что-то вроде этого...

Он похлопал меня по плечу:

- Ну, это пройдет. Вас тут скоро так вздрючат, что само пройдет, будьте уверены! Знаете, мне кажется, что это и там бы прошло, а здесь вы создали себе лишние проблемы... Ох, уж эти женщины! Ни на шаг вперед не видят! Была у вас одна головная боль, а теперь две – только и всего...

Я все утвердительно кивала головой, а Алекс умиротворенно продолжал:

- Слушайте, теперь назад все равно ничего не воротишь, а радость жизни можно найти где угодно!

Я вздрогнула: «Так вот оно что! Нет, я, положительно, идиотка! Как я только могла подумать, что я для него всего лишь друг! Он же не знает ничего – и надеется... Что же мне делать-то? А с другой стороны, так не хочется его терять!..».

Между тем Алекс смешивал коктейли. Для него все было просто.

Ночью я долго провалялась без сна, лишь безостановочно курила в потолок. В довершение моих мучений прямо перед незашторенным окном появилась совершенно круглая, огромных размеров, оранжевая луна. Она словно издевалась надо мной, зная, что у меня нет моральных сил встать и опустить занавески. Так мы и пялились друг на друга, я и луна, и в этом поединке «в гляделки» я вскоре оказалась побежденной. Проклятое небесное тело! С тех пор, как стоит мир, оно растревоживает, мучает людей и тянет, тянет их к себе... Она обманщица, у нее нет даже своего собственного света, она всего лишь отражает солнечные лучи, а какой зловещий, предательский свет!

Мне не перед кем было сдерживаться и притворяться – и я рыдала всласть до судорог в груди. Наконец, меня отпустило и, повернувшись на бок, я заставила себя расчетливо думать о своей миссии здесь, о своем долге перед Богом и людьми... Все складывалось не очень тяжело для меня: моя официальная задача заключается в том, чтобы проводить ежеутренние и ежевечерние осмотры детей, в случае каких-либо сомнений или недомоганий приглашая коллегу-специалиста. У других врачей – хирургов, лоров, дантистов и прочих – у тех больше работы: они лечат и всех взрослых, а их здесь целая колония, и все с вечными проблемами. Моя же забота – только четыре практически здоровых ребенка; бумажная работа почти целиком на моей сестре Грымзе, так что в целом у меня много свободного времени. По утрам и вечерам я не стану таскать с собой сестру – придумаю что-нибудь, чтобы она за мной не увязывалась, да надеюсь, что ей и самой не очень хочется. А я буду подробно разговаривать с каждым ребенком, сначала лишь о здоровье, а потом, когда возрастет наша взаимная привязанность и доверие – обо всем другом. Я стану давать ненавязчивые советы – словом, волью в маленькие обреченные души струю любви – а любовь не так-то просто искоренить потом. И тогда я посмотрю – такие ли уж обреченные эти души!

Но вдруг я обнаружила, что вовсе не думаю обо всем этом – только проговариваю про себя, а на фоне этих внутренних слов – но глубже и быстрее, проносятся другие мысли – об Алексее, о нашей с ним... дружбе? Я так расположена к нему, мне так спокойно и радостно с ним – но как объяснить этому юноше, неопытному и чистому, что я – совершенно не то, что он думает? Что однажды – десять лет назад – случилось в моей жизни нечто такое – гадкое, беспощадное и гнусное, что навсегда отвратило меня от самой мысли о мужчине, муже... Как объяснить, что я никогда не отвечу ему – но так, чтобы он не отдалился от меня, а поддержал бы, а не то... А не то я просто пропаду... С этой «счастливой» мыслью я и заснула – наплакавшаяся и опустошенная. Да только в половине пятого утра я подскочила в постели чуть ли не на полметра. Не то увидела что-то во сне, не то... Я ясно вспомнила один вчерашний эпизод. Алекс, точно так же, как и со мной, шутит с молоденькой няней, своей ровесницей, и даже игриво треплет ее по волосам... Меня обдало жаром. Во все мое существо проникла, как ржавый гвоздь, одна болезненная мысль: не хочу! Не хочу такого видеть никогда! Я вскочила, спрыгнула на ковер и зачем-то бестолково заметалась по комнате. Что это, что это? Выходит, я его... ревную?!! А если так – значит... Небывалое смятение, озноб и еще что-то другое, необоримое – все это в один миг обрушилось на меня...

Теперь это прошло, я сижу в ночной рубашке на кровати, пора уже одеваться и бежать к детям, и голова моя ясна, как никогда. Я поняла. Все эти годы я культивировала в себе свое горе. Я, как мазохистка, упивалась им. Раз в ранней молодости поставив себе блок, я не допускала и мысли, что когда-то он рухнет сам собой. Я с тайным удовольствием жила половинчатой жизнью и приучила себя думать, что пережитое мной несчастье возвышает меня над всеми другими... Но прошли годы – десять лет – и я стала взрослой женщиной. А природа сама берет свое. Да, в самый неподходящий момент. Да, в последнее, может быть, время. Да, в ужасном месте и, возможно, не того человека – но я люблю. Я не знаю, источником чего может быть для меня эта неожиданная и стремительная любовь, может быть – гибели и несчастья – но я не поборю ее в себе. Не потому, что не могу – еще не поздно задушить эту любовь в зародыше, а потому что не хочу. Я знаю, что мне нужно: видеть его сегодня, сейчас, немедленно, слышать его небрежный голос и ощущать внутреннюю гармонию, исходящую от него... И тихой, ясной радостью наполняется моя душа от того, что знаю: пройдет час, два – и он будет рядом. Как змея прошлогоднюю кожу – так и я стряхнула с себя сегодня ненужную шелуху прошлых разочарований. Баста. Он полюбит, он уже любит меня, Иветту Сильвер, а то, что пока меня зовут Саррой – не будет иметь значения. Потом, потом, когда весь этот ужас кончится – кончаются же все кошмары на свете – я все расскажу ему, и он все поймет, как всегда все понимает, как понял меня с первого взгляда... Но это потом. А сегодня я посмотрю на него по-иному, и знаю – он заметит эту перемену. Ничего не хочу загадывать. Хочу просто сидеть и благодарить доброго Бога за то, что и здесь, за Белыми Стенами, Он не покинул меня одну и в несчастье, а послал в бесконечной милости Своей мне любовь и радость. Верно же говорили мне: «Он не оставляет детей Своих в продолжительной и непосильной печали». Так что же, пусть все будет так, как Им назначено.

Глава 7

Продолжение дневника Иветты Сильвер

03.10.35

Пишу спустя месяц. Собственно, еще в прошлый раз, закрыв тетрадь, я дала себе своего рода зарок на это время. Я хотела избежать необоснованного самокопания и, возможно, проверить себя.

Один раз – и об этом пишу в первую очередь – потому что важнее самой жизни, все-таки, ничего, или почти ничего, нет. Так вот, однажды в этом месяце голова моя чуть не легла на плаху.

Я, видите ли, слишком была уверена в своем обаянии и переоценила нравственные качества сестры Минны. Она же тихонько шпионила за мной недели две, была на удивление приветлива (мне бы, дура, насторожиться), услужлива и, удачно усыпив этим мою нетренированную бдительность, села и настрочила донос. Мне его не показывали, поэтому я могу лишь догадываться, что в нем она, ссылаясь на свой многолетний опыт общения с людьми, выразила сомнение в моей способности участвовать в сем гениальном эксперименте, а заодно, скорей всего, ненавязчиво предположила наличие моего «злого умысла».

В тот день я проснулась в особо хорошем расположении духа: накануне мы долго и почти интимно разговаривали с Алексом, бродя по аккуратным улочкам нашего городка. Как всегда, я обошла детей, не обращая внимания на сестру Минну – избавиться от нее мне так и не удалось. Я опять как можно более внимательно беседовала с каждым ребенком, проявила интерес к мелочам, как я знаю, странно дорогим детскому сердцу, и под конец самодовольно отметила про себя, что дела мои идут неплохо: глаза детей загораются при виде меня, а тихий мой голос заставляет деток раскрываться мне навстречу. Еще бы – он так отличен от металлического дребезжания голосов всех, как один, педагогов!

После казенного завтрака, перед тем, как сесть просматривать компьютерные карты тестов, я с сигаретой в руке подошла к окну своего кабинета, выходящему как раз в садик, куда в этот час детей обычно выпускают порезвиться. У меня уже вошло в обычай помахивать им рукой из окна, улыбаться или строить смешные рожицы – дети это уже знают и выжидательно поглядывают на мое окно. Но сцена, увиденная мной в тот раз, заставила остановиться мое сердце!

В садик забрела собака – их здесь несколько, они живут при кухне. Со всегдашним собачьим дружелюбием, так и написанном на довольной морде, она доверчиво подошла к Диме и ткнула носом в его руку – может быть, даже лизнула. Испугался ли он от неожиданности – ведь по его росту даже незначительная дворняжка покажется огромным чудищем – или уже получил от педагогов соответствующую установку, но только он резко оттолкнул ее в сторону. Это еще было похоже на естественную реакцию, но то, что произошло дальше, не поддавалось нормальному осмыслению. Ни на миг не растерявшись, Дима подобрал кусок гравия с дорожки и ловко метнул его в собаченцию, угодив ей в бок. Животное, взвизгнув, отпрянуло и поджало хвост. Оно, может, и убежало бы, если бы вдруг на место стычки со всех сторон не кинулись остальные дети. Они уже на пути хватили камни, и, подбежав, стали горстями швырять их в собаку, тотчас нагибаясь и подбирая новые... Бывают такие животные, что от природы не умеют кусаться, и этот пес, вероятно, оказался из таких. Он лишь пятился под градом камней, втянув голову и беспомощно сморщив нос. Камни попадали ему по морде, по туловищу, а дети, видя отсутствие сопротивления, вошли в раж... Четыре ребенка – со светлыми душами – я знала это! – мои детишки, обиженные жизнью, мои ласковые детеныши, деловито окружая собаку со всех сторон, скоро отрезали ей пути к отступлению, загнали в угол меж стен двух низких подсобных зданий. Гравия и здесь оказалось много, и дети стали методично добивать визжащую и, кажется, уже свалившуюся от ужаса животину. Не помня себя, я пыталась открыть окно. Когда мне это удалось, я чуть оттуда не выпрыгнула, вовремя спохватившись, что этаж-то второй. Высунувшись до половины, я что было мочи заорала:

- Прекратить!!! Отойдите от собаки!!

Дети враз замерли и обернулись ко мне, а я уж и говорить не могла – дыхание перехватило. Но тут я увидела на их лицах растерянное изумление. Меня как громом

сразило: да они ведь позировали передо мной, перед моим окном, перед предполагаемым одобрительным взглядом симпатичного им человека...

- Все подойдите сюда! - срывающимся голосом приказала я.

Когда дети озадаченно приблизились, я начала жарко говорить о страданиях беспомощной твари, о злобном их мучительстве, о том, что было бы «если бы одного из вас поставить так у стены и бить камнями...». Я почти кричала, вкладывая в свои слова весь пыл, но осеклась, когда Шейла вдруг спокойно вставила в мою короткую паузу:

- А мы уже так делали... Г-жа Элен, – (это их чертова воспитательница, ведьма лет сорока), – сказала, что животные для того и есть... И человек может сделать, что захочет...

Уже ничего не соображая, я проорала:

- Глупость сказала ваша г-жа Элен! И мерзость! – и, опомнившись, добавила, как могла спокойно: – Вот, что я вам скажу: кто хочет со мной дружить, тот никогда не должен мучить слабых...

И только я успела обрадоваться, заметив, что лица детей приняли опять человеческое выражение, как уловила шорох за спиной. Я обернулась и, не сдержавшись, ахнула: прямо передо мной с каменным выражением лица стояла сестра Минна. Она ничего не сказала, но по сатанинскому блеску ее крошечных глазок, я всем своим естеством поняла: она во всех подробностях разглядела и расслышала нашу только что разыгравшуюся маленькую драму...

Пока я выходила из своего шока, Минна, покрутившись для порядка в кабинете, шмыгнула за дверь. Теперь я знаю: полетела строчить на меня «вонючку». А в тот момент я так перепугалась, что не могла даже молиться Богу, чтобы Он остановил ее... Ослабевшая, чувствуя себя подопытной мышью на лабораторном столе, я тихо опустилась на ближайшую кушетку. Один Бог ведает, каким чудом мне удалось собраться с мыслями и, главное, с волей. Я уже поняла: предстоит бой, и бой неравный. Все падало из рук, но что-то нужно было сделать, и я поступила странно, но, кажется, по-женски. Достав из ящика стола косметичку, которую я всегда там держу на всякий случай, я преобразила свое лицо: безжалостно подвела черным глаза, наложила вызывающе-яркие синие тени, а губы намалевала коричневым, полностью изменив их очертание. Все это придало мне вид хищный и порочный. Чуть только я закончила это надругательство над собой, как распахнулась дверь, и влетел взъерошенный Алекс.

Спасительная вещь – любовь. Ведь я находилась на грани полного и законченного кошмара, фактически, летела в пропасть без дна, а появился передо мной любимый человек – и все страхи вдруг разом куда-то ухнули, уступив место острой радости, заставившей меня сорваться с места и глупо броситься ему навстречу... Алекс поймал меня за обе руки, и так мы и стояли, как два дурака-школьника на выпускном балу.

Он заговорил первым:

- Слушай, ты знаешь, во что ты влипла?

Но не было в его словах серьезной озабоченности, один уголок губ даже иронично пополз вверх – туда мне и захотелось его поцеловать, и я искренне позабыла про все остальное. Пришло нелепое чувство, что я как-нибудь, с Божьей помощью, вывернусь, и я с легкомысленной усмешкой проговорила:

- Догадываюсь...

- Она догадывается! – начиная уже по-настоящему улыбаться, протянул Алекс. – Так вот же тебе подтверждение: маман лично желает тебя видеть, а меня за тобой послала. Милости прошу на расправу.

А мне было так глупо-легко, что я махнула рукой, бросив:

– Сожрет?

- С потрохами! – задиристо кивнул он, прикусив кончик языка, и добавил: – Но не дрейфь! Я тебя в обиду не дам. С тобой пойду.

Я вложила в свой взгляд всю благодарность, которую испытала за эти его слова: «Раз он будет со мной – все обойдется».

- И черт тебя дернул, – бормотал по дороге в «святилище» Алекс. – Собачку пожалела?

- И собачку тоже, – печально согласилась я, не решаясь продолжать.

Он посерьезнел:

- И деток... да?

Мы ехали в лифте, и я подняла на него тревожный взгляд. Его лицо наклонилось к моему, был один пронзительный миг, когда мне показалось, что он сейчас меня поцелует... Я задрожала с ног до головы, но Алекс лишь привлек мою голову к своему плечу, а я к нему прижалась со всем доверием, на которое способна.

- Ты понимаешь... Ты все понимаешь... – блаженно шептала я.

- Не все, – услышала я его прерывистый шепот. – Но тебя – понимаю...

Я прижалась теснее. Лифт остановился. Двери разъехались.

...Хряк и Снежная Королева, смотрясь невообразимо, восседали рядышком за одним столом. В напряженную тишину методично падали льдинки слов:

- Вы поставили нас в щекотливое положение, д-р Райт. При других обстоятельствах и речи не могло бы идти о вашем дальнейшем участии в эксперименте, - («Хорошо бы, только это, – мелькнуло у меня. – Вы ведь и пристрелить человека здесь способны».) – Но ваши характеристики ставят нас в тупик, а наличие письменной рекомендации г-на Боруха – тем более. Остается только предположить, что г-н Борух, со свойственной ему проницательностью и дальновидностью, имел какие-то особые соображения на ваш счет. Только что мы получили его личное подтверждение о желательности вашего участия в эксперименте... – («Этот Борух, черт его дери, везде пролез... Может, он успел с Саррой переспать?»).

Словно подтверждая мою последнюю мысль, Хряк немедленно грубо встрял:

- Чему тут удивляться, Кэтрин? Только слепой не видит склонности Менелаха к бабам! Маленькая ты, что ли?

Снежная Королева сделала такой властный и нетерпеливый жест своей идеальной рукой, что я, хоть и успела раз пять покрыться смертным потом, даже сквозь весь мой ужас, поняла: этот муженек под башмаком. Голос Кэтрин изменил тембр, стал резче:

- Едва ли мы имеем право обсуждать вопросы, не относящихся к делу. Но нам неясно такое поразительное несоответствие между характеристиками и конкретным поведением д-ра Райт.

Сама не знаю, как я решилась, но вдруг брякнула:

- Зато это, вероятно, ясно г-ну Боруху, – ляпнула – и чуть не упала в обморок.

- Я же говорил! – торжествующе заревел Хряк, сально на меня уставившись.

Мне уже показалось, что я сейчас повалюсь со стула на пол, когда положение спас Алекс. До того он сидел, развалившись в кресле и переводя насмешливый взгляд с родителей на меня и обратно. Но тут он легко поднялся, показывая всем своим видом, что ему решительно осточертела вся эта пустопопорожная болтовня. Он встал за спинкой моего стула, и я услышала его спокойный голос:

- Вам не надоело тут воду в ступе толочь? Мама, отец, она ведь доктор, а не воспитатель! Ну, сорвалась, с кем не случается, больше не будет... А вы ей тут уже дело шьете...

«Неужели – догадывается?» – пронеслось во мне, и конечно, отразилось на лице.

- Да ты за ней ухлестываешь с первого дня! – загремел вдруг Хряк. – Думаешь, никто не видит? Нет, конечно, – поправился он, покосившись на жену, – здесь не монастырь, но нельзя же переходить приличия! Защитник, тоже, выискался!

Разговор явно повернул в другое русло, и я позволила себе чуть-чуть расслабиться. Когда я вновь обрела способность связано мыслить, я вдруг заметила легкую перемену в лице Кэтрин-Катерины: на нем появилось что-то вроде негодования.

- Я бы попросила... – начала она, но запнулась, сообразив, что раздувает семейную сцену на глазах у постороннего, то есть, меня.

Но мужчинам и этого хватило, чтобы смолкнуть, и она опять перехватила инициативу. «Вот, кто настоящий директор эксперимента, после Менелаха», – догадалась я.

- Как бы там ни было, – невозмутимо изрекла д-р Мейзель, – на первый раз мы ограничимся лишь выговором и настаиваем, чтобы подобные... выходы не повторялись. У вас имеются какие-либо пожелания, д-р Райт?

- Какие там пожелания! – услышала я деланно-возмущенный голос Алекса из-за спины. – Уберите вы от нее эту Минну, мегеру эту! Каково человеку работать под бдительным оком шпиона!

Супруги переглянулись, и Кэтрин сурово кивнула...

В лифте на обратном пути со мной случилась самая настоящая истерика. Я судорожно треслась на плече у Алекса, а он шутил, что «экзакуция не состоялась», а мне нужно «быть хитрее», и оба мы дураки, что выперли Минну: от нее, хоть, знали, чего и как ждать, а теперь неизвестно, кого дадут...

А я уже была почти уверена, что Алекс про меня все знает, догадался какими-то неведомыми путями, знает так же, как и все остальное... Он собственноручно вытер мне слезы, поплювив платок, убрал размазанную тушь из-под глаз, сам поправил мне прическу, – вернее, растрепал, но сказал, что ему так больше нравится, и сходу потащил меня в бар, приговаривая, что надо выпить за счастливое избавление от стаи голодных волков... Я была в полубезумном состоянии, подчинялась, как заводная кукла, и то истерически похохатывала, то давила в себе подступающие слезы... Но в дверях бара Алекс вдруг решительно развернул меня к себе и, посмотрев ему в глаза, я не увидела в них ни следа веселья. Очень значительно он сказал:

- Шутки шутками, но крамола из твоего номера переносится в мой. А еще лучше – на улицу. Потому что в твоём номере с этого дня – микрофон. Или я дурак.

В эту минуту я поняла одну очень важную вещь: мои друзья во мне ошиблись. Конспиратора из меня не получится. Никогда. Как это ни странно, случившаяся встряска на меня серьезно не подействовала. Я словно махнула рукой на опасность и в этом состоянии пребываю, кажется, до сих пор. И я прекрасно понимаю, почему: не будь рядом со мной Алекса – я извелась бы от страхов и сомнений. А любовь дала мне вдруг такую несокрушимую веру в себя и любимого, что я радуюсь – да, радуюсь! – шагая по проволоке без страховки. Ко мне пришла неизвестная прежде удаль, чисто русское «выноси, Господи!», что я иногда чувствую – вдруг справлюсь и уцелею?! Я научилась быть гибче, осторожнее, хитрее – и все так ловко получается! «До поры до времени», – иногда слышу я как бы заботливое предупреждение со стороны, но – видит Бог! – не желаю слушать! Я знаю, что я делаю и делаю это хорошо...

Между мной и Алексом еще не сказано ни слова о любви, я и жду и страшусь этого, но понимаю – это неизбежно и скоро, и замирает сердце. Он относится ко мне, как старший – старший! – брат к больной сестричке. Опекает, покровительствует, потакает моим капризам. По его общению со мной я вижу что, несмотря на молодость, опыт общения с женщинами у него большой, но меня он как-то бережет, что ли? Может быть, помнит о какой-то моей «тайне» за Стенами и боится причинить боль? Ах, да что бы там ни было, я рада, что так, я была бы разочарована, если бы он попытался сразу затащить меня в постель, между тем как его отношение говорит о том, что я не рядовой случай в его жизни... Другого мне не надо, и другого не будет: слишком жестоко было бы быть брошенной из одного страдания в другое. Все происходящее здесь со мной с первого момента несет фатальную нагрузку, и любовь Алекса ко мне и моя к нему, я знаю – тоже. Более того, это должно иметь глубокий, сокровенный смысл. Какой? Покажет будущее. Недалекое и весьма сомнительное. Господи, Господи, почему бы мне тоже не стать счастливой? Уже столько на меня свалилось... А голос внутри: «Это здесь-то счастливой? Ну и разыгралась же у тебя фантазия, милая ты моя...».

А пока мы с Алексом невинно развлекаемся так: в моем номере, в расчете на расставленные микрофоны, ведем умные и серьезные разговоры во славу «Владыки Боруха», а потом обзываем его на улице выскочкой и – страшно сказать! – иногда даже дураком! Там же, на улице, Алекс рассказал мне одну важную вещь: оказывается, Кэтрин самолично изволила расспрашивать детей за моей спиной. Дескать, не произвела ли на них доктор какого-нибудь особенного впечатления? И – умницы мои, маленькие заговорщики, – они все, как один, ответили: нет, мол, она как все... Что это? Особое детское, почти звериное чутье – не выдать единственного защитника? Чем бы это ни было – это моя, моя победа! Да, еще плохое. Слова «Владыка Борух» скоро станут, наверное, реальностью. Из Совета Семи, где он ныне заседает, вскоре будет выбран один, главный – так объявили вчера в программе новостей... Все, видимо, скорее, чем предполагалось. И все безнадежней... Если мир так стремительно рушится – то что же я тут делаю, когда все обречены и так? Тяжело, когда приходят такие мысли. Сейчас бы поговорить обо всем этом откровенно... Но единственный, кто мог бы мне в этом помочь – Алекс. Решусь ли я ему когда-нибудь все рассказать?! Уже глухая ночь. Сейчас я помолюсь (про себя, конечно) и лягу. А придет новый день – придет с Божьей помощью и понимание...

14.11.35

Ничего-то у меня не получается. Решительно ничего. И что я тут только торчу и зря рискованную жизнь! Для того, чтобы сделать так, как загадывали Друзья, нужен человек волевой, очень сильный и бесстрашный и, уж конечно, умней и хитрей меня; я же прунпролом и знаю, что семимильными шагами приближаюсь к собственной гибели... Вот так. Просто и ясно и никакого выхода. Недавно я выяснила, что есть способ вырваться отсюда не в гробу, а на своих ногах: для этого достаточно неизлечимо заболеть, забеременеть или совершить непростительный проступок. Оказывается, для каждого работника за пределами Центра предусмотрен дублер на случай чрезвычайных обстоятельств. Есть такой и у Сарры Райт... Изгоняемый человек дает подписку, в которой признает, что за разглашение тайны его ждет автоматическая смертная казнь без суда и следствия. Ибо такое разглашение, оказывается, ни что иное, как «осознанное вредительство человечеству». Интересно, кроме нас с Алексом здесь кто-нибудь считает, что вредительство – это как раз сам эксперимент? Правильно сказали Друзья: узнай об этом люди – они детей рожать перестанут! Еще бы! Выносить и родить ребеночка, потом до четырех с половиной лет его воспитывать – и его отнимут у тебя навсегда, чтобы превратить в чудовище под названием «новая гармоничная личность»! Его станут учить избивать собак – в прямом смысле, а в переносном – перегрызать горло любой особи, которая в данный момент мешает... А это «особь», так же воспитанная, кинется грызться за свои интересы. Бога в душе каждого из нас вынесут, так сказать, «за пределы» в виде «Владыки Боруха»...

Увы, эти кавычки теперь можно опустить: вот уже две недели Менелак Борух официально носит такой титул. Основной канал телевидения показывает практически только его – почти не изменившегося, ослепительно красивого, с сияющими глазами и обезоруживающей улыбкой. А вокруг меня реет одно слово «Наконец-то!» Первое его начинание в виде «владыки»: распорядился о том, чтобы снести мечеть Омара в Иерусалиме и начать немедленное восстановление дважды разрушенного там храма.

- Меня удивляет, – делая простодушное лицо, заявил он с экрана несколько дней назад, – что никто из могущественных правителей до сих пор не додумался до такой простой мысли... Ветхий Завет еще никто не отменял! – и он похлопал ресницами, вызвав, я знаю, приступ симпатии у миллионов телезрительниц.

Мне захотелось плюнуть, но я сдержалась, вспомнив о возможном «жучке» в своей гостиной... Одну фурию отсюда вывели – наставницу детей, умудрившуюся проглядеть, как Василий, забравшись на крышу прачечной, под стеной которой наша четверка еще

недавно травила собаку, прыгнуть оттуда и сломать себе, слава Богу, только руку. Все это произошло на моих глазах, да так быстро, что я успела лишь вскрикнуть. Я опрометью, как была, в халате, бросилась на улицу и подоспела как раз вовремя, чтобы застать в разгаре еще одну омерзительную сценку. Наставница отгоняла от Васи девочек – Ашхен и Шейлу, подскочивших к нему: «Васенька, что с тобой? Тебе очень больно?!»

- Никого не касаются чужие ощущения, – скрежетала наставница. – Это его личные проблемы, которые он должен решать сам. Жалость подходит лишь слабым людям... Вы что, не уважаете сами себя?

Мне захотелось рывкнуть: «Заткнись, стерва!», но было не до того: Вася лежал в такой позе и с таким лицом, что я испугалась худшего... Слава Богу это оказался лишь шок, я схватила ребенка на руки и вдруг залилась слезами. Это тем более странно, что в больнице мне приходилось видеть случаи и пострашнее, но я всегда справлялась с собой... Мои слезы увидели все – и на лице наставницы я прочла брезгливое изумление, а на мордашках детей – робкое сочувствие – и мне, и Васе.

- Потерпи, маленький, – шептала я, унося тяжеленького мальчишку, а дети молчаливой стайкой, игнорируя орущую гадину, трусили за мной.

Я успела заметить, что Шейла на бегу стремится погладить Васю по ноге выше ботинка... Влетев в здание, я свирепо приказала скороговоркой подвернувшейся горничной:

- Хирурга, рентгенолога, анестезиолога, срочно!!!

И пока их всех ловили по этажам, я целовала в кабинете помертвевшее личико, а потом спохватилась и стала разрезать на мальчике одежду. Все обошлось, кроме перелома, лишь небольшими синяками и испугом. Специалисты уже ушли – доносить на наставницу – а я стояла над спящим под наркозом ребенком и пыталась не плакать от острой жалости и боли, раздиравших мне сердце. Теперь мне кажется, что заодно мне хотелось заплакать и над собой... Наставница тщетно лепетала что-то в свое оправдание – ей ничто не помогло: ее убрали молниеносно. И в тот же день вечером я с некоторой завистью провожала глазами из своего изолятора вертолет, взлетевший с плоской крыши. Вертолет куда-то уносил ее. Может быть, на свободу. «Вот бы тоже так улететь...». Но сразу же я стала казнить себя за малодушие и шепотом повторять:

- Я не могу. Я не должна бросать этих детей... Не должна...

Слезы снова прорвались лавиной, а сзади тихонько подошел Алекс. Он ответил моим мыслям:

- Ты тоже скоро улетишь, Сарра... Мы скоро улетим, не бойся...

Я стремительно обернулась к нему и сквозь слезы повторила – только вопросительно:

- Мы... скоро улетим? – ударение само собой пришлось на первое слово. Алекс утвердительно кивнул, и его руки легко легли мне на плечи. Он внимательно и нежно смотрел мне в глаза, и его лицо стало медленно приближаться к моему. Во мне поднялся целый цунами забытых чувств. Даже неизвестных, потому что то, что десять лет назад было у меня со Стивеном, нельзя назвать даже слабым отголоском... Внутренне распахнувшись, я рванулась Алексу навстречу. Еще миг – и я навсегда перестала бы существовать отдельно от него, но он осторожно взял мое лицо в ладони и срывающимся голосом произнес:

- Сарра... Милая...

Я отпрянула. Такое ощущение, наверное, испытал мой отец, когда его накрыло снежной лавиной. Сарра – не я, не мое это имя! Проклятое имя женщины, которую он полюбил, и никто не любит Иветту Сильвер меня... Я мучительно застонала и отвернулась, подумав, что, вероятно, обидела Алекса. Но я... не могла. К счастью, или, горю, но он ничего не понял. Стоя позади, он опять положил руки мне на плечи – и боль, и разочарование отступили.

- Прости, ради Бога, – прошептал он. – Я забыл, что ты... немножко не такая, как все... Я подожду, я подожду, ничего... Не стоит слишком гнать коней, правда?..

Я опять обернулась и окинула взглядом его всего, с ног до головы – красивого неяркой славянской красотой, застывшего в покорно-почтительной позе, и ослепительное, невыносимое счастье как будто рухнуло на меня. У этого счастья не было слов и жестов, его нельзя было даже выразить взглядом – все казалось по сравнению с ним блеклым и недостаточным... Может, секунду мы простояли так, а потом вдруг без слов рванулись друг к другу и обнялись, и казалось, что еще немного – и оба мы задохнемся...

Ты мой, ты мой... Мне все тебя обещало – мои долгие ночи без сна, мои бессильные слезы, мое черное одиночество и страшная луна за окном – и что бы я ни думала, но в душе я верила всегда, что ты придешь в мою жизнь, и сама смерть не будет мне страшна...

Но все кончается, и послышались громкие голоса как раз под дверью, и мы едва успели оторваться друг от друга.

- Я увезу тебя, вот увидишь, – успел шепнуть Алекс, – и все, всегда будет хорошо...

Дверь открылась, и показались врачи, пришедшие к Василию.

На следующий день детям прислали нового фельдфебеля в юбке вместо опального. Им оказалась невзрачная, серая волосами, лицом и платьем особа. В ее колючих глазках-буравчиках я сразу подметила уже хорошо знакомый мне фанатичный огонек. Хоть голос у нее оказался не дребезжащий, а вполне человеческий – и то хорошо! Она пришла в изолятор взглянуть на Василия: под предлогом его послешоковой слабости я решила выдержать его еще несколько дней при себе. Я сразу испуганно сообщила ей, что сейчас «воспитывать» его не позволю – ребенок болен и нуждается в отдыхе. Она, по счастью, не настаивала, но разразилась в моем кабинете речью, а я, в моем жалком положении, ни слова возразить не могла.

- Это грандиозно! – пылко пела она, глядя уже не на меня, а в одной лишь ей ведомое параллельное пространство. – Пока я сюда не приехала, мне до конца не верилось! Но я уже видела других детей. Два месяца всего они здесь – а какие результаты! Как полно раскрывается личность, если ее не подавлять, не правда ли? Они такие маленькие – а уже как взрослые! И как это никому до сих пор не пришло в голову, что людей раньше просто давили в зародыше...

- Г-ну Боруху вообще пришло в голову много мыслей, которые до сих пор никому не приходили, – не удержавшись, саркастически вставила я.

В ее взгляде проскочило мимолетное сомнение.

- Владыке Боруху, – со значением поправила она. – Владыке. Господи, наконец-то, Ты послал его... А все эти предшествующие недоноски только языком умели трепать...

Лишь сознание того, что я – Иветта Сильвер помогло мне в тот момент не вцепиться в ее серую прыщавую рожу ногтями. И, хотя бездетность – обязательное условие для работы здесь, мне хотелось крикнуть: «А своих детей ты бы сюда отдала ради светлого будущего человечества?». Но, еще внимательней взглядевшись в нее, поняла: эта – отдала бы, не моргнув глазом... Я уже четко знаю: здесь мне долго не протянуть. Меня либо разоблачат и расстреляют (есть здесь и полиция, и карательные органы: разгуливают по всему Центру в черной униформе жуткие личности с автоматами и обезьяньими мордами), либо, в лучшем случае, признают негодной и вышлют, взяв расписку... И дети мои – мои дети! – достанутся на растерзание какой-нибудь Сарре Райт номер два... Ничего не получилось, ничего-то у меня не получилось... И тех семян добра, которые случайно удалось мне заронить, будут затоптаны или выкорчеваны и никогда не дадут всходов...

Ах, да что там, я ведь давно решила: останусь здесь до последней минуты, пока это будет возможно. Добровольно я не уеду отсюда – даже с Алексом. Расскажу я ему или нет – не знаю, но думаю, пока я здесь – он тоже не уедет в любом случае... Так тяжело, что даже нет сил молиться...

Одна радость: после того случая около спящего Васи, Алекс еще бережней стал ко мне относиться. Как обещал – не торопит события, хотя мне уже кажется – лучше бы поторопил, а не то я потороплю их сама – сил нет больше жить в недосказанности. Кроме него, я здесь ни с кем так и не сблизилась: все выглядят сумасшедшими злобными роботами. И вокруг меня опять, как и там, за Стенами, только куда грознее, растет барьер неприятия чужеродного тела... Мейзелю больше меня не дергают, и спасибо за то Алексу: они сообразили, не без его помощи, что у нас роман – и не мешают: пусть, мол, дите порезвится... Но бдительно следят за мной – я все время это чувствую... Но даже рядом с любовью растет, крепнет ко мне ощущение близости неминуемой расправы надо мной. Какая она окажется, эта расправа?! Я бы с ума сошла от ужаса, не будь наших с Алексом вечеров в его номере, когда я, сидя на диване и нянча в руках полный стакан, зажмурившись, слушаю все новые и новые главы из его будущей книги – не столько слова, которые плохо понимаю, сколько безмятежный голос, и порой ловлю на себе чуть тревожный, но всегда ласкающий мягкий взгляд, полный любования мною... Они такие переменчивые – его темно-серые глаза! Они то поддразнивают, беззлобно подтрунивают надо мной, то откровенно смеются в серьезный момент, но всегда ясно видят меня насквозь. Видят и любят...

«Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя». Я буду произносить это заклинание вместе с молитвой, я стану шептать его ночами в свое окно, в лицо равнодушной луны...

На этом дневник Иветты Сильвер заканчивается.

Глава 8

- ...Как побрызгал Ворон мертвой водой – и зажили раны у Ивана-Царевича. Не теряя времени, полетел Ворон обратно в тридешатое царство и принес живой воды и опять окропил Ивана. И встал Иван – еще здоровее прежнего, а тут и конь его прискакал. Вскочил на коня Иван-Царевич и поехал в свое царство-государство к Василисе Прекрасной. И сыграли они свадьбу – такую веселую, и выпили гости сто ведер пива и еще двести – меду, и стали Иван-Царевич с Василисой Прекрасной жить-поживать, добра наживать...

- Bravo, Сарра! Я ожидал от тебя чего угодно, но только не этого! – раздался позади Иветты насмешливый голос Алекса и его громкие аплодисменты.

Она оглянулась и, смутившись, пояснила:

- Понимаешь, мне однажды попалась книжка русских сказок, переводная...

- И ты решила рассказать одну из этих дремучих, рабских сказок, как сказал бы г-н Борух, как раз вот этим детям – гражданам нового свободного мира, – еле сдерживая смех, отозвался он. – Нашла себе методическое пособие, нечего сказать... Кстати, а куда и как тебе удалось сплавить наставниц?

Шустрая Ашхен затараторила раньше, чем Иветта успела открыть рот:

- У г-жи Лилит болит голова, а няню Анжелику доктор отослала с ней посидеть, а няню Бетти она послала за чистым бельем, а горничной она велела...

Алекс махнул рукой:

- Ясно, деятельность д-ра Райт кипит. Ну, и как вам сказка, ребята?

Иветта улыбалась, детишки закивали головами. Алекс стал серьезным и сказал, обращаясь к Васе и Диме:

- Вот что, запомните вы оба. Это сказка, которую придумал ваш народ. Ваш русский народ. Понятно?

Мальчишки опять кивнули, но было ясно, что они не очень поняли.

Опять встряла деятельная Ашхен:

- А г-н Циммер нам вчера говорил, что никаких этих... народов... нет. Что есть... как это...

- Мировое содружество счастливых людей, – как по писаному подсказала Шейла.

- Врет ваш чертов г-н Циммер! – с неожиданным раздражением прикрикнул Алекс. – Может, других народов и нет, а русский – остался. И еще один... – добавил он, покосившись на обомлевшую Иветту. – И вообще, меньше слушайте, что вам говорят разные дураки, а больше сами думайте, – заключил он и, подхватив под руку потерявшую дар речи Иветту, устремился с ней к выходу. На пороге Алекс обернулся:

- А сейчас – по кроватям, и чтоб как мыши!

Четыре маленьких заговорщика бросились к своим постелям, с преувеличенной поспешностью натянув до подбородка одеяло.

Посмеиваясь, Алекс вышел вслед за Иветтой и, как только они оказались в пустом полутемном коридоре, он резко развернул ее за руку и, прижав ее спиной к стене, посмотрел ей в лицо. Его глаза ничуть не осуждали, они опять смеялись, и Иветта сама не заметила, как вся устремилась к ним.

- Сарра, я ничего, оказывается, в тебе не понимаю... – бормотал он. – Откуда ты такая вообще взялась?

- Оттуда, из-за Стен, – выдохнула она, чувствуя, что слабеет. Его пальцы коснулись ее лица, стали нежно его гладить, а Иветта таяла, не ощущая тела, в теплой волне освобожденных чувств.

- Я когда-нибудь, что-нибудь в тебе пойму? – шепнул Алекс совсем рядом с ее приоткрывшимися губами.

- Да, и, наверное... скоро... – уже без голоса, уже касаясь своим ртом его рта, ответила Иветта – и мир вокруг пропал.

- Я люблю... Я так люблю тебя, – вырывались между поцелуями уже неизвестно, кем из них сказанные слова.

За поворотом коридора послышались шаги. Шла женщина на каблуках. Оторвавшись от Иветты и задохнувшись, Алекс едва выговорил, хватая ртом воздух:

- Все, Сарра... Ты – как хочешь, а я тебя... краду.

Он схватил Иветту за руку и, даже не потрудившись проверить ее согласие, бросился по коридору, увлекая ее, уже покоренную и сдавшуюся, за собой. У двери своего номера Алекс лихорадочно искал ключ по всем карманам, не нашел и, одним резким движением выбив замок, ввалился в номер, все так же не выпуская Иветту – словно боялся, что она убежит. Но она вообще ничего не соображала, лишь первобытно радовалась, что любимый мужчина взял все на себя...

Как только дверь номера с грохотом захлопнулась за ними, они, с секунду простояв друг против друга, бросились друг другу в объятия, как дикари. Но в какой-то миг, когда вся их одежда, кое-как содранная, уже валялась по номеру, как попало, Алекс вдруг замер и на минуту смирил свое нетерпение. Он крепко, как мог, прижал к себе любимую и ощутил в темноте под своими губами горячие слезы, заливающие ее лицо. И – редкая спутница страсти – настоящая глубинная нежность затопила его. Алекс подхватил Иветту на руки, как девчонку, и она совершенно девчоночьим движением доверчиво обняла его за шею, спрятав голову у него на плече. И прежде чем унести ее в спальню, он еще долго носил ее по комнате, чувствуя незнакомую раньше растерянность и особую ответственность за эту такую странную, но милую ему женщину.

За все оставшиеся дни своей жизни – а их оставалось ровно три – Иветта так и не могла восстановить в памяти последующие часы. Время не то остановилось, не то до предела ускорило свой бег, а она то рыдала безумными слезами освобождения, то просто лежала в полной прострации, словно небо и земля остались далеко под нею, а потом снова непреодолимая сила, в которой слилось несоединимое – крайнее отчаянье и столько же всеобъемлющее счастье – подхватывала ее, превращая, казалось, в новое, в чем-то мистическое существо, потому что без этого она просто не смогла бы вместить в свою душу всех чувств, которые ей пришлось пережить за эти часы.

Иветта и Алекс начали снова возвращаться в самих себя, когда в комнате посветлело, стали неясно обозначаться в полутьме еще не цветные, мертвые предметы и поблекли за окном холодные зимние звезды. Иветта сказала первое, что пришло ей в голову:

- Вот и Рождество прошло, – сказала и забыла.

Сквозь блаженный туман до нее донесся тихий голос Алекса. Он уже приподнялся на локте и гладил ее лицо кончиками пальцев, тщетно вглядываясь в него. Ему удавалось различить в утреннем полумраке только общие очертания; глубокие тени глаз. Алексу вдруг стало немного не по себе, потому что лицо любимой в обманчивом освещении показалось ему особенно скорбным и неземным. Тихонько целуя Иветту в висок, он сказал:

- Даю голову на отсечение, что это слово звучит здесь в первый раз.

Простая эта фраза отдалась в сердце Иветты болезненным толчком и сразу полностью вернула ее к действительности. Она постаралась отогнать от себя тяжесть, возникшую от этих слов: «Не хочу сейчас об этом думать!». Притянув голову Алекса себе на грудь, она прижалась к ней ртом, запутала пальцы у него в волосах, тут же поняв, что именно чувствовал Фауст, когда воскликнул: «Остановить, мгновенье, ты прекрасно!». Но Алекс высвободился, посмотрел на нее, и в темноте Иветта уловила его слабую улыбку.

- Я никогда не думал, – прошептал он, – что в... любви, – Иветта поняла, что он хотел сказать «в сексе», но вовремя одумался, – ты будешь совсем, как девчонка, будто у тебя это в первый раз...

- А это и есть первый раз, – глухо отозвалась Иветта, и сердце ее на миг остановилось.

Алекс вздрогнул, подскочил, секунду потрясенно молчал, а потом растерянно выдохнул:

- Но... Сарра... Мне не показалось... как же это... я... мне... О, Боже, я дурак.

Сердце Иветты стучало ровно. Она спокойно сказала:

- Случается, знаешь, иногда, что женщин... берут силой. А потом – сам понимаешь, – описав вялый полукруг, ее рука упала.

Алекс порывисто втянул воздух.

- О, Господи, – только и сказал он, но потом, сжав кулаки, снова наклонился над Иветтой:

- Сарра, ты только скажи мне, кто этот негодяй! Я его завтра же отыщу и... пристрелю, честное слово!

Иветта поняла: так и было бы, если бы могло быть.

- Не негодяй, а негодяи, – спокойно поправила она. – Их было четверо. Так что тебе пришлось бы уложить всех. Впрочем, я понятия не имею, кто они такие, и было это десять лет назад.

С невнятным криком Алекс схватил Иветту за плечи и одним рывком сел вместе с нею. Он стал гладить ее по рукам, по спине, по голове, целовать куда попало – и шептал сквозь сдерживаемые слезы:

- Девочка... Девочка моя... Прости дурака... Я-то считал тебя не от мира сего... Ради Бога, Сарра... Все это кончилось, и никогда не вспоминай. Сарра, милая, я тебя умоляю...

Иветта тихо плакала, уткнувшись ему в грудь и постигнув новую тайну жизни: слезы на груди у любимого – слезы счастливые.

Наконец, Алекс отстранил Иветту:

- Успокойся, хорошо? Виски хочешь?

Она кивнула.

Он включил торшер, и она инстинктивно натянула на себя одеяло до подбородка, вызвав этим усмешку Алекса. Он быстро принес ей напиток и зажженную сигарету, присел рядом и несколько минут жалостливо смотрел, как она глотает виски так, словно боится, что отнимут. Иветта вернула пустой стакан, затаилась, и на ее бледных щеках проступил румянец.

- Ну, отходишь! – нарочито бодро сказал Алекс.

На самом деле у него самого еще не прошла растерянность от Иветтиногo откровения, и в душе его возникла странная смутность: женщина, которую – пусть даже десять лет назад – но насильовали четверо мужчин, – и, раз четверо, то легко можно представить себе, как именно – такая женщина все-таки вызывает противоречивые чувства...

«Если б раньше знал, то ни за что бы не начал с ней...» – неосознанное сверкнула в нем даже не мысль, а именно ощущение. «Что за чушь! – тут же одернул сам себя честный Алекс. – Разве стала она от этого хуже?!». И все-таки, даже если бы Сарра призналась, что с четырьмя мужчинами добровольно занималась групповым сексом – это не произвело бы на Алекса такого странного впечатления – может, просто позабавило бы... А вот именно факт изнасилования... «Я же люблю ее!» – сказал себе испугавшийся собственных гадких чувств Алекс, но непроизвольное отторжение, над которым он не был властен, не исчезло. Он сделал отчаянную попытку бороться со своими неуловимыми ощущениями.

- Сарра, – позвал он. – Хочешь, я покажу тебе то, что никому никогда не показывал – даже друзьям?

Глаза Иветты уже заблестели от виски, и она выглядела как человек, которому полегчало после серьезной болезни. «Я – свинья, – решил Алекс. – После всего, что с ней было, я для нее больше, чем любой мужчина для любой женщины. А у меня какие-то подлые мысли крутятся». Он быстро встал, подошел к столу и извлек из ящика красивую коробку красного дерева из-под сигар, принес ее на кровать и раскрыл перед Иветтой. Она с любопытством туда заглянула. В коробке оказались всякие мелочи: стеклянный шарик, кусочек янтаря, засушенный майский жук в спичечной коробке и тому подобная милая чепуха с острым запахом детства. Алекс пояснил:

- Мать сюда если и заглядывала, то только сверху. А здесь... Смотри. Он приподнял тонкую дощечку, покрывавшую дно. Там оказались две цветные карточки; Алекс протянул Иветте одну, и она сразу узнала: Санкт-Петербург, Россия. Величественная бронзовая царица в пышном платье, со скипетром в руке, а вокруг пьедестала сидят придворные, из них одна женщина. Таковую открытку вместе с другими показывали ей Ремизовы, они же и объяснили, что царица – Екатерина Вторая, а фамилия фрейлины – Дашкова.

- Это еще оттуда, из России, – начал было Алекс, но вдруг запнулся, а глаза его округлились.

Он смотрел куда-то ниже лица Иветты, и у него даже приоткрылся от изумления рот. Иветта наклонила голову и – увидела, куда именно направлен его взгляд. На ее груди, над сползшим одеялом, на тоненькой цепочке сверкал нательный крестик. Когда-то она дала себе слово не снимать его даже под угрозой смерти.

- Сарра... – хрипло произнес Алекс.

Иветта не могла видеть со стороны, что ее лицо приняло суровое выражение. Она взглянула Алексу прямо в глаза:

- Да. Я христианка. Православная христианка.

По лицу Алекса она поняла, что все произошедшее выше его понимания: христианки, да еще православной, здесь не могло быть в принципе. Для Алекса это было так же немисливо, как если бы женщина на его глазах превратилась бы, скажем, в кошку. Из его горла вырвалось что-то вроде сиплого свиста, в котором Иветта едва разобрала:

- Но... как... же... тебя... сюда... – это был даже не вопрос.

- А вот так! – с вызовом тряхнула она головой. – Откуда им было знать.

Выпустив из рук вторую карточку, Алекс повалился на кровать навзничь и закрыл лицо руками. Иветта склонилась над ним, отняла его руки от лица и, увидев за ними выражение, воспринятое ею как одобрение, вдруг беззаботно рассмеялась, сама не зная чему. Алекс повел головой, словно прозревая. Он медленно сел.

- Сарра, вот это да! – ошалело произнес он, прижав ее к себе. – Я уже смирился, что ничего в тебе не понимаю, но чтоб такое...

Что-то зашуршало у Иветты под коленкой – и она вытащила карточку. Овладевая собой, Алекс пробормотал:

- Вот это как раз то, что я говорил, помнишь? Здесь я шестилетний со своим отцом. Знаешь, он звал меня по-настоящему – Саша, Сашка, это здесь я превратился в Александра и Алекса, – и с этими словами он протянул Иветте фотографию...

Если бы под ее ногами неожиданно разверзлась земля, а небо упало ей на голову – и то Иветта не могла бы испытать что-либо подобное. Сначала ей показалась, что у нее галлюцинация. В следующую минуту она попыталась убедить себя, что ошиблась или же это невероятное совпадение. А потом кровь резко отлила у нее от головы, сердце похолодело, а из груди рванулся дикий вскрик. Потому что на фотографии рядом с маленьким мальчиком в синей футболке, стоял Иван Голованов – второй, последний и единственно любимый муж ее матери. На этом снимке Иван казался чуть моложе, чем был на фотках из маминого альбома, но не узнать его было невозможно: он был все тот же – крупный, с густой бородой и буйной шевелюрой и уверенным выражением красивого спокойного лица. Ошибки быть не могло! Так вот, кого так мучительно напоминал ей все это время Алекс – нет, Саша Голованов! И, если он не был похож на свою мать Кэтрин – Катерину! – то на кого же ему быть похожим, кроме как на родного отца! Алекс уже несколько минут обеспокоено тряс Иветту и только что не хлопал по щекам, чтобы вывести из ступора.

- Это еще что? – бормотал он. – Нет, сегодня, положительно, день сюрпризов! Ты что, видела где-то моего отца, да? Ты, может, и в России была? С тебя станется... Ты что-нибудь о нем знаешь? Сарра, Сарра, да не молчи ты, Господи!

Лицо Иветты еще не стало полностью здешним, когда она вдруг произнесла чужим голосом:

- Твой отец умер.

- Сарра, откуда... – слова замерли у Алекса на губах.

- Я не Сарра, – оборвала она. – Меня зовут Иветта Сильвер. А моя мать, дорландка Нора Сильвер, последние два года жизни была замужем за твоим отцом – Иваном Головановым, так? – в Дорланде. Я тоже оттуда родом, а отец мой был швейцарец. Вот так, Алекс.

Иветта и не рассчитывала на его мгновенное понимание. Лицо Алекса стало таким, словно он увидел приведение среди бела дня. И тогда Иветта, откинувшись на подушки и закрыв глаза, четкими словами, твердым голосом и почти без выражения стала рассказывать Алексу все – начав с последнего письма своей матери и закончив своим дневником, спрятанным в ее спальне. Тем временем поднялось неуместное зимнее солнце, и его восход приветствовала крупная ворона, тяжело взлетевшая откуда-то из-под крыши. Ее раздирающий хохот разбудил каких-то других черных птиц, и они, вскрикивая, закружились прямо перед порозовевшим окном. Перегорела и с треском погасла лампочка в торшере. Иветта открыла глаза. Этот миг ей еще суждено было вспомнить. Потому что тогда она узнала, что выражение «волосы встали дыбом» – вовсе не идиома. Она физически ощутила, как судорога пробежала по спине к голове, и волосы приподнялись сами собой, оставшись в таком состоянии. Иветта увидела лицо Алекса, и выражение, которое ясно читалось на этом лице, было таким, какое она не пожелала бы лютому врагу увидеть на лице кого бы то ни было.

Ужас и отвращение – только эти два чувства появились на лице Алекса – и ни тени сочувствия. Забыв обо всем, Иветта рванулась к нему, словно желая сорвать с него какую-то нелепую маску, но она остановилась на полдороге, вдруг уловив интуитивное движение, которым он от нее отдернулся. Так может отпрянуть человек от вставшей на хвост змеи.

- А-лекс... – по слогам пролепетала Иветта, делая попытку снова к нему потянуться, и даже чуть прикоснулась к его руке.

Алекс вскочил, будто она его укусила. С побелевшими глазами, еле переводя дыхание, он с трудом выдавливал отрывочные слова:

- Крамола... Неодобрение... Глупые шутки... Жалость к детям... Все понятно... Но это – это – это – ...это шпионаж... С убийством... Ты – убийца... Убийца и шпионка... А я...

Иветта только пошевелилась, чтобы приблизиться к нему, что-то, возможно попытаться объяснить, но он вдруг заорал так, что звякнули стаканы на столике.

- Не прикасайся!!! Не трогай меня, или я...!

Еще с секунду он смотрел на нее, как смотрят на что-то невероятно гадкое, как на клубок червей, открывшийся под откинутым ногой камнем, а потом вдруг заметался и - выскочил вон из спальни.

Остолбенев, Иветта слушала, как он мечется по гостиной, ругается страшными словами в поисках одежды, как спешно натягивает ее... Потом шаги послышались уже из холла... Повинуясь скорее не разуму, а инстинкту самосохранения, Иветта завизжала:

- Алекс!! Стой!! – но ответом был только оглушительный хлопок сломанной вчера двери.

Дальше Иветта двигалась, как автомат. Она поднялась, сомнамбулически вышла в гостиную, где стала методично подбирать свои разбросанные вещи. Застегивая платье, она равнодушно отметила про себя, что ее руки холодные, как у трупа. Потом она быстро шла по пустому еще коридору к своему номеру.

Закрыв за собой дверь. Иветта без мыслей и чувств прислонилась к ней, но какая-то идея навязчиво проникла ей в мозг. Опять слушаясь не головы, а ощущений, Иветта целенаправленно прошла в спальню, где извлекла из укромного места свой дневник. Наверное, Иветта хотела его уничтожить, но, снова потеряв как власть над собой, так и способность совершать логичные поступки, она застыла на месте с тетрадкой в руках. В гостиной уже послышался топот многочисленных ног, дверь распахнулась, и Иветта увидела сразу три наведенных на нее пистолета в руках людей в черной униформе. Она услышала их перебивающие друг друга хриплые крики:

- Ни с места! Вы арестованы!

За ними показалось бесстрастное лицо Кэтрин и перекошенная рожа Хряка, еще чьи-то толпившиеся фигуры, но Иветта не двигалась, и взгляд ее был устремлен за их спины, где она еще надеялась зачем-то увидеть одно единственное лицо... Но она его не увидела. И, выпустив из рук тетрадь, Иветта Сильвер без звука упала сначала на колени, а затем на бок, и спутанные волосы цвета лунного сияния рассыпались по ее заострившемуся лицу.

Глава 9

«Когда-нибудь улететь отсюда». И вот, она улетала. Иветта сидела в самолете в углу, обхватив себя руками. Здесь, конечно было теплее, чем на улице, но все равно холодновато для шелкового платья и матерчатых туфель на шпильке, в которых ее арестовали. Два охранника в кожаных комбинезонах на меху равнодушно поглядывали в иллюминатор, положив автоматы на колени. Она уже несколько раз пыталась спрашивать у них, куда ее везут, но всякий раз натыкалась на непробиваемое молчание и туповато-холодные взгляды. Правда еще там, на крыше здания за Стенами, когда ее сажали в вертолет, она взмолилась перед офицером военной полиции:

- Будьте милосердны! Прикажите принести из моего номера что-нибудь теплое!

Но он только гадко усмехнулся, а затем по-военному отчеканил:

- Не волнуйтесь, мадам. Господу Богу все равно, в чем вы перед Ним предстанете.

Из этих слов Иветте волей-неволей пришлось сделать совершенно определенный вывод. Она испытала даже смутное облегчение, но теперь она не понимала, зачем ее везут для этого так далеко. Примерно час – прикинула она – летели в вертолете, потом он сел на

каком-то маленьком аэродроме. Иветту вывели на снег в одном платье и туфлях, и так продержали минут сорок. В какой-то мере Иветта была даже благодарна этим людям за их мучительство: время, проведенное в тонком шелке и почти босиком на семи-восьми градусном морозе, выстудило из нее остатки душевных мук. Все ушло: безумная, полная нежности и страсти ночь и невообразимые глаза Алекса, когда он в ужасе выкрикивал «Убийца!», и ее последующее оцепенение, и ненавистные лица в дверях спальни, и та комната-камера с ослепительно-белыми стенами, и пронзительным светом, где она рычала от оскорбления и безысходности, и где не на чем было даже повеситься... В ту комнату ее притащили, когда она была еще без сознания, там продержали без пищи двое суток. В камере не оказалось ни стула, ни стола, ни кровати – лишь умывальник и унитаз в углу. Стены и пол были обиты мягким – так, что даже голову о них не разбить. А в первые сутки, придя в себя и внезапно осознав свершившееся – как огромный, несправедливый и безжалостный кошмар – она каталась по мягкому белому полу, грызла обивку стен и – выла, выла в голос до хрипа, стремясь сойти, но все не сходя с ума...

На вторые сутки Иветта затихла. Она обессиленно валялась на полу и смотрела в низкий потолок. «Иуда – тот предал Спасителя хотя бы за тридцать серебрянников. А за что предали меня?». Она безнадежно задавала себе этот вопрос десятки раз, но даже не пыталась на него отвечать – в глубине души она и так знала простой ответ: Алекс предал ее по слабости и неразумению, в мальчишеском максимализме не позволив ей ничего настоящего объяснить, выслушав лишь факты – а факты были страшны. Ей и самой снилась иногда по ночам покойница Сарра: она тихо стояла в углу ее спальни – не здесь, за Стенами, а почему-то там, в Квин-Сити... Иветта старалась не думать о Сарре днем – иначе невозможно было бы жить. Поэтому она не судила и Алекса, сразу его простив – жалела только, что ничего уже не объяснишь никогда. Вспоминала она и Алексея с Мариной, и тупая боль шевелилась в ней: теперь она знала, что эти люди обманулись, как все теперь кругом обманывались: приняли глумливую ловушку сатаны за указание свыше. И тем взяли грех на душу – и не только за Сарру, но и за ее, Иветтину смерть... А сами же говорили: «Ему будет попущено». У Иветты не осталось сил ни страдать, ни сопротивляться физически, ни бороться духовно. А за сорок минут на аэродроме она и вовсе потеряла способность обращать внимание на что-либо, кроме своего быстро деревенеющего тела.

Когда невдалеке показалась группа людей в черном, Иветта решила, что ее сейчас поведают убивать. Появилось, правда, слабое удивление, почему сначала не допросили. Но у нее не было сил даже поднять руку и перекреститься. Однако ее никуда не повели, а пересадили в самолет, обращаясь с ней так, словно везли гроб с посторонним покойником: без грубости, но и без внимания. В самолете она и вовсе заплакала – но не от новых душевых мук, а от резкой боли в обмороженных ногах, когда они начали оттаивать в тепле. Самолет шел на снижение, заложило уши. Чтобы отвлечься от нестерпимого жжения в ногах, Иветта выглянула в иллюминатор. И вдруг сердце ухнуло: «Это Дорланда!». Ее привезли на родину! Только это она и соображала, когда, ступая, как по углям, спускалась по трапу и садилась в стоявшую там же машину. Два охранника поместились справа и слева от нее, машина взвыла и понеслась. Иветта не имела возможности видеть, куда ее везли: стекла оказались матовыми, а между салоном и кабиной стояла перегородка.

Ехали недолго, скоро остановились, и охранники выволокли Иветту наружу. Она увидела высокие чугунные ворота и – узнала их! Она уже была здесь однажды, четыре года назад... Ворота открылись, и глазам Иветты предстал неузнаваемый под снегом парк, а впереди, почти сливаясь с окружающей белизной, словно парил в воздухе дом-дворец – загородная резиденция Всемирного Владыки Боруха... Идти быстро Иветта не могла, потому охранники, не долго думая, подхватили ее под руки и потащили так, что ноги ее волочились, бороздя свежесвыпавший снег на гравиевой дорожке. Обе туфли потерялись, и

ее, босую и задыхавшуюся, так и втянули в холл. Там ее отпустили, Иветта упала. Перед глазами замелькали пестрые звездочки, в ушах звенело...

- Звери! – раздалось вдруг откуда-то сверху.

С трудом она подняла голову и увидела Менелаха Боруха. Он вприпрыжку спускался по лестнице со второго этажа, одетый в ослепительный белый костюм.

- Звери! – выкрикивал он, пронзая взглядом вытянувшихся в струнку охранников. – Это ведь женщина!

Менелах опустился на колени перед Иветтой, слегка потрогал ее.

- Вы ее убили! Мерзавцы! – рявкнул он громовым голосом.

Охранники только таращили глаза.

- Во-он! – взревел Менелах.

Они забубнили что-то о том, что, дескать, не виноваты, мол, приказ.

- Во-оон!!! – еще более страшно взвыл Всемирный Владыка Борух, и охранники испарились.

Иветта уже поднялась на колени и, стремясь встать как можно скорей, оперлась на Менелаха, не соображая, что делает. Но, не позволяя ей делать усилий, Борух вскочил, разом подхватив Иветту на руки.

- Иветта, любимая, – тихим голосом, в котором сбитой с толку Иветте послышались даже слезы, сказал он. – Что сделали с тобой эти подонки?!

Все это было уже слишком, мысли Иветты окончательно спутались, она только застонала.

- Врача в спальню для гостей! – коротко бросил Менелах через плечо и стал осторожно подниматься с Иветтой по лестнице, бормоча: – Иветта, милая, они недоумки... Это я приказал тебя привезти – как гостью, слышишь? А они... Их всех накажут! Я немедленно распоряжусь... Мучители... Но сейчас все будет хорошо...

Иветта не могла ни отвечать, ни шевелиться. Голова ее запрокинулась и болталась. Она смутно чувствовала, как ее положили на мягкую кровать, как Менелах с чьей-то помощью стал ее раздевать, и не ощущала ни стыда, ни неловкости – все это отошло. Она что-то вспомнила и, не открывая глаз, пролепетала:

- Я... двое суток... ничего не ела...

- Что-о?! – вопль Менелаха был похож на рев раненого мамонта. – Молоко, коньяк и еду сюда, быстро!!!

Через пять минут Иветта уже была переодета в шерстяную ночную рубашку, доктор смазывал ей отмороженные ноги мазью, приносившей мгновенное облегчение, бинтовал их и натягивал поверх бинтов пуховые носки, а Менелах, приподняв Иветте голову, самолично поил ее с десертной ложки молоком. Покончив с этим занятием, он точно таким же способом принялся вливать в нее прекрасный коньяк – не чета тому коричневому пойлу, которое они, бывало, пивали в «барсучьей норе» Надин. Иветта смутно соображала, что должна не покорно глотать с ложки, а выплюнуть все это ему в лицо и гордо умереть, но против своей воли слушалась.

- Иветта, ты в силах проглотить что-нибудь более существенное? – устремив на нее свой знаменитый обнимающий взгляд, спросил Менелах.

- Боюсь, что нет, – безвольно ответила она.

- Глюкозу ей внутривенно и еще что-нибудь, – отрывисто распорядился Борух. – И снотворного.

- Да, Владыка, – послышался ответ врача, и он тот час наложил ей жгут выше локтя. А Менелах в это время взял другую руку Иветты и благоговейно ее поцеловал. Вся его предупредительность выглядела настолько правдоподобно, что не знай Иветта достоверно, что сердце его при этом абсолютно холодно, она бы ни за что бы этому не поверила. Игла легко и почти без боли вошла в ее вену, и Иветта воспарила, подхваченная волной небытия.

...Солнечный свет играл на тонких занавесках весенней расцветки. Иветта разлепила веки и сразу очнулась, в минуту вспомнив все, что с ней случилось. Она подскочила как ужаленная и села на кровати. Огляделась. Веселенькая, словно девичья, комната. Громадный букет пестрых цветов на туалетном столике – Иветта ясно вспомнила, что еще вчера его не было. Рядом на кресле лежал уютный стеганный халат. Она приподнялась и осторожно ступила на пол. Забинтованные ноги в носках отозвались тупой, но вполне терпимой болью. Рядом с кроватью обнаружили плюшевые тапки – как раз по размеру. Иветта сделала несколько неуверенных шагов и надела халат. Все так же осторожно ступая, направилась в ванную. Там оказалось все, что необходимо для туалета – и Иветта основательно вымылась, не замочив лишь ног, вычистила зубы и даже надушилась. Вернувшись в комнату, она обнаружила там улыбчивую девушку в кокетливом кружевном переднике.

- Завтрак для мадам, – тоненьким голоском сообщила она, указав на привезенный ею сервировочный столик.

- Спасибо, – как во сне сказала Иветта. – Идите...

Девушка сделала изящный книксен и вышла.

Не в силах думать, но ощущая зверский голод, Иветта бросилась к столику и стала уплетать все подряд: черную икру – прямо ложкой, заедая ее огромными кусками горячего белого хлеба, из которого сочилось масло, вперемешку с какими-то пирожными и толстыми ломтями поджаренной ветчины с горошком, золотистую жареную курицу, запивая все это сладким черным кофе прямо из носика серебряного кофейника, и отвалилась от столика лишь тогда, когда на нем осталась только пустая посуда и куриные кости...

Она сначала насытилась, а уж потом испытала стыд и отвращение к себе. Не так, не так ей подобало вести себя! Ей нужно было найти в себе силы выкрикнуть что-нибудь уничижительное в лицо Менелаху Боруху, и тогда же принять лютую смерть – именно так поступали христианские мученики всех времен. А вместо этого она только что жрала, как изголодавшаяся гиена жрет труп, еду всемирного «владыки» – скорей всего, будущего мучителя человечества – и не помолилась, не призвала Бога на помощь! Она ничего не смогла с собой поделать: двухсуточный голод – это то, чему мало кто может достойно противостоять...

Иветта сидела в кресле и размышляла обо всем этом, когда неслышно отворилась дверь, и в комнату почти что вбежал Менелах. Сегодня он был одет подчеркнуто просто – почти как богемный художник, в джинсы и толстый шерстяной свитер. Черные волосы, обычно собираемые в косичку, теперь свободно спадали ему на плечи, глаза сверкали. Он устремился к Иветте, с порога протягивая руки.

- Слава Богу! – восклицал он. – Обошлось! Любимая, любимая, ну дай же мне поглядеть на тебя – я ведь уже не знаю, сколько тебя не видел!

Стремительно приблизившись, Менелах опустился на колени перед креслом Иветты, как перед тронем царицы. Он почтительно поцеловал ей сначала одну руку, потом другую. Поднял голову, блеснул зубами – и абсолютно ничего в этой мягкой улыбке не напоминало оскал зверя.

- Ну, рассказывай! – возбужденно выдохнул он и сел по-турецки у ее ног.

Иветта сглотнула и промолчала. Все это настолько не походило на то, что, по ее разумению, должно было с ней произойти, что она не просто растерялась, а опять начала впадать в подозрительное состояние нереальности. Что тут было рассказывать! Ее, разоблаченную шпионку, вчера доставили в резиденцию Президента Объединенного Правительства, и уж конечно, первым делом должны были пытаться, а вторым – расстрелять. А этот самый президент сидел теперь перед ней на ковре и разговаривал так, словно встретил давнего, близкого друга, вернувшегося из кругосветного путешествия. Склоняя голову то на один бок, то на другой, Менелах умильно смотрел на Иветту – точь-в-точь преданный любовник! Она подавленно молчала, словно проглотив язык.

- Иветта! – с оттенком нежной укоризны позвал Менелак. – Иветта, ну можно ли так? Неужели ты еще чего-то боишься? Ты с ума сошла! Я рад, смертельно рад тебя видеть, и Надин все время спрашивает, когда врач позволит прийти к тебе! Ты же наш друг, ты столько добра сделала Надин в трудные годы – разве такое забывается?! Ну, оступилась, попала под чье-то там влияние – так и черт с ним.

- Менелак, – наконец, выдавила Иветта. – Ты что – ничего не понимаешь? Он махнул рукой:

- Да все я понимаю, любимая ты моя! Кстати, я должен тебе сказать, что ты видишь перед собой, – тут он сделал шутливо-строгое лицо, – тс-сс... Круглого идиота...

Иветта уже ничему не удивлялась, только пожала плечами.

- Да-да, идиота, – с пылом продолжал он. – Я на тебя единственную, кто у нас бывал, не заказал досье, честное слово... Мне все как-то казалось, что там ничего серьезного, какая-то милая, знаешь ли, женская драма. Ах, если б я тогда знал, то, что узнал позавчера! – сокрушенно помотал головой Борух. – Ах, если бы я только знал! Я бы ни за что не отпустил тебя – так велика была опасность тебе сойти с прямой дороги! И точно... Но теперь... Видишь, я тебе говорил, что Бог Своих не оставляет... Ты ведь одна из наших, Иветта, тех, которые, помнишь, «по Образу и Подобию»... – он лукаво сощурился.

- Я из детей Евы... – тихо ответила Иветта.

Он покачал головой, улыбаясь:

- Теперь, когда я тебя, наконец, вытащил – ты поймешь... Но не сейчас. Сейчас просто отдыхай ты от всего этого! Хочешь в Швейцарию, в горы, а? Ах, прости, я забыл, что там твой папа погиб... Ну, тогда – на корабль – и в кругосветное путешествие! Решай, а пока погости в нашем доме, сколько хочешь... С детьми нашими повозись, у нас месяц назад еще ребенок родился, наконец-то девчонка, представляешь? Слыхала? Я знаю, ты детей любишь...

«Гостить у них в доме! С детьми возиться!» – Иветте показалось, что на нее рухнет потолок.

- Кстати, а эта Сарра Райт... Она, что – э-э... того? – Борух вопросительно поднял брови, и провел большим пальцем по горлу.

Иветта молча кивнула, не отрывая взгляда от его лица и ожидая гнева, взрыва или еще чего-нибудь в этом духе. Менелак беззаботно, по-детски расхохотался, и от этого здорового хохота Иветте подурнело.

- Туда ей и дорога! – просмеявшись, подвел черту Менелак. – Между нами, стерва-то была порядочная. Ну, так и вечная ей память!

Он легко встал, опять поцеловал Иветте руку и направился к двери, оставляя ее в состоянии, близком к обморочному. Ей уже казалось, что сейчас Борух исчезнет за дверью, и она не представляла, что же ей теперь делать, когда он резко остановился на пороге комнаты и повернулся к ней. И она тихо ахнула, потому что на этот раз он обернулся уже с подлинным своим лицом – жестоким, непримиримым, с сатанинским блеском в пронзительном взгляде. Тихо, но таким тоном, что все внутри у нее сдвинулось с места, сказал:

- Их имена, Иветта. Имена. Потому что это организация врагов человечества, руководимая русским царем. Иначе быть не может: они имеют доступ к документам моей канцелярии. Имена – и ты наш гость и друг. А нет... – Он развел руками и указал на письменный стол: – Там ручки и бумага. Имена. Через десять минут я вернусь. Менелак Борух скрылся за дверью.

Еще несколько минут Иветта сидела, не шевелясь, а потом вскочила и кинулась к столу. Схватив лист бумаги и ручку, она лишь секунду помедлила, а потом быстро-быстро написала что-то. Потом она перевела дыхание и откинулась, не в силах взглянуть на написанное. Полное опустошение овладело Иветтой – и не было ни боли, ни торжества. Позади послышались мягкие кошачьи шаги Менелаха Боруха, и из-за ее спины протянулась к листку его рука. С радостным возгласом: «Написала!», он схватил листок и

поднес к глазам. Но он рано обрадовался. Там было написано: «А пошел ты...» – и указан конкретный адрес. Иветта безучастно смотрела перед собой. Менелак бросил на нее короткий, острый, напряженный взгляд и, не говоря ни слова, большими шагами покинул комнату. Сейчас же дверь открылась вновь, и на пороге возникли два человека в знакомой Иветте униформе.

- Следуйте за нами, – приказал один из них.

Иветта послушно встала. И опять, в халате и тапочках, ее повели по коридору, а затем вниз по лестнице. Кто-то уже распахнул входную дверь, когда сверху прозвенел крик:

- Пойдите!

Все обернулись, и Иветта увидела летящую к ней Надин – всю ту же неподражаемую Надин с фиалковыми глазами и копной желтых пушистых волос. Она подлетела к Иветте, охрана встала по стойке «смирно».

- Иветта! – быстро зашептала Надин. – Молю тебя, одумайся! Что ты делаешь! Ты же идешь на смерть! И потом – там, в Центре, в руках их полиции, ты все равно все скажешь! Менелак только что приказал им: вы прохлопали шпиона – вы его и трясите... Так что – ты скажешь... Одумайся, несчастная, ради кого и чего ты это делаешь?! Тебя здесь ждет такая жизнь...

- А потом? – тоже шепотом спросила Иветта.

- Что – потом? – не поняла Надин.

- После... Когда будет Суд... После жизни – Суд Божий?

Необыкновенные глаза Надин полыхнули:

- Суд Божий у тебя здесь! Сейчас! Как ты еще не поняла – Бог протянул тебе руку, а ты оттолкнула и оскорбила Его! Покайся сейчас!!! У тебя больше не остается времени!!! Покайся – и Он, как блудную дочь, примет тебя обратно!! – с искренним отчаянием и нехарактерной для нее силой убеждения зывала Надин.

Но Иветта только криво усмехнулась – так усмеваются, подходя к плахе:

- Бог – это, конечно, твой муженек? – иронично спросила она. – Метишь в царицы небесные? Дура ты, Надин, прости тебя... Бог.

И больше не глядя на бывшую подругу, Иветта шагнула больной ногой в плюшевом тапочке через порог, на ступени белого мраморного крыльца.

Глава 10

Опять Иветта сидела в той же самой белой камере. Она забилась в угол, обняла колени и положила на них голову. О завтрашнем дне, когда ее станут допрашивать – и совершенно ясно было – как, она почему-то думала вяло, без особого страха, чувствуя лишь почти равнодушную пустоту. Так часто случается после слишком больших потрясений, про которые годы спустя, думаешь: «И я мог это вынести и не сойти с ума?!». Но Иветта хорошо знала, что спустя многие годы ей вспоминать об этом не придется: оставшаяся ее жизнь измерялась, в лучшем случае, днями. Она спрашивала себя, хватит ли ей сил промолчать и не выдать Марину с Алексеем, а заодно с ними – и все Духовное Сопротивление. И тут же сама себе отвечала: нет, тех сил, которые у нее есть, недостаточно. И рассчитывать приходится только на особую Божью милость – что в нужный момент необходимое мужество будет даровано. Она знала, что следует горячо молить об этом Всевышнего, но молитва не рождалась в отупевшей душе. Так она и сидела, уставясь в одну точку, чуть раскачиваясь взад-вперед, когда вдруг услышала, что в замке поворачивается ключ. Иветта вздрогнула: неужели – уже?! Как бы там ни было, а она считала, что несколько часов последнего отдыха у нее есть. А оказывается, за ней уже шли, открывали дверь, гремя сложными замками... Испытав мгновенную резкую боль в сердце, Иветта отвела глаза, чтоб хоть лишнюю секунду не видеть тех, кто пришел. Дверь распахнулась.

- Сарра! – раздался в камере знакомый голос, единственный голос.

Иветта подняла голову и вскрикнула: в дверях стоял Алекс. Один. Ее изумление было таким внезапным и ошеломляющим, что она ни слова не могла сказать, лишь таращила на него расширенные глаза. Губы Алекса были плотно сжаты, глаза прищурены и сосредоточены. Он быстро подошел к ней и, взяв за локоть, поставил на ноги лицом к лицу с собой. Иветта обрела способность говорить, и постаралась вложить в свой голос все возможное презрение – презрение, которого на самом деле не испытывала:

- Что ты тут делаешь?

Ничего негативного в ее словах не прозвучало, Алекс это почувствовал, и на его лице отразилось облегчение. Он даже чуть улыбнулся краешком губ, и опять что-то неуловимое, чуть озорное, мелькнуло в его взгляде. Радость, всеобъемлющая радость – вот чувство, которое Иветта испытала в такой неподходящий момент. Этот человек недавно предал ее в руки палачей, а теперь стоял перед Иветтой – молодой, красивый, с непослушными волосами и загадочной полуулыбкой, и она еще раз поняла, что даже его страшный, необъяснимый поступок не переломил хребет ее любви. Иветта неосознанно улыбнулась ему в ответ. Все это длилось секунды, а затем Алекс быстро заговорил:

- Слушай, Сарра, ну, или как там тебя... Мы отсюда сматываемся. И, если ты не учинишь мне сейчас какой-нибудь глупой истерики по поводу моего гнусного поступка, то у нас есть реальный шанс. Только ни о чем не спрашивай, я все объясню по дороге, а теперь слушайся меня – и все. Идем.

Он схватил ее за руку и повлек к двери. Как бы ни была Иветта ошеломлена, но она быстро смекнула, что терять все равно нечего. Она беспрекословно двинулась за Алексом, лишь на пороге выдохнув:

- Но... Охрана...

Алекс досадливо тряхнул головой, силой выволакивая ее из камеры. Они быстро миновали короткий белый коридор, и на секунду Алекс задержался у проема одной из дверей, показав туда глазами:

- Вот она, твоя охрана, – мрачно сказал он.

Иветта заглянула и ахнула: посередине комнаты вокруг стола, где красовалась пустая литровая бутылка, в живописных позах расположилось несколько охранников. Кто-то валялся вниз лицом на столе, кто-то в беспомощной позе свисал со стула, кто-то лежал на полу.

- Алекс, ты их... – в ужасе пробормотала Иветта.

Он уже тащил ее дальше и, посмеиваясь, бормотал на ходу:

- Ах, какой ужас в глазах профессиональной шпионки! Нет, успокойся, они только в отключке. Разве они могли бы устоять перед оказанной им честью – выпить по стаканчику с сыном господ Мейзель, героем, разоблачившим русскую агентку? Откуда им было знать, что я спер у мамыши в клинике чуть не фунт клофелина и подмешал в водку? Читала рыцарские романы? Очень похожим способом странствующий хитрый рыцарь обезвреживал, бывало, стражу в темнице, где томилась прекрасная дама... Мне было, где научиться...

- И как же мы выберемся? – спросила Иветта, едва поспевая за ним. Алекс тихо хохотнул:

- Вертолеты на крыше. Там всегда для проформы один охранник – руководство почему-то считает, что из этого Эдема никто не захочет удирать, тем более – на вертолете. Охранник уже получил по кумполу и лежит связанный. Но, на всякий случай... – и Алекс извлек из кармана пистолет с глушителем.

- У Хряка спер, – весело пояснил он, а Иветта похолодела:

- Ты хочешь сказать, что можешь из него кого-нибудь...

Алекс остановился и внимательно посмотрел на Иветту, а потом покачал головой:

- И от кого я это слышу! Кажется, от женщины, которая еще совсем недавно принимала участие в убийстве бедной невинной девушки – ее, если мне не изменяет

память, вынесли из поезда в коробке от стереосистемы, не ты ли мне три дня назад сама об этом рассказывала?

- Там было другое... Но я себя не оправдываю, – упавшим голосом отозвалась Иветта.

- Знаю, что другое, – мягко сказал Алекс и вдруг погладил Иветту по волосам. – И все же... – он взвел курок и, снова взяв ее за руку, быстро пошел вперед, туда, где виднелись впереди двери лифта.

Они никого не встретили и благополучно вошли в лифт; он взмыл к небесам. Иветта и сама не заметила, как за эти минуты к ней разом вернулось все ушедшее: и вкус к жизни, и воля и уверенность в счастливом конце. Сердце ее бешено стучало.

- Куда мы полетим?

- В Россию, куда же еще, другого пути нам теперь нет, – коротко и серьезно ответил Алекс.

Иветта задохнулась:

- И мы... доберемся? А граница... Нас к ней не подпустят... А если перелетим – русские собьют... Или...

- Или мы тут сдохнем, вернее, ты, а я – вслед за тобой, – закончил Алекс. - Конечно, трудно будет. Но, раз есть шанс...

Она кивнула. Лифт остановился. Они выскочили и устремились к выходу на крышу. - У вертолета бак полон, – продолжал Алекс. – Если лететь по прямой – до границы дотянем: Россия не так далеко, как ты думаешь. Здесь нас не тронут: на вертолете опознавательные знаки Личных Вооруженных Сил Владыки... Никто не имеет права не только сбивать такой вертолет, но даже просто первым лезть к нему на связь. Пока будут сообщать, что это мы такое делаем, мы через границу – скок. А там сразу орем в микрофон по радио: не трогайте, мол, нас, мы свои и просим политубежища, а на борту – женщина... Они стрелять не будут – голову даю на отсечение!

Алекс говорил так уверенно и спокойно, что Иветте окончательно полегчало. Когда рядом человек – да еще такой любимый – совершенно уверен в благополучном исходе, ей показалось просто нелепым бояться или сомневаться.

Когда Алекс раздвинул дверь на крышу, оттуда на Иветту пахло ледяным воздухом морозной ночи, и она услышала, как Алекс тихо рассмеялся:

- Хренов из меня беглец! Обо всем позаботился, а про теплые вещи начисто забыл. Придется так. Давай руку.

Они выбрались на крышу и побежали к стоявшему в стороне маленькому, безобидному на вид вертолету. У Иветты сильно болели ноги, и она, влезая в кабину, чуть не застонала, но сдержалась.

- А ты и вертолетом управлять умеешь? – превозмогая усилившуюся боль, спросила она. Алекс махнул рукой:

- Я еще много чего такого умею, что тебе и не снилось, – и посерьезнел: – Ну, с Богом...

Иветта перекрестилась и, взглянув на нее, Алекс секунду поколебался и неумело сделал то же самое... Потом он нажал какие-то кнопки, что-то повернул, и машина взревела, затряслась, лопасти с шумом завертелись. Миг – и похожий на большую умную стрекозу вертолет оторвался от крыши.

Выше и выше поднимался он, и никто в городке не обратил внимания на привычные звуки: вертолеты часто летали над Центром, случалось – и ночью, потому никому и в голову не пришло, что он похищает в своем брюхе Алекса и Иветту. Им ловко удалось выбраться за Белые Стены, и таким гладким казался простой план Алекса, что все, наверное, так и произошло бы, если б не одно обстоятельство, которого, конечно, никто не мог предугадать. А у охранника на крыше еще вечером поднялась температура и, заступая на смену, он уже чувствовал себя совершенно больными разбитым. Поэтому он договорился со сменщиком, что тот заступит на вахту спустя не положенные шесть часов,

а лишь четыре – облегчит приятелю жизнь по дружбе... И, когда через полчаса после побега верный своему слову напарник поднялся на крышу, он услышал сдавленные стоны из караульной будки. Влетев туда, он обнаружил там связанного товарища со ртом, залепленным широкой полосой пластыря и глазами, вылезавшими из орбит: бедняга чуть не задохнулся, потому что нос у него был заложен. Алекс не был мучителем: он об этом не знал. И первое, что услышал напарник, отодрав пластырь, было короткое слово: «Измена!»

Через десять минут весь Центр был на ногах. Выдернутые из постели Мейзели довольно быстро определили для себя более или менее верную картину событий. Неподвижные охранники в караульной комнате, распахнутая дверь камеры Иветты, отсутствие сына – все это, вместе взятое, не оставляло места для сомнений...

- Говорил я тебе, – прошипел Мейзель в лицо Катерине, – убери ты отсюда своего ублюдка... Так нет...

Как всегда не потеряв хладнокровия, Кэтрин спокойно положила руку на плечо мужа:

- Без паники. Боруху ничего не сообщать. Мы их воротим, – и резко, непреклонно бросила в сторону столпившихся вокруг нее офицеров военной полиции: – Все вертолеты с группами захвата – немедленно в погоню. Направление – ближайший путь к границе с Россией. Вертолет беглецов посадить, их самих взять живыми. Связь держать с нами через радицентр. Выполнять.

Все ринулись проявлять служебное рвение, а Кэтрин Мейзель своей гордой походкой направилась к радицентру. Муж, изрыгая страшные ругательства, катился за ней большим клубком.

...Вертолет шел на автопилоте. Алекс и Иветта в изнеможении откинулись в креслах и напряженно смотрели вперед, в темноту. Наконец, Иветта медленно повернула голову к Алексу. Он чувствовал ее взгляд, но не решался посмотреть на нее. Теперь, он знал, пришло время объясниться, но он не мог заставить себя поднять глаза.

- Саша...

Впервые Иветта назвала Алекса так, да и с незапамятных времен, с России, никто так не называл его. Даже русская мать. Он безнадежно превратился в Алекса, и теперь это короткое его настоящее имя, произнесенное тихим голосом любимой, все в нем перевернуло. На глазах выступили слезы, и Саша не знал, как бороться с ними – и надо ли бороться.

- Саша, – опять мягко промолвила Иветта. – Зачем ты меня выдал? Александр закрыл глаза и запрокинул голову, но слезы все равно пробилась из-под зажмуренных век и предательски потекли по щекам.

- Я простила, Саша, – тихо сказала она. – И ты меня прости... Только скажи – зачем? Неужели верил им?

Уже не скрывая слез, Саша Голованов повернул лицо к Иветте.

- Знаешь, – с трудом заговорил он. – От неожиданности всего этого... Мне на какой-то миг показалось, что ты сознательно меня... соблазнила, чтобы использовать... Да нет, не то... Все, что ты сказала, было так невообразимо, что у меня просто не достало ума... все правильно осмыслить... Я послушался первого импульса. Словно дергал кто-то за руку: скорей, скорей... Теперь-то я понимаю, кто был этот «кто-то»... А потом – почти сразу – я ужаснулся! Но уже было поздно. А тут мать принесла твой дневник и стала на меня орать: ведь ты там все записала, что я говорил... Но она быстро смягчилась: ведь я, в конечном итоге, тебя сдал... Она сочла все это моим невинным юношеским вольнодумством. Приписала моему неопасному врожденному бунтарству... И дала дневник мне почитать в назидание – вот, мол, смотри, каким идиотом ты был. А я прочел – и...и...

- И только тогда понял?

- До конца – только тогда. Всю чудовищность того, что сотворил... Когда тебя отправили к Боруху, я чуть не умер: думал, все, конец: тебя там убьют... Уж осину себе

высматривал – как Иуда... А когда ты вернулась, я знал, что должен тебя спасти, и мне наплевать, чем это все теперь кончится, Иветта, Иветта... Родная... – и голос его взлетел. – Ты простила, но как мне сделать, чтобы и Бог простил?!

- А Он простит, – проговорила Иветта. – Ты покайся, и Он простит... А может быть, и меня тоже... – и вдруг, закрыв лицо руками, Иветта впервые за эти ужасные три дня разрыдалась – бурно и неутешно.

Перегнувшись из своего кресла, Саша безмолвно прижал ее голову к своему плечу. Потом он взглянул на экран и, нахмурившись, отстранил Иветту:

- Приближаемся к России. Давай наденем наушники – может, они первые нас о чем спросят...

Они надели наушники, в которых стоял эфирный треск, слышались чьи-то далекие неразборчивые переговоры, и Александр перевел вертолет обратно на ручное управление:

- Ну вот. Теперь скоро. Последний рывок.

- Именем Владыки Боруха! – раздался в этот момент в обоих наушниках суровый металлический голос. – Алекс Мейзель! Приказываю посадить вертолет!

Саша с Иветтой в панике переглянулись и прислушались, приподняв наушники. Позади них, неотвратимо нарастая, слышался гул сразу нескольких тяжелых моторов. Иветта в смятении смотрела на Сашу, а его лицо вдруг сделалось жестким:

- О, ч... – хотел выругаться он, но опомнился, остро ощутив себя перед лицом Всевышнего. – Погоня!

- Они собьют нас! – выкрикнула Иветта.

Отвернув в сторону микрофон, он посмотрел на нее:

- Как бы не так. Я – сын Мейзеля, думают они. Не посмеют.

- Он прикажет!

- Кэтрин не даст! – и, вернув микрофон на место, Саша весело крикнул: – Как же! Ждите у моря погоды!

Рев мощных вертолетов приближался и слышен был даже сквозь наушники. Сердце Иветты упало: там, в камере, она уже успела свыкнуться с предстоящей смертью, но теперь все в ней восстало. «Не хочу», – простонала она.

- Алекс Мейзель, не делайте глупостей! Ваше положение безвыходно! – донеслось по радио.

Алекс не отвечал, сжав зубы и вцепившись в руль управления: вертолеты наседали сверху, их маленькой стрелочке пришлось увертываться.

- Внимание, преследуемый вертолет! – послышался в наушниках другой голос, с сильным акцентом, и Иветта поняла: говорят оттуда, из России, их видят на экране радара, а может, уже и так. – Вы имеете намерение пересечь границу Российской Империи?

- Да, да! – отчаянно вскрикнула Иветта. – Они нас прижимают! Спасите нас, спасите!!

- Пока вы над территорией Объединенной Европы – помочь вам не можем, – ответил взволнованный голос. – Можете лететь быстрее?! Если они не собьют вас – у вас есть надежда!

И тут же возник другой голос, густой баритон, кричавший по-русски, его понял только Алекс:

- Ребятунки, тяните!!! Еще немного, милые!!!

...В радиоцентре за Белыми Стенами царил переполох. Начальник Центра с трясущимся подбородком докладывал Мейзелю:

- Г-н директор, они не могут их посадить. Наши вертолеты большие и неуклюжие, а их – маленький и верткий. А этот дьявол, простите, ваш сын, здорово управляет!

- Я сам его научил на свою голову, – рявкнул Мейзель. – Дай сюда микрофон! – и, схватив микрофон, Мейзель заорал в него во все горло по-русски: – Ты, скотина поганая!

Сажай вертолет, сучий сын, прохвост, сажай вертолет, а не то я велю вас взорвать!! ...твою мать!

- А ты ее спроси, – донесся насмешливый ответ.

Хряк зарычал, топая ногами, Кэтрин схватила другой микрофон и неожиданно по-русски запричитала в него, впервые за много лет потеряв самообладание:

- Сыночек, миленький, не валяй дурака! С кем ты связался! Вспомни, это женщина – убийца! Ей надо будет – она и тебя убьет! Алекс, заклинаю – послушай свою мать! Ты разрываешь мне сердце, сын!! Только посади, и тебе ничего не будет, я обещаю! Я умоляю тебя! Я здесь стою на коленях!!! – и она, действительно, рухнула на колени перед пультом.

- Я бы лучше своего папу спросил. Настоящего. Но ведь вы же его убили. И ты первая начала. А теперь и меня хочешь сделать полной сволочью! Нет уж, хватит, я и так уже трое суток пробыл в этой шкуре! – свирепо ответил ее сын.

- Через две минуты они будут в России! – взвизгнул начальник радицентра.

- Сбить! – взревел Мейзель. – Немедленно сбить! Они же ведь там все, к чертям, расскажут! И Борух всем нам снимет головы! Сбивайте, я сказал!

- Но, ваш сын... – растерялся начальник военной полиции, беспомощно переводя глаза с Мейзеля на Кэтрин и обратно.

- Да какой он мне сын! Это вот ее выблядок! – процедил Хряк, ткнув пальцем в сторону жены, и все посмотрели на Катерину.

Но она уже поднялась с колен и выпрямилась. Лицо снова стало каменным.

- У меня нет сына, – четко произнесла Кэтрин обычным своим голосом и, круто развернувшись, вышла вон.

- Сбивайте их, они уйдут! – хрипел Мейзель, сразу позабыв про жену.

- Вам дается минута на размышление, а потом вас приказано сбить, – сказал в микрофон начальник военной полиции.

- Ищите дураков! – послышался бесшабашный ответ.

- Саша, миленький!.. – услышали все срывающийся женский голос. – Посади ты его – хоть ты один спасешься! Саша, посади! Не губи ты себя из-за меня! Любимый, я прошу тебя!!

- Нет, – раздался спокойный голос Алекса. – Если посажу – то уж точно погибну. А так – Бог милостив...

- Да заткните же его... – из последних сил прошептал Хряк.

А красавица доктор Кэтрин Мейзель тем временем скорым шагом направлялась в свой кабинет. Четкими движениями она повернула ключ и вошла. Сразу устремила к стеклянному шкафчику в углу. Твердой рукой достала коробку с ампулами. Содрала обертку со шприца и, сломав несколько ампул, втянула содержимое каждой в его прозрачное тело. Потом закатала рукав, быстро наложила резиновый жгут и привычными пальцами нащупала вздувшуюся вену. Взяла наполненный шприц и уже поднесла его к обнаженной руке, как вдруг задумалась. Помедлив, как была, со жгутом, она приблизилась к окну, держа шприц.

Кэтрин Мейзель – в прошлом Катя Голованова – в последний раз смотрела на мир. Мир, в котором где-то бесконечно далеко в ту секунду медленно падали на деревья горящие обломки маленького вертолета, мир в котором еще, казалось, звучал во всех наушниках радицентра перешедший предел отчаянья и муки почти мальчишеский голос:

- Господи, нет мне прощения! Но прости меня, Господи!

май 1995 - октябрь 1996 г.

Санкт-Петербург